

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

№ 3
ТОМ 12

ISSN 2413-6891

2024

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

S O C I O L O G I C H E S K A J A N A U K A
I S O C I A L ' N A J A P R A K T I K A

Рецензируемый научный журнал

Основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год;
с 2023 г. в сетевом формате

2024. Том 12, № 3

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3

EDN: CGDSPB

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Журнал включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК — категория К1, индексируется в WoS RSCI
Журнал открытого доступа

Все выпуски журнала размещаются на официальном сайте:

<https://www.socnp.ru>

ГОРШКОВ Михаил Константинович	главный редактор, академик РАН, доктор философских наук, директор, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич	кандидат педагогических наук, доцент, директор Восточного института Бурятского государственного университета (Россия)
БАРАШ Раиса Эдуардовна	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна	кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГОФМАН Александр Бенционович	доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)
ГРИНБЕРГ Руслан Семёнович	член-корреспондент РАН, научный руководитель, Институт экономики РАН (Россия)
ДУАЙЕР Том	профессор, университет Кампинаса, член Исполкома Международной социологической ассоциации (Бразилия)
ЗУБОК Юлия Альбертовна	доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КРАВЧЕНКО Сергей Александрович	заместитель главного редактора, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО-Университет МИД РФ (Россия)
МОЗГОВАЯ Алла Викторовна	заместитель главного редактора, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
МОРГАН Джон	доктор философии, профессор, Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО Соединенного Королевства, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания)
МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ЛИ Пейлин	академик, Китайская академия общественных наук (Китай)
СМИРНОВ Александр Ильич	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна	доктор социологических наук, профессор-исследователь НИУ ВШЭ (Россия)

Editorial Board

GORSHKOV Mikhail	(Editor in Chief), Academician, Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
AKTAMOV Innocenti	Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Director of the Oriental Institute of the Buryat State University (Russia)
BARASH Raisa	Candidate of Politology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
DWYER Tom	Professor, University of Campinas, a Board member of the International Association of a sociological (Brazil)
GOFMAN Alexander	Doctor of Sociology, Professor of Department of General Sociology of the HSE University (Russia)
GRIGOR'EVA Ksenija	Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
GRINBERG Ruslan	Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)
KONSTANTINOVSKY David	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
KRAVCHENKO Sergey	(Deputy Editor), Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Sociology MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry (Russia)
LI Pailin	Academician, Chinese Academy of Social Sciences, (China)
MORGAN John	Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK)
MOZGOVAYA Alla	(Deputy Editor), Doctor of Sociology, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
MUKOMEL Vladimir	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
SMIRNOV Alexander	Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
TIKHONOVA Natalia	Doctor of Sociology, Professor, HSE University (Russia)
ZUBOK Julia	Doctor of Sociology, Deputy Director for Research, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

- Дудин И. В., Тихонова Н. Е.*
Субъективное благополучие россиян через
призму их идентичностей: состояние и факторы 6
- Подлесная М. А.*
Актуализированные ценности солдата СВО:
письма с фронта – 2023 26

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

- Амбарова П. А., Шаброва Н. В.*
Студенты как партнёры научных проектов в российских вузах:
возможности и барьеры 56
- Карпова А. Ю., Савельев А. О.*
Тенденции динамики развития исследований феномена
радикализации: наукометрический анализ 76

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

- Гурко Т. А.*
Динамика повседневных практик городских родителей 108
- Кученкова А. В., Майорова-Щеглова С. Н.*
Счастливое детство: поиск информативной системы признаков
сквозь призму событийности 125

СОЦИОЛОГИЯ БЮДЖЕТОВ ВРЕМЕНИ

- Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И.*
Распределение и продолжительность работы по дому
в домохозяйствах, состоящих из брачных пар 150
- Бессокирная Г. П., Большакова О. А., Караханова Т. М.*
Городская семья с несовершеннолетними детьми:
ресурсы, нравственные ориентиры и социальная адаптация
работающих родителей. Часть первая 173

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- Бабич Н. С., Михайлов А. А.*
Анализ достоверности данных массовых опросов
(на примере оценок распространённости курения в России . . . 198

MODERN RUSSIAN SOCIETY

- Dudin I. V., Tikhonova N. E.*
Subjective well-being of Russians through the prism
of their identities: state and factors 6
- Podlesnaia M. A.*
The updated values of a soldier of a special military operation:
letters from the front 2023 26

SOCIOLOGY OF SCIENCE

- Ambarova P. A., Shabrova N. V.*
Students as partners of research projects in Russian universities:
opportunities and barriers 56
- Karpova A. Yu., Savelev A. O.*
Trends in the dynamics of radicalization phenomenon researches:
scientometric analysis 76

SOCIOLOGY OF THE FAMILY

- Gurko T. A.*
Dynamics of everyday practices of urban parents. 108
- Kuchenkova A. V., Mayorova-Shcheglova S. N.*
Happy childhood: the search for an informative system
of characteristics through the prism of eventfulness 125

SOCIOLOGY OF TIME BUDGETS

- Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnov A. I.*
Distribution and duration of chores in married couple
households.. . . . 150
- Bessokirnaya G. P., Bolshakova O. A., Karakhanova T. M.*
Urban family with minor children: resources,
moral guidelines and social adaptation of working parents.
Part one 173

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Babich N. S., Mikhailov A. A.*
Analysis of the mass survey data reliability
(using the example of smoking prevalence in Russia estimates). . 198

УДК: 316.442, 316.733

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.1

EDN: VLHCHJ

Научная статья

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РОССИЯН ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: СОСТОЯНИЕ И ФАКТОРЫ

Илья Васильевич Дудин¹

Наталья Евгеньевна Тихонова²

^{1, 2} Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

¹ dudiniv99@mail.ru,

ORCID 0000-0002-0025-9958

² netichon@rambler.ru,

ORCID 0000-0002-5826-4418

Для цитирования: Дудин И. В., Тихонова Н. Е. Субъективное благополучие россиян через призму их идентичностей: состояние и факторы // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 6–25. DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.1. EDN VLHCHJ.

Аннотация. В статье на данных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН продемонстрирована распространённость связанных с субъективным благополучием идентичностей россиян (идентичность с людьми того же материального достатка, с постоянно нуждающимися и с добившимися успеха в жизни). Анализ этих идентичностей эффективно дополняет традиционные методы изучения благополучия, оценивая его не «в моменте», а за длительный период, поскольку идентичности формируются долгое время и имеют устойчивый характер. Показано, что три эти символические идентичности позволяют «поймать» разные составляющие субъективного благополучия. Самоидентификация с постоянно нуждающимися отражает неблагополучие, обусловленное не только низкими доходами и испытываемыми лишениями, но и разрывом между уровнем запросов человека и его реальными достижениями. Идентичность с добившимися успеха людьми тесно связана с общей удовлетворённостью жизнью и своим местом в статусной иерархии, отражая достижение человеком значимых для него целей (не обязательно связанных с материальным благополучием). Идентичность с людьми того же материального достатка чаще присуща благополучным людям, поскольку среди неблагополучной части населения многие стараются найти для самопозиционирования в социуме более благоприятные для себя основания. Поскольку эти идентичности отражают разные аспекты субъективного благополучия, то типичным для россиян является сейчас сосуществование на первый взгляд взаимоисключающих идентичностей. Показано также, что самоидентификации представителей массовых слоёв населения страны по их благополучию занимают важное место в их идентификационной системе, а распространённость этих идентичностей устойчива во времени, хотя, как и ранее, они не относятся сейчас к «ядерным» для неё. Относительно чётче

эти идентичности выражены у представителей полярных с точки зрения их места в системе социальных неравенств групп. При этом в совокупности они позволяют довольно чётко определить место человека в системе социальных неравенств.

Ключевые слова: субъективное благополучие, субъективное благосостояние, идентичности, групповые идентичности, символические идентичности, вторичные идентичности, самоидентификация человека, общественное сознание

Введение

Одним из основных трендов развития социальных наук в последние десятилетия стал резкий рост внимания к проблематике субъективного восприятия людьми собственного благополучия. Начало этому тренду обычно связывают с работой Р. Истерлина [1], за которой последовали многочисленные публикации, посвящённые этой тематике как в нашей стране [2; 3; 4; 5; 6 и др.], так и за рубежом [7; 8 и др.]. Практически во всех этих работах обращается внимание на многозначность понятия благополучия, сложности с методологией и методикой его анализа, а также на несовпадение объективных характеристик благополучия и его субъективного восприятия. Дополнительно затрудняет анализ этой проблематики дифференциация значимости отдельных его составляющих для разных людей, обусловленная особенностями их самоощущения в социуме и спецификой запросов.

В этой связи особый интерес приобретает рассмотрение особенностей восприятия индивидами своего благополучия через призму их идентичностей, позволяющее понять, в какой степени уровень субъективного благополучия значим для самоопределения в социуме и насколько благополучными людьми россияне сейчас себя воспринимают. Напомним в этой связи, что понятие «идентичность» интерпретируется в науке обычно как результат осознания индивидом самого себя как члена общества, т. е. того, что он из себя представляет на фоне остальных его членов. Причём за этим самоопределением могут стоять как «Я-идентичности», отражающие видение себя человеком через свои личностные особенности, так и «Мы-идентичности» (или групповые идентичности), отражающие ощущение своей принадлежности к тем или иным социальным группам. Это ощущение формируется в результате самоидентификации с этими группами в процессе социализации и включает представления о своих отличиях от членов других групп (их моделей поведения, ценностных ориентиров и т. п.) или сходстве с ними. В фокусе внимания данного исследования были именно «Мы-идентичности».

На самоидентификацию индивида могут влиять различные факторы. В их числе как изменение внешней обстановки (от динамики ситуации

в стране до изменений в характере занятости), так и внутреннее развитие индивида, в частности его взросление или переход к другим этапам жизненного цикла. Особо актуален вопрос об устойчивости идентичностей массовых слоёв населения для российского общества, пережившего за последние десятилетия множество знаковых событий — от Перестройки и эйфории по поводу вхождения России в «общеевропейский дом» после распада СССР до беспрецедентной конфронтации со странами Запада и реальной угрозы третьей мировой войны. Естественно, что такие масштабные трансформации вызвали значительные изменения в общественном сознании. Пришлось на этот период и целый ряд серьёзных экономических кризисов, и общий рост благосостояния населения. В этих условиях естественен вопрос: как выглядят сейчас идентичности россиян, отражающие видение ими своего места в иерархии благополучия, и претерпели ли они за последние четверть века значимые изменения?

Значимость ответа на него для оценки субъективного благополучия россиян определяет актуальность данного исследования, целью которого выступил, соответственно, анализ особенностей восприятия россиянами своего благополучия (прежде всего материального) через призму системы их групповых идентичностей. Исходя из этой цели, были поставлены следующие задачи: 1) проанализировать общую картину самоидентификаций россиян по состоянию на весну 2024 г.; 2) определить место в них идентичностей, связанных с восприятием себя членами групп, различающихся степенью благополучия, и соотношение между собой этих идентичностей; 3) выделить факторы, влияющие на распространённость и выраженность связанных с самооценкой своего благополучия идентичностей; 4) оценить, изменилась ли распространённость в массовых слоях идентичности по материальному благополучию с 1990-х годов. Исходя из этих задач, объектом исследования стало общественное сознание, а его предметом — те идентичности россиян, которые связаны с их групповой самоидентификацией по разным аспектам их благополучия/неблагополучия.

Теоретико-методологические основания и эмпирическая база исследования

Проблему самоидентификации личности можно рассматривать как с точки зрения общества, поскольку анализ групповых идентичностей помогает лучше понять его субъективную социальную структуру, так и со стороны отдельного человека, т. е. включения им себя в социальные отношения через ощущение принадлежности к определённым социальным группам, выступающего одной из основ его формирования как личности [9; 10]. Основным механизмом формирования определённых иден-

тичностей является соотнесение человеком своих интересов, ценностей и моделей поведения с интересами различных общностей, которые могут при этом оказаться «своими», «чужими» или проблематичными [11]. Фактически при формировании идентичностей человеку нужно ответить на вопрос, кто для него «Мы», а кто — «Они».

Идентичности можно классифицировать по разным основаниям. Они могут делиться на позитивные (положительные) и негативные (отрицательные). Позитивными считаются идентичности с группами, с которыми человек в той или иной степени себя ассоциирует. Негативные — те, про которые он может сказать: «Это точно не я». Не менее важна и классификация идентичностей на первичные (семья, близкие друзья, небольшие группы повседневного взаимодействия) и вторичные, представляющие собой символические или абстрактные сообщества (политические единомышленники, люди того же поколения или той же национальности и т. д.). В литературе предлагались и другие классификации идентичностей, например деление их на инвариантные, возрастные, корпоративные, аутсайдерские, компенсаторные и модернистские [11].

Наиболее известными среди исследований, посвящённых изучению идентичностей россиян, являются работы В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой и членов их научного коллектива. Особенно масштабные проекты в этой области, реализованные данной группой учёных, были связаны с трансформацией идентичностей россиян в условиях перехода от плановой к рыночной экономике в 1990-е годы [9; 10; 12; 13 и др.] и со сравнением особенностей протекания процесса изменения самоидентификаций у жителей двух очень разных стран, переживших травму такого перехода — россиян и поляков [14]. В работах членов этого научного коллектива отмечалось, в частности, что социальная идентификация личности в нестабильном, кризисном обществе испытывает неожиданные, непривычные воздействия. В их числе В. А. Ядов называл изменчивость социальных взаимосвязей, трансформацию функций основных социальных институтов, плюрализм идеологий и другие влияющие на идентичности факторы. В кризисных условиях доминирование идентичностей с ближайшим окружением (прежде всего семьёй и друзьями) прослеживается особенно явно, что было характерно и для 1990-х годов [10]. Е. Н. Данилова в своих работах также обращала внимание на то, что резкие общественные трансформации сопровождаются значимыми колебаниями групповых идентичностей. Однако при первых признаках стабилизации обстановки люди стремятся адаптироваться к сложившейся социальной действительности, а групповые идентификации усиливаются [15].

В. А. Ядов, Е. Н. Данилова и их коллеги обрисовали в своих работах также картину характерных для россиян в 1990–2000-х гг. и устойчивых

во времени идентичностей, динамику как позитивных, так и негативных идентичностей, охарактеризовали специфику идентичностей представителей разных социальных групп и т. д. Особенно интересен в этом контексте анализ идентичностей российского среднего класса [16] и его средних слоёв [17], поскольку традиционно именно они считаются выразителями характерных для нации нормативно-ценностных систем, а их самочувствие в плане идентичностей по уровню благополучия свидетельствует об определённом уровне благосостояния представителей массовых слоёв того или иного общества в целом.

В своём анализе авторы опирались на традицию, заложенную этими работами. Методически отправной точкой исследования выступили ответы респондентов¹ на вопрос: *«Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, как часто Вы ощущаете близость с разными группами людей — с теми, о ком Вы могли бы сказать: “Это — Мы”?»*. Отвечая на него, респонденты могли выбрать ответы «в значительной степени», «в некоторой степени» и «не ощущаю близости». В числе 19 групп, самоидентификация с которыми тестировалась, были три, связанные с субъективным благополучием человека: люди такого же материального достатка, постоянно нуждающиеся и те, кто добился успеха в жизни. Кроме того, в инструментарии исследования присутствовали вопросы о самооценках своего материального положения и разных его сторон, удовлетворённости жизнью в целом и различными её аспектами, реализации тех или иных жизненных целей, самоощущении своего социального статуса и ряд других. В совокупности ответы на эти вопросы позволяли получить довольно полную картину объективного и субъективного благополучия каждого респондента и влияющих на него факторов. При работе с данными использовались корреляционный, факторный, динамический и сравнительный анализ, а также анализ таблиц сопряжённости в программе SPSS Statistics.

Результаты

Распространённость базовых групповых идентичностей и место в их системе идентичностей, связанных с благополучием. Для того, чтобы понять ситуацию с местом идентичностей, связанных с благополучием, в общей системе групповых идентичностей россиян, прежде всего

¹ Эмпирической базой исследования выступили данные 15 волны мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России» (апрель 2024 г., N=2000). Опросы в рамках этого мониторинга проводятся по общероссийской квотной выборке, репрезентирующей население страны от 18 лет и старше по федеральным округам, типам поселений, полу и возрасту. Подробнее о выборке опросов в рамках этого Мониторинга см. [18].

необходимо представить общий обзор полученных данных. Как видно на рисунке 1, двумя наиболее часто упоминаемыми позитивными идентичностями являются идентичности с семьёй и друзьями — с ними чётко идентифицировали себя весной 2024 г. около трёх четвертей респондентов. При этом доля тех, кто вообще не ощущал с ними близости, не превышала 2,5 п. п. Эти данные говорят о том, что для россиян по-прежнему первичные идентичности с людьми из постоянного круга общения важнее вторичных. Подчеркнём, что те, кто не идентифицирует себя даже с первичными группами, вообще меньше склонны к «вписыванию» себя в любые группы и выбирают меньше идентичностей в сравнении со средним

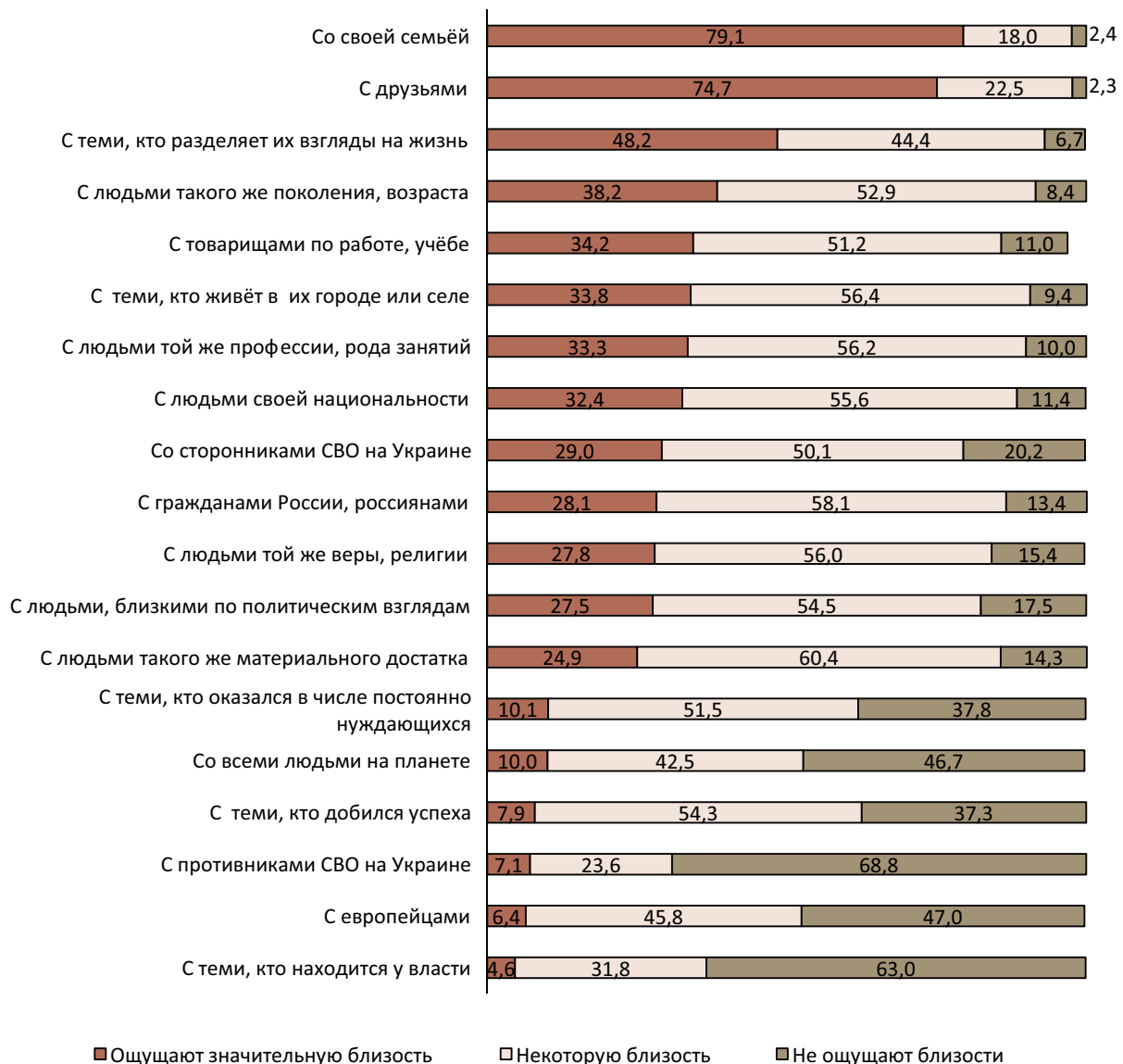

Рис. 1. Распространённость различных идентичностей среди россиян, 2024 г., %¹

¹ На рисунке не представлены доли затруднившихся с ответом респондентов, поэтому общая сумма не всегда равна 100%.

по стране уровнем (1,5 идентичности при 5,5 в среднем). Чаще всего не ассоциируют себя с семьёй не одиноко проживающие граждане, а те, кто оценивают своё благополучие и семейные отношения как плохие и/или не чувствуют надёжной поддержки со стороны близких и коллег. Не случайно они в семь раз чаще остальных россиян не доверяли даже членам своей семьи (17,6% при средних 2,4%).

Самой популярной символической идентичностью в 2024 году выступает для россиян идентичность с людьми, разделяющими их взгляды на жизнь — с ними себя чётко идентифицировали весной 2024 г. около половины опрошенных. Большинство же позитивных символических идентичностей были чётко выражены лишь у 25–40% респондентов. В их число входила и идентичность с людьми того же материального достатка. Однако есть среди идентичностей и такие, для которых характерно даже доминирование отрицания своей принадлежности к соответствующим группам над чётко выраженными идентичностями с ними, в их числе и самоидентификации с постоянно нуждающимися или с теми, кто добился успеха. В целом же свыше 60% опрошенных хотя бы в некоторой степени идентифицировали себя весной 2024 г. с постоянно нуждающимися, 62,2% — с теми, кто добился успеха, и 85,3% — с людьми того же материального достатка.

Если учитывать все три эти идентичности, то с людьми, характеризующимися таким же уровнем благополучия/неблагополучия, в той или иной степени идентифицировали себя весной 2024 г. 92,5% опрошенных россиян. Это говорит об их важности в системе самоидентификаций представителей массовых слоёв. Более того, для 42,0% были значимы в той или иной степени все три эти идентичности. О важности их для россиян свидетельствует и их устойчивость: четверть века назад, в 1998 году, доля в той или иной степени идентифицировавших себя с людьми того же материального достатка составляла 86,5%, а доля не имевших групповых самоидентификаций по этому критерию — 13,1%¹.

В то же время и переоценивать роль идентичностей, отражающих субъективное благополучие человека, при всей их значимости, всё же не стоит. Не случайно для тех, кто характеризовался чётко выраженной групповой самоидентификацией по любому из трёх рассматриваемых оснований, модальным был выбор 7 и более идентичностей из 19 при среднем по массиву значению в 5,5. Это означает, что данные идентичности появляются в числе значимых только у тех, кто в большей степени склонен к «вписыванию» себя в разного рода символические группы.

Соотношение между собой идентичностей, основанных на восприятии человеком степени собственного благополучия. Когда речь идёт

¹ Данные 1998 года приводятся по [11, с. 6–7].

о трёх разных идентичностях, основанных на субъективном восприятии различных аспектов личного благополучия, то логичен вопрос о том, как они соотносятся между собой и о чём говорит каждая из них с точки зрения места человека в системе социальных неравенств. Прежде всего отметим, что связи между ними статистически значимы — коэффициент корреляции Спирмена для идентичности с людьми такого же уровня материального достатка и идентичности с теми, кто добился успеха, составлял в использованном массиве данных $0,280^{**1}$, для её связи с идентифицирующими себя с постоянно нуждающимися — $0,201^{**}$, а для связи между идентичностями с добившимися успеха в жизни и с постоянно нуждающимися — $0,245^{**}$.

Однако проявляются эти взаимосвязи для каждой из них по-разному. Из данных таблицы 1 видно, во-первых, что выраженная идентичность с людьми того же материального достатка в большей степени характерна для полярных по их субъективному восприятию своего места в системе социально-экономических неравенств групп: тех, кто чётко идентифицирует себя с постоянно нуждающимися и кто уверенно относит себя к людям, добившимся успеха.

Таблица 1

*Соотношение между собой трёх групповых идентичностей,
основанных на оценках личного благополучия²*

Степень выраженности соответствующей идентичности	Идентичность с людьми того же материального достатка			Итого
	В значительной степени	В некоторой степени	Не ощущают близости	
Идентичность с постоянно нуждающимися				
В значительной степени	47,3	46,2	6,5	100,0
В некоторой степени	21,6	71,1	7,3	100,0
Не ощущают близости	23,5	50,3	26,2	100,0
Идентичность с теми, кто добился успеха				
В значительной степени	47,5	48,1	4,4	100,0
В некоторой степени	26,7	66,9	6,4	100,0
Не ощущают близости	17,6	54,2	28,2	100,0
Степень выраженности соответствующей идентичности	Идентичность с постоянно нуждающимися			Итого
	В значительной степени	В некоторой степени	Не ощущают близости	
Идентичность с теми, кто добился успеха				
В значительной степени	32,3	44,3	23,4	100,0
В некоторой степени	9,4	59,4	31,0	100,0
Не ощущают близости	6,4	42,1	51,3	100,0

¹ Знак «**» здесь и далее означает, что корреляция значима на уровне 0,01.

² Данные приведены по строке. Фоном выделены максимальные показатели по столбцу.

Второе, что обращает на себя внимание в данных таблицы 1, это внутренняя противоречивость определения человеком своего места в системе идентичностей, связанных с оценками своего благополучия. Так, треть уверенно относящих себя к числу добившихся успеха, столь же уверенно идентифицирует себя как постоянно нуждающихся. Отчасти это связано с тем, что идентификация с постоянно нуждающимися отражает не столько реальный уровень доходов, сколько разрыв между ними и запросами человека.

То, что все эти идентичности далеко не всегда связаны с уровнем доходов, хорошо видно из данных таблицы 2. В целом для россиян с низкими

Таблица 2

Соотношение идентичностей, основанных на субъективном восприятии своего благополучия, с уровнем индивидуальных и среднедушевых доходов, 2024 г., %¹

Степень выраженности соответствующей идентичности	Индивидуальные доходы по отношению к медиане доходов в типе поселений по месту жительства			
	До 0,75 медианы	От 0,75 до 1,25 медиан	От 0,1,25 до 2 медиан	От 2 медиан
<i>Идентичность с постоянно нуждающимися</i>				
В значительной степени	12,1	11,5	6,3	6,5
В некоторой степени	52,4	52,4	49,0	49,0
Не ощущают близости	34,6	35,9	44,4	44,4
<i>Идентичность с людьми того же материального достатка</i>				
В значительной степени	22,8	26,2	24,6	32,0
В некоторой степени	59,0	60,4	63,5	56,9
Не ощущают близости	17,8	13,3	11,4	11,1
<i>Идентичность с теми, кто добился успеха</i>				
В значительной степени	5,8	6,5	11,4	15,0
В некоторой степени	49,7	56,9	52,7	59,5
Не ощущают близости	43,9	36,2	35,4	25,5
Степень выраженности соответствующей идентичности	Среднедушевые доходы по отношению к медиане доходов в типе поселений по месту жительства			
	До 0,75 медианы	От 0,75 до 1,25 медиан	От 0,1,25 до 2 медиан	От 2 медиан
<i>Идентичность с постоянно нуждающимися</i>				
В значительной степени	14,6	10,0	6,8	5,3
В некоторой степени	54,0	51,5	49,9	40,0
Не ощущают близости	31,0	37,4	43,3	54,0
<i>Идентичность с людьми того же материального достатка</i>				
В значительной степени	25,3	23,5	26,8	32,0
В некоторой степени	60,7	59,9	59,9	55,3
Не ощущают близости	13,8	16,1	13,4	12,0
<i>Идентичность с теми, кто добился успеха</i>				
В значительной степени	6,5	7,1	10,7	14,7
В некоторой степени	49,8	52,8	58,2	53,3
Не ощущают близости	43,3	39,3	31,1	31,3

¹ Затруднившиеся с ответом в таблице не представлены. Фоном выделены максимальные показатели по строке.

доходами характерна повышенная распространённость положительной идентичности с постоянно нуждающимися и отрицательной — с добившимися успеха. Полярные по отношению к ним группы с высокими индивидуальными и среднедушевыми доходами характеризуются обратными особенностями: пониженной распространённостью идентичности с постоянно нуждающимися и повышенной — с теми, кто добился успеха, и людьми того же материального достатка. Однако эти отличия невелики, и статистически значимая связь с уровнем как индивидуальных, так и среднедушевых доходов для них довольно слабая¹.

При этом все три рассматриваемые идентичности тесно связаны с удовлетворённостью человека своей жизнью. Сильнее всего удовлетворённость жизнью связана с наличием самоидентификации с людьми, добившимися успеха — в 54,4% случаев при 34,2% в среднем по массиву, её наличие приводит к оценкам своей жизни как хорошей, а доля плохих оценок не превышает величины статистической погрешности. Далее идёт самоидентификация с постоянно нуждающимися, для которой максимальный показатель хороших оценок своей жизни (36,7%), напротив, характеризует людей, отрицающих для себя эту идентичность. Наконец среди имеющих чётко выраженную идентичность по материальному достатку, более чем в 1,5 раза чаще, чем среди вообще её не имеющих (40,2% против 25,5%), можно встретить тех, кто оценивает свою жизнь как хорошую.

Таким образом, все рассмотренные идентичности отражают удовлетворённость человека своей жизнью и степень его субъективного благополучия. При этом, хотя они связаны с уровнем его доходов, но определяются явно не только им. Такой результат предполагает поиск факторов, повышающих вероятность наличия этих идентичностей, особенно — в чётко выраженной форме.

Факторы формирования идентичностей, связанных с самопозиционированием в обществе с учётом своего благополучия

Для выявления факторов формирования идентичностей использовались программа Chaid², коэффициент корреляции Спирмена и анализ таблиц сопряжённости. Сначала в программе Chaid отбирались переменные, имевшие наибольшие показатели связи с соответствующей идентичностью, за-

¹ Коэффициент корреляции Спирмена для связи индивидуальных доходов и идентичности с постоянно нуждающимися составлял в использованном массиве данных 0,088**, с людьми того же материального достатка — 0,069**, а с теми, кто добился успеха — 0,120**. Для среднедушевых доходов эти показатели составили 0,141**, 0,120** и 0,029 соответственно, причём последний был статистически незначим.

² Программа Chaid (Chi-square automatic interaction detection) используется для анализа статистической взаимосвязи переменных и основана на показателях критерия хи-квадрат. Обычно она применяется для поиска взаимосвязи между большим числом переменных или построения деревьев классификации, позволяющих находить сочетания признаков, в наибольшей степени влияющих на целевую переменную. В описываемом исследовании использовалась первая функция данной программы и проверялась связь зависимой переменной с несколькими сотнями переменных массива данных.

тем они проверялись дополнительно с помощью коэффициента корреляции Спирмена, а последующий анализ частотных распределений в подгруппах с разной выраженностью соответствующих идентичностей позволял глубже понять характер анализируемых связей. По итогам этого анализа обнаружилось, что три рассматриваемые идентичности тесно связаны с наличием других символических идентичностей и их общим числом, т. е. с общей готовностью и предрасположенностью к формированию символических идентичностей. Кроме того, для каждой из них были выявлены свои наиболее тесно связанные с ними символические идентичности.

Что касается специфики проявления этой общей закономерности применительно к каждой из них, то для идентичности с людьми такого же материального достатка значения коэффициента корреляции Спирмена оказались максимальными у самоидентификации с людьми такой же профессии $^{**}(0,629)$, общим числом символических идентичностей $^{**}(0,556)$, идентичности с теми, кто живёт в том же городе или селе $^{**}(0,443)$, людьми того же поколения $^{**}(0,437)$, россиянами $^{**}(0,434)$, людьми той же национальности $^{**}(0,429)$ и той же веры $^{**}(0,417)$, т. е. идентичностями, формирующимися на основе объективных признаков (род занятий, место жительства, возраст, гражданство, этническая и религиозная принадлежность). При факторном анализе идентичностей¹ все они объединились в одну группу.

Из других факторов, влияющих на формирование идентичности с людьми такого же материального достатка, нужно выделить прежде всего возможности для реализации желаемого стандарта жизни: у тех, кто говорил о чёткой выраженности у них идентичности с людьми такого же материального достатка был максимальный (56,4%) показатель убеждённых в том, что они живут не хуже других, а считавшие, что им уже удалось стать богатыми, имели чётко выраженную идентичность с людьми того же материального достатка почти в половине случаев. Важно было и чувство управляемости собственной жизнью: среди убеждённых, что дела идут по их плану, этот показатель составлял 33,8% (для сравнения, у хорошо оценивающих своё материальное положение он был 31,6%).

Иначе выглядят факторы, влияющие на формирование идентичности с постоянно нуждающимися. Если для идентичности по достатку наиболее важную роль играло наличие профессиональной идентичности (81,3% чётко идентифицировавших себя по этому критерию, ощущали однозначную близость с людьми той же профессии), то для идентичности с постоянно нуждающимися это была самоидентификация с людьми, близкими по политическим взглядам² (53,7% чётко ощущающих свою близость с постоянно

¹ Использовался метод главных компонент, вращение Варимакс. Объяснённая дисперсия составляет 56,03%. Подробнее о результатах факторного анализа, разбивших 19 чётко выраженных идентичностей на 5 групп, см. [19].

² Коэффициент корреляции Спирмена для идентичностей с постоянно нуждающимися и людьми, разделяющими близкие политические взгляды, составлял 0,299**.

нуждающимися говорили о значительной выраженности у них идентичности с людьми тех же политических взглядов при 18,2% у вообще не ощущающих близости с постоянно нуждающимися). При факторном анализе эта идентичность оказалась в числе идентичностей, наличие которых, с одной стороны, свидетельствует о значимости для респондентов самоутверждения в социуме (самоидентификации с теми, кто находится у власти или добился успеха), а с другой — о роли тех идентичностей, которые можно условно назвать космополитическими (идентичности со всеми людьми на планете и с европейцами, свидетельствующими о специфической «точке отсчёта» при формировании их запросов). По всем этим идентичностям для группы относящих себя к числу постоянно нуждающихся было характерно превышение средних по массиву значений в разы. С учётом данных об их доходах это свидетельствует о том, что часть данной группы составляют люди, объективно успешные, но имеющие весьма специфическую систему запросов, так что их успехи оказываются далеки от того, чего они для себя хотели бы. Однако около половины представителей данной группы — реально неблагополучные люди (каждого пятого в ней можно отнести к числу бедных, т. к. совокупный доход их домохозяйства меньше прожиточного минимума для их региона, и ещё 30,3% имели среднедушевые доходы менее 1,5 прожиточных минимумов). Такая гетерогенность данной группы, объединяющей как объективно находящихся в сложном положении людей, так и тех, кто вполне благополучен, но характеризуется разрывом своих запросов и реального положения, говорит о необходимости очень осторожно обращаться с данными, полученными при самооценках респондентами своей нуждаемости.

Из других факторов, влияющих на вероятность оказаться в числе идентифицирующих себя с постоянно нуждающимися, стоит отметить, во-первых, доминирование в эмоциональном состоянии характеризующихся её наличием разного рода негативных чувств, во-вторых, ряд особенностей их образа жизни и в-третьих, уровень образования (как собственного, так и родителей). Среди тех, например, кто часто чувствовал, что дальше так жить нельзя, с постоянно нуждающимися себя чётко идентифицировали почти втрое чаще, чем среди практически никогда не испытывавших это чувство (17,6% и 6,3% соответственно). То же относится и к тем, кто живёт с ощущением страха перед неопределённостью будущего (14,2% и 5,9% соответственно). Для часто испытывающих чувство беспомощности повлиять на происходящее вокруг этот разрыв был более чем двукратным (13,7% и 6,1%), как и для ощущавших несправедливость происходящего. Что же касается особенностей образа жизни, то среди идентифицирующих себя как постоянно нуждающихся в 1,5–3 раза реже, чем среди характеризующихся отрицательной идентичностью с ними можно встретить тех, кто посещает кафе, бары и рестораны; читает книги и слушает музыку; играет в компьютерные игры, путешествует «по просторам

Интернета», занимается с компьютером и т. д. Наконец, процент выбора позитивной идентификации с постоянно нуждающимися тем выше, чем ниже уровень образования респондента, и та же тенденция прослеживается по отношению к уровню образования родителей (вероятность иметь чётко выраженную идентичность с постоянно нуждающимися при наличии высшего образования составляла всего 6,1% при том, что для не имеющих никакого профессионального образования этот показатель был в 2,5 раза выше — 15,2%). Отчасти это обуславливается ролью образования (как собственного, так и родителей) для вероятности оказаться в числе бедных.

Наконец, что касается самоидентификации с людьми, добившимися в жизни успеха, то она при факторном анализе оказалась в той же группе, что и идентичность с постоянно нуждающимися. Максимальными показатели коэффициента корреляции Спирмена в отношении общности с теми, кто добился успеха, были для самоидентификации с находящимися у власти (0,470**), европейцами и всеми людьми на планете (по 0,329**), а также с общим числом символических идентичностей (0,286**).

Помимо особенностей идентификационного блока в целом, на чётко выраженную идентичность с людьми, добившимися успеха, влияют также успешная реализация отдельных жизненных целей, самооценки ряда сторон своей жизни и определённые социально-психологические особенности. Так, среди тех, например, кто получил доступ к власти, большинство (58,2%) чётко идентифицировали себя с добившимися в жизни успеха, и ещё 31,9% идентифицировали себя с ними в некоторой степени. Это свидетельствует об особой роли властного ресурса для формирования ощущения жизненного успеха в современном российском обществе. Важна для этого ощущения также престижность работы и возможность хорошо зарабатывать — среди имевших чётко выраженную идентичность с добившимися успеха 38,0% и 34,2% соответственно отметили, что им уже удалось реализовать эти цели (при 19,0% и 10,6% у вообще не относивших себя к ним).

Значимо связана идентичность с добившимися успеха в жизни и с ощущением высокого социального статуса — медианный балл оценки своего социального статуса на десятибалльной шкале у имеющих эту идентичность в чётко выраженной форме составлял 7, а модальный — 8 при том, что у характеризовавшихся отрицательной идентичностью с ними эти показатели составляли всего 5 баллов. Кроме того, более половины (53,8% при 30,5% в среднем по массиву) оценивали свой социальный статус как хороший. При этом своё материальное положение как хорошее оценивали лишь около трети из них, а индивидуальные доходы от 2 поселенческих медиан и выше имели всего 14,9%.

Что же касается социально-психологических особенностей, то среди них для формирования этой идентичности прежде всего важны внутренний локус контроля и роль нематериальных мотиваций. Так, внутренний

локус контроля имели три четверти (74,1%) характеризовавшихся чётко выраженной идентичностью с добившимися успеха при том, что среди характеризовавшихся отрицательной идентичностью с ними таких было менее половины (48,9%).

Выводы

Часть выводов из проведённого анализа данных касается методологии и методики изучения субъективного благополучия, а часть носит содержательный характер. Что касается выводов методологического и методического характера, то, как показало исследование, идентичности, основанные на интегральных самооценках тех или иных аспектов личного благополучия, прямо связаны с оценками людьми своей жизни и различных её составляющих. Это позволяет рассматривать их как достаточно эффективный индикатор, дополняющий традиционные индикаторы субъективного благополучия человека. Важность его связана с тем, что идентичности, особенно чётко выраженные, формируются в течение длительного времени и в целом достаточно устойчивы. В этом смысле они позволяют «снимать» картину благополучия не «в моменте», а за достаточно длительный период, а также прогнозировать ситуацию на ближайшее будущее.

Из приведённых в статье данных ясно также, что разные идентичности позволяют «поймать» несовпадающие составляющие благополучия. Самоидентификация с постоянно нуждающимися позволяет выявить субъективное неблагополучие, обусловленное не только низкими доходами и испытываемыми лишениями, но и разрывом между уровнем запросов человека и его реальными достижениями. Идентичность с добившимися успеха людьми отражает удовлетворённость человека своей жизнью даже при наличии в ней проблем, в том числе и материальных. Идентичность с людьми того же материального достатка реже встречается среди объективно неблагополучной по материальному положению части населения, члены которой далеко не всегда готовы принять это положение как значимое основание для самопозиционирования в социуме и стараются найти для этого более благоприятные основания, и чаще — среди благополучных россиян. Причём все три эти идентичности присущи в первую очередь людям, для которых значимы конкретные и очевидные основания для групповой самоидентификации, а также общая готовность к «вписыванию» себя в различные символические группы.

Поскольку разные идентичности отражают различные аспекты субъективного благополучия, то взаимоисключающие, казалось бы, идентичности (например, с постоянно нуждающимися и добившимися в жизни успеха) могут встречаться, хотя и редко, у одних и тех же людей. Так чётко выраженная отрицательная идентичность с добившимися успеха при чётко выраженной положительной идентичности с постоянно нуждающимися

характеризовала весной 2024 г. всего 2,4%, а прямо обратная ситуация — лишь 1,9% представителей массовых слоёв о сложности самопозиционирования в обществе по уровню личного субъективного благополучия, размытости в общественном сознании его критериев, что способствует подспудной готовности к недовольству и выступает фрустрирующим фактором. О сохраняющейся сложности для россиян самопозиционирования в обществе свидетельствует и относительно слабая на фоне популярности первичных идентичностей распространённость чётко выраженных символических идентичностей, не выросшая с 1990-х годов.

Среди выводов содержательного характера в первую очередь стоит отметить, что самоидентификации по степени личного благополучия занимают достаточно важное место в идентификационной системе россиян. Хотя, как и в 1990-е годы, они не относятся к центральным, «ядерным» для этой системы идентичностям, тем не менее более чем для 90% опрошенных представителей массовых слоёв населения страны они в той или иной степени важны, а у трети россиян хотя бы одна из них выражена в значительной степени, кроме того, их распространённость устойчива во времени.

Чётче всего выражены идентичности по степени личного благополучия у представителей полярных с точки зрения их места в системе социальных неравенств групп. Под ними подразумеваются группы, различающиеся не только уровнем их доходов или материальным положением в целом, но и ощущением управляемости своей жизнью, балансом труда и отдыха, страхом перед неопределённостью будущего и т. п. Учитывая связь всех этих показателей между собой и типичность их для определённого места в социальной иерархии современного российского общества [20], можно сказать, что совокупность относящихся к благополучию идентичностей позволяет определить место их обладателей в системе социальных неравенств.

Такая возможность обуславливается тем, что факторы, влияющие на формирование данных идентичностей, достаточно разнообразны. Помимо общей готовности к формированию символических идентичностей в их число входит как разная значимость ряда других идентичностей (так, идентичность по материальному достатку обычно соседствует с идентичностью с людьми того же рода занятий, идентичность с постоянно нуждающимися — с людьми тех же политических взглядов, а идентичность с добившимися успеха в жизни — с теми, кто находится у власти), так и разный набор других влияющих на них факторов. Причём некоторые из них (как, например, эмоциональное состояние для идентичности с постоянно нуждающимися или чувство управляемости собственной жизнью для идентичности с людьми, добившимися успеха) могут выступать и как факторы, влияющие на формирование соответствующей идентичности, и как те установки, которые наличие соответствующей идентичности закрепляет.

В заключение отметим, что, к сожалению, потенциал изучения групповых идентичностей явно недостаточно используется пока при оценке субъективного благополучия. В то же время тот факт, что почти две трети населения страны в той или иной степени идентифицируют себя с постоянно нуждающимися, и только для каждого тринадцатого гражданина страны характерна чёткая самоидентификация с добившимися в жизни успеха, говорит о том, что изучение субъективного благополучия населения через призму идентичностей и влияющих на них факторов имеет большое значение и, надеемся, получит развитие в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Easterlin R. A.* Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // Nations and households in economic growth: Essays in honor of Moses Abramovitz / Eds. P. A. David, M. W. Reder. New York : Academic Press, 1976. P. 89–125.
2. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования / Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко [и др.] // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2020. № 1. 95 с. DOI [10.19181/INAB.2020.1](#). EDN [MDGGPD](#).
3. *Мареева С. В.* Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 4. С. 695–707. DOI [10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707](#). EDN [YNAKER](#).
4. *Сушко П. Е.* Динамика показателей субъективного социального благополучия россиян (2003–2023) // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 59–71. DOI [10.31857/S013216250029337-3](#). EDN [CHZYGR](#).
5. Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / В. А. Аникин, Е. В. Антонов, В. К. Антонова [и др.] ; под ред. Л. Н. Овчаровой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина. М. : ВЦИОМ, 2023. 462 с. ISBN 978-5-906345-47-9. EDN [ZHHTSU](#).
6. *Широканова А. А.* Тренды субъективного благополучия в России: 1998–2018 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13, № 1. С. 4–24. DOI [10.21638/spbu12.2020.101](#). EDN [JXMNDE](#).
7. *Binder M.* Subjective well-being capabilities: Bridging the gap between the capability approach and subjective well-being research // Journal of Happiness Studies. 2014. Vol. 15, № 5. P. 1197–1217.
8. *Kwarcinski T., Ulman P., Wdowin J.* Measuring Subjective Well-being Capability: A Multi-Country Empirical Analysis in Europe // Applied Research Quality Life. 2024. 39 p. DOI [10.1007/s11482-024-10334-9](#).
9. *Ядов В. А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52. EDN [TYSQON](#).
10. *Ядов В. А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. 1995. Т. 4, № 3-4. С. 158–181. EDN [TSKDIW](#).
11. *Тихонова Н. Е.* Самоидентификация россиян и её динамика // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 5–18. EDN [SIODGP](#).

12. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999–2002 гг.). Мастер-класс профессора В. А. Ядова / Е. Н. Данилова, С. Г. Климова, О. Н. Дудченко [и др.]. М. : Аспект Пресс, 2004. 326 с. ISBN 978-5756703559.
13. Данилова Е. Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3-4. С. 79–90. EDN **PZQMNN**.
14. Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 гг.) / Е. Н. Данилова, О. Н. Дудченко, Т. Зарицкий [и др.] ; сост. Е. Н. Данилова, О. Оберемко, В. А. Ядов. СПб. : Издательство РХГА, 2006. 352 с. ISBN 5-88812-235-1. EDN **QOGJKJ**.
15. Данилова Е. Н., Ядов В. А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. 2004. № 10 (246). С. 27–30. EDN **OWMZFY**.
16. Данилова Е. Н., Оберемко О. А. Специфика самоидентификаций и социального самочувствия городского среднего класса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. № 3 (83). С. 28–38. EDN **NRBGXT**.
17. Тихонова Н. Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества / Н. Е. Тихонова // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29, № 1. С. 6–30. DOI **10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30**. EDN **OXRIAY**.
18. Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой ; Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва : Издательство «Весь Мир», 2024. 352 с. ISBN 978-5-7777-0927-1. EDN **OYVDFP**.
19. Тихонова Н. Е., Дудин И. В. Идентичности россиян как фактор консолидации российского общества // Социологические исследования. (в печати).
20. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева, В. А. Аникин [и др.] ; под ред. Н. Е. Тихоновой. М. : Издательство «Весь Мир», 2022. 424 с. DOI **10.55604/9785777708731**. EDN **XJGBFE**.

Сведения об авторах

И. В. Дудин

младший научный сотрудник
SPIN-код: **3798-0076**

Н. Е. Тихонова

доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
SPIN-код: **1448-9948**

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 20.07.2024; принята к публикации 10.08.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.1

SUBJECTIVE WELL-BEING OF RUSSIANS THROUGH THE PRISM OF THEIR IDENTITIES: STATE AND FACTORS

Il'ya Vasil'evich Dudin ¹

Natalia Evgen'evna Tikhonova ²

^{1, 2} Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

¹ dudiniv99@mail.ru,

ORCID 0000-0002-0025-9958

² netichon@rambler.ru,

ORCID 0000-0002-5826-4418

For citation: Dudin I. V., Tikhonova N. E. Subjective well-being of Russians through the prism of their identities: state and factors. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(3):6–25. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.1.

Abstract. The article shows the prevalence of identities of Russians related to subjective well-being (identity with people of the same material wealth, with those who are in constant need and with those who have achieved success in life) based on the research data of the Institute of Sociology of FCTAS RAS. The analysis of these identities effectively complements the traditional methods of studying well-being by assessing it not “in the moment”, but over a long period of time, since the identities are formed over a long period of time and are stable. It is shown that these three symbolic identities allow to “capture” different components of subjective well-being. Self-identification with those in constant need reflects the disadvantage caused not only by low income and experienced deprivations, but also by the gap between a person’s aspirations and actual achievements. Identity with those who have achieved success is closely related to overall satisfaction with life and with one’s position in the status hierarchy, reflecting the achievement of goals that are important to the individual (not necessarily related to material well-being). Identity with people of the same material well-being is more common among the well-off population, as many of the disadvantaged try to find more favorable grounds for positioning themselves in society. As these identities reflect different aspects of subjective well-being, the coexistence of apparently mutually exclusive identities is typical of Russians. It is also shown that the self-identifications of representatives of the mass strata of the country’s population based on their well-being occupy an important place in their identification system, and that the prevalence of these identities is stable over time, although they are no longer among the “nuclear” identities. They are relatively more pronounced among representatives of polar groups in terms of their place in the system of social inequality. At the same time, as a whole, they allow to define the position of a person in the system of social inequalities quite clearly.

Keywords: Subjective well-being, well-being, identities, group identities, symbolic identities, secondary identities, individual self-identification, social consciousness

REFERENCES

1. Easterlin R. A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. In: P. A. David & M. W. Reder eds. *Nations and households in economic growth: Essays in honor of Moses Abramovitz*. New York: Academic Press; 1974. P. 89–125.
2. Epikhina Yu. B., Chernysh M. F., Sushko P. E. [et. al]. Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study. *Informatsionno-analiticheskiy byulleten' (INAB)=Information and analytical bulletin (INAB)*. 2020;(1):95. (In Russ.). DOI [10.19181/INAB.2020.1](https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1).
3. Mareeva S. V. Subjective well-being and ill-being zones in the Russian society. *RUDN Journal of Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta družby' narodov. Seriya: Sociologiya*. 2018;18(4):695–707. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707).
4. Sushko P. E. Dynamics of Indicators of Subjective Social Well-being of Russians (2003–2023). *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2023;(12):59–71. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250029337-3](https://doi.org/10.31857/S013216250029337-3).
5. Ovcharova L. N., Anikin V. A., Sorokin P. S. eds. Human potential: current interpretations and research results [Chelovecheskiy potencial: sovremennyye traktovki i rezul'taty' issledovaniy]. Moscow: VCIOM; 2023. 462 p. (In Russ.). ISBN 978-5-906345-47-9.
6. Shirokanova A. A. Trends of subjective well-being in Russia: 1998–2018. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology=Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*. 2020;13(1):4–24. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu12.2020.101](https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.101).
7. Binder M. Subjective well-being capabilities: Bridging the gap between the capability approach and subjective well-being research. *Journal of Happiness Studies*. 2014;15(5):1197–1217.
8. Kwarcinski T., Ulman P., Wdowin J. Measuring Subjective Well-being Capability: A Multi-Country Empirical Analysis in Europe. *Applied Research Quality Life*. 2024. 39 p. DOI [10.1007/s11482-024-10334-9](https://doi.org/10.1007/s11482-024-10334-9).
9. Yadov V. A. Social stratification in a crisis society [Social'naya identifikatsiya v krizisnom obshchestve]. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 1994;(1):35–52. (In Russ.).
10. Yadov V. A. Social and socio-psychological mechanisms of formation of a person's social identity [Social'ny'e i social'no-psixologicheskie mexanizmy' formirovaniya social'noj identichnosti lichnosti]. *Mir Rossii=Universe of Russia*. 1995;(3-4):158–181. (In Russ.).
11. Tikhonova N. E. Self-identification of Russians and its dynamics [Samoidentifikatsiya rossiyan i eyo dinamika]. *Social Sciences and Contemporary World=Obshchestvenny'e nauki i sovremennost'*. 1999;(4):5–18. (In Russ.).
12. Danilova E. N., Klimova S. G., Dudchenko O. N., My'til' A. V. [et al]. Processes of identification of Russian citizens in the social space of “their” and “not their” groups and communities [Processy' identifikatsii rossijskix grazhdan v social'nom prostranstve «svoix» i «nesvoix» grupp i soobshchestv (1999–2002)]. Master-klass professora V. A. Yadova. Moscow: Aspekt Press; 2004. 326 p. (In Russ.).
13. Danilova E. N. Changes in social identifications of Russians [Izmeneniya v social'ny'x identifikatsiyax rossiyan]. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 2000;(3-4):76–86. (In Russ.).
14. Danilova E. N., Dudtchenko O. N., Zaritsky T. [et al.] Russians and Poles at the Turn of the Century. Experience of Comparative Study of Social Identifications

- (1998–2002) [Rossiyane i polyaki na rubezhe vekov. Opy't sravnitel'nogo issledovaniya social'ny'x identifikacij (1998–2002)]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RXGA; 2006. 352 p. (In Russ.). ISBN 5-88812-235-1.
15. Danilova E. N., Yadov V. A. Unstable social identity as a norm of modern communities [Nestabil'naya social'naya identichnost' kak norma sovremenny'x obshhestv]. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2004;10(246):27–30. (In Russ.).
 16. Danilova E. N., Oberemko O. A. Specificity of self-identification and social self-feeling of the urban middle class of Russia [Specifika samoidentifikacij i social'nogo samochuvstviya gorodskogo srednego klassa]. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny*. 2007;3(83):28–38. (In Russ.).
 17. Tikhonova N. E. The Worldviews and Identities of the Mass Strata of Modern Russian Society. *Mir Rossii=Universe of Russia*. 2020;29(1):6–30. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30).
 18. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. [et al.]. Russian society and the challenges of time. Book Seven. Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Ves' Mir; 2024. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0927-1.
 19. Tikhonova N. E., Dudin I. V. Identity of Russians as a Factor of consolidation of Russian Society // *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniia* (in print). (In Russ.).
 20. Tikhonova N. E., Mareeva S. V., Anikin V. A. [et al.]. Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia. Moscow: Ves' Mir; 2022. 424 p. (In Russ.). DOI [10.55604/9785777708731](https://doi.org/10.55604/9785777708731).

Information about the Authors

I. V. Dudin

Junior Researcher

ResearcherID: [GWV-2162-2022](https://orcid.org/0009-0001-9212-2222)

N. E. Tikhonova

Doctor of Sociology, Professor,

Main Researcher

ResearcherID: [G-8413-2015](https://orcid.org/0009-0001-9212-2222)

Scopus AuthorID: [7006789882](https://orcid.org/0009-0001-9212-2222)

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 20.07.2024; accepted for publication 10.08.2024.

УДК 316.752
DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.2
EDN: QNRTLY

Научная статья

АКТУАЛИЗИРОВАННЫЕ ЦЕННОСТИ СОЛДАТА СВО: ПИСЬМА С ФРОНТА — 2023

Мария Александровна Подлесная

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

yamap@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-2159-4958

Для цитирования: Подлесная М. А. Актуализированные ценности солдата СВО: письма с фронта — 2023 // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 26–55. DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.2. EDN QNRTLY.

Аннотация. В условиях обострения военных конфликтов во всём мире, в том числе на территории Украины, представляется важным изучение микрособытийности войны, ценностных приоритетов её непосредственных участников — солдат. Пространство войны и её время (как в физическом, так и метафизическом плане) представляются тем контекстом, где раскрывается аксиология солдата в полной мере. Пограничность ситуации (между жизнью и смертью) создаёт напряжение, обостряет экзистенциальный выбор. Основным методом является анализ эго-документов, фронтовых писем участников СВО, адресованных детям. Письма были отобраны из открытого источника — телеграмм-канала волонтерской группы — с согласия их модератора и непосредственно самих адресантов. Методология текстового анализа базируется на идеях «народного единства», «народной религиозности», связанности русских людей по типу семейных отношений на войне, взятые в одном из самых культовых романов о войне романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир»; идее Н. А. Бердяева о символической природе войны, которая не рождает, а вскрывает зло, его ориентир на мессианскую роль России в военных конфликтах мира; на цивилизационном подходе Н. Я. Данилевского, усматривающего в войне источник исторического развития и формирования культурно-исторических типов. Результаты исследования обосновывают доказательность гипотезы о том, что аксиология имеет свои основания в культурных образцах русской литературы как базовой составляющей школьной программы, а также запечатлена в трудах русских философов, аккумулировавших мировоззренческий опыт предыдущих поколений. В исследовании установлено наличие в аксиологии солдат СВО ориентира на мессианство и проявление особенностей культурно-исторического типа России. Пространство и время войны вынуждает солдат обращаться к ним и усиливает архетипические ценностные основания, актуализирует историческую память и подтверждает её исключительное значение.

Ключевые слова: СВО, ценности, актуализированные ценности, солдат Российской армии, эго-документы, письма с фронта

Введение

К подготовке данного текста автора сподвигло несколько событий: первое связано с фотографиями, которые были сделаны в блиндажах разных частей Российской армии, второе — с путевыми заметками молодого православного священника, который возит гуманитарную помощь в зону боевых действий и ведёт соответствующий дневник в телеграмм-канале.

Фотографии, безыскусно сделанные, второпях, интересным образом зафиксировали то явление и реакцию части общества на СВО, которое периодически отражают и СМИ, это детские письма на фронт, особенно дорогие простым солдатам. Письма читают, перечитывают, их хранят и даже делают из них такие «стены поддержки» в своих блиндажах (см. рис. 1):

Рис. 1. «Стены поддержки», письма детей в блиндажах солдат Российской армии

Сами детские письма на фронт, конечно, не являются особенностью именно этого конфликта, их солдатам писали и прежде (и в годы Первой мировой войны, и Второй). Более того, детские письма на фронт — это в том числе свидетельство той идеологической работы, которая проводится сегодня системой патриотического воспитания. В этом смысле детские рисунки и письма не столько «зов души», сколько результат воспитательного процесса в образовательных учреждениях, что по-своему интересно, т. к. отражает политическую и идеологическую повестку сегодняшнего дня (об этом подробнее в других текстах автора). Отметим, что эпоха гаджетов, безусловно, иначе связывает фронт и тыл, а операционный гибридный тип войн меняет структуру коммуникации (о чём в том числе говорится у Мэри Калдор с её заявкой на изучение «новых войн» [1]). Будем иметь в виду эти особенности, принимая и то, что детские письма

на фронт тем не менее стали источником той ситуации, при которой в век диджитализации, где вся переписка ведётся в гаджетах и телефонах, мы всё же имеем в качестве исследовательского материала, столь редкие сегодня традиционные свидетельства эпистолярного жанра.

Второе событие, как уже было сказано выше, связано с путевыми заметками молодого священника, который, приезжая и встречаясь с бойцами СВО, в своём телеграмм-канале записал:

«Всегда удивляет контраст между теми, кто был на войне и между теми, кто не был. Некоторым из ребят нет и тридцати лет, но их ощущение жизни, их мудрость, интересы и даже юмор очень сильно отличаются от мироощущения их сверстников на гражданке. Я этот контраст часто замечаю. В подробностях уже и не помню нашего разговора, но говорили мы о всём... Каждый приезд парни становятся роднее и роднее, появляются какие-то общие темы, шутки — одним словом, как семья уже (выд. автором)».

Приведённый здесь и другие похожие отрывки свидетельствуют о войне как об особом пространстве обретения смыслов, о том взрослении, которое происходит иначе в спокойной и мирной жизни, о той экзистенции, которая мотивирует гораздо больше к состоянию «быть», чем «казаться». Это же отмечается в анализе фронтовых писем времён Второй Мировой войны, когда его автор приходит к выводу, что «война не притупляла чувств людей. Скорее наоборот, способствовала их углублению и развитию...» [2, с. 52].

В данной работе представлен разбор писем, которые были отправлены бойцами в ответ на присланные детские письма и рисунки. В этих письмах нашли своё отражение не только благодарность, но и мировоззрение солдата, дух времени. Представляется важным прислушаться к этим «голосам» свершающейся «здесь и сейчас» истории и увидеть за камуфляжем её участников, оспариваемой и обсуждаемой до сих пор военной операции, живые сердца.

В исследовании, базирующемся на методе качественной социологии, было проанализировано более 40 писем, а также десятки заметок тех, кто встречался с солдатами, обеспечивая их гуманитарной помощью. Эти заметки, как правило, подкреплялись фотографиями с мест событий. Таким образом, весь исследовательский массив — это письма, фотографии, публичные текстовые зарисовки, в том числе детские письма и рисунки. В этой работе внимание сосредоточено преимущественно на первом, лишь изредка, в случае недостатка информации подкрепляется анализом публичных заметок.

Анализ писем бойцов, которые были отправлены в ответ на детские к ним обращения, можно разделить на личные письма (иногда с под-

письму, собственным именем, чаще — позывным), коллективные, когда кто-то один отвечал от имени всей роты, бригады, чаще — за подписью командира; письма от рядовых. Как правило, коллективные письма отличала излишняя идеологическая составляющая, проявлявшаяся в соответствующих оборотах и тематиках. Личные письма, хотя и были не столь многословны, имели схожую друг с другом структуру, тем не менее в большей степени содержали отсылку к личным переживаниям, к тем ценностям, которые хотелось бы передать, донести. В итоге автор в качестве первичного материала имел дело как с идеологическими нарративами, так и ценностными. Довольно сложно только по письмам определить национальный состав отвечавших, но личные подписи и позывные отсылали нас преимущественно к русской этнической принадлежности адресантов.

Надо заметить, что в силу нового, гибридного характера войн (СВО не является исключением) в события спецоперации вовлечены и мобилизованные, и контрактники с различной мотивацией участия, в том числе с сильно экономической. Автор осознаёт, что довольно сложно оценить и отследить в письмах бойцов к детям ради чего и с какой целью они находятся в зоне СВО (хотя иногда выдаёт сама риторика). Более того, в связи с этим стоит учитывать, что, замечая содержательный фрейм исключительно аксиологической проблематикой, можно уйти с исследовательской позиции на уровень обоснования имеющейся в обществе пропаганды. Попытаемся избежать этого, разделяя тексты писем на идеологические и ценностные нарративы, понимая, что помимо прочего в письмах может звучать и то, что в большом количестве конструируется различными источниками пропаганды и коммуникации.

Письма солдат были предоставлены священником, который возит гуманитарную помощь в зону спецоперации, на передовую. Тексты писем отсканированы и выложены в телеграмм-канале (1962 участника), а их бумажная версия передана непосредственно детям, так как некоторые из них были адресованы лично. Анализ писем был согласован с автором телеграмм-канала и получено разрешение на публикацию текстов писем, их отрывков в исследовательских работах.

В зависимости от автора объём и содержание текстов существенно разнились. Отметим, что несмотря на общую структуру писем, сначала благодарность, подчёркивание важности приходящих на фронт детских текстов, рисунков, общих нравственных наставлений, фоном проходит и другое: рассказ о солдатских буднях, переживаниях, нарративы о восприятии страны, отношении к Родине, собственной религиозности, вдохновляющих примерах и героях. На этом и хотелось бы остановиться подробнее, выявляя аксиологию солдата, участвующего в СВО.

Методологические основания качественного анализа

Изучением ценностей под разным ракурсом автор статьи занималась в разные годы, останавливаясь на сравнительном анализе ценностей студенческой среды преподавателей и учащихся [3], выявлении экспертной оценки относительно феноменологии православных ценностей [4], получив в итоге возможность провести исследование, используя методику С. Шварца и В. Билски, ценностей учащихся светских и религиозных вузов [5]. Основные идеи, возникшие в результате многолетних наблюдений, были оформлены в коллективной монографии, посвящённой соотношению традиций и инноваций в мире ценностей россиян [6]. Накопленный исследовательский опыт позволяет руководствоваться уже сформулированным в одной из работ определением ценности. Это «концентрированное духовное выражение потребностей и интересов социальных общностей, центры мотивации человеческого поведения. Ценностью может быть любое явление, предмет или способ действий, которые содействуют удовлетворению потребностей или реализации интересов той или иной социальной группы» [6, с. 10].

Ценности проявляют себя прежде всего в действии человека и становятся актуализированными, то есть не только декларируемыми, но и определяющими жизненный путь индивида в конкретных, требующих соответствующего выбора ситуациях.

Есть так называемые базовые ценности, которые не столько проверяются ситуацией, сколько соответствуют естественным первичным потребностям индивида. Но и они позволяют говорить об имеющихся тенденциях с точки зрения духовной ориентации общества, духа времени в целом, а также изменчивости ценностей. В этом смысле довольно интересны результаты многолетнего мониторинга базовых ценностей россиян, которое проводится исследовательской группой Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством В. С. Магуна. В одной из последних работ, посвящённой динамике ценностных ориентаций россиян с 2006 по 2021 гг., отмечается, что «...самые заметные изменения за 15-летний период выразились в росте ценностей активного индивидуализма (риска-новизны и гедонизма) и снижении ценности пассивной социальности (ценность безопасности). Таким образом, наиболее динамичными оказались ценности, связанные со стремлением к новым и рискованным видам активности (ценность риска-новизны), со стремлением к активности, направленной на удовлетворение желаний человека хорошо проводить время, баловать себя, веселиться, доставлять себе удовольствие (ценность гедонизма), а также с беспокойством об угрозах и расчётом на защиту от них со стороны государства (ценность безопасности)» [7, с. 55]. В этом же исследовании

подчёркивается, что ценность самостоятельности меньше всего подвержена изменчивости и «предполагает принятие решений, определяющих более длительную и сложную последовательность действий» [7, с. 55]. Зафиксирована неоднородность ценностей не только с точки зрения их категоризации и реализации (кардинальные/субкардинальные, термальные/инструментальные), но и характера их изменчивости: одни подвергаются трансформации заметно и быстро, другие, напротив, остаются длительное время неизменными, как правило, на бытовом уровне в привычном действии практически теми же, что и десятилетие, а иногда и столетие назад. В связи с этим весьма характерно, что ценность активности россиян (их желание действовать, рисковать) изменилась и за последние 15 лет наблюдается её рост, а ценность самостоятельности при этом, вероятно, более корневая, культурно и архетипически сложная, требует больших усилий для трансформации. То есть в определённой степени происходит конфликт ценностей, отчасти их несогласованность, противоречивость. Столь подробная отсылка к многолетнему исследованию ценностей позволяет сформулировать ту проблемную область, которая актуализировалась и в связи с имеющимся у автора статьи собственным исследовательским материалом, и с теми процессами, которые наблюдаются в обществе сегодня в связи с СВО. Она заключается в том, что какие-то ценности достаточно легко поддаются изменениям (как это продемонстрировано в упомянутом исследовании ИС ФНИСЦ РАН на примере количественных данных), но есть ценности-константы, которые не только практически не меняются длительное время, но и поддерживаются в качестве таковых, сохраняя связь и преемственность поколений. Причём они могут быть незаметны: их значение в одни периоды практически забыто, в другие, напротив, вновь актуализируется. В условиях войны или любой иной ситуации экзистенциального выбора, подобные ценности-константы начинают особым образом проявляться, обозначая связь между современным поколением (в нашем случае — воинов) и предыдущими. Отсюда возник и замысел исследования: проанализировать письма участников СВО к детям в контексте опыта самой войны, его изучения, который в случае прошлых поколений довольно объёмно, например, представлен в русской классической литературе, а также в некоторых философских текстах. Многие художественные произведения являются частью школьной программы, с которой знакомы как практически все настоящие российские школьники, так и бывшие, участвующие теперь в СВО. С этой целью важно прежде всего обратиться к источникам, определившим представление о войне в русской культуре, например, к классике литературы — «Войне и миру» Л. Н. Толстого, автор которой, как известно, был не столько любителем истории военных баталий, сколько непосредственным участником сраже-

ний, в частности обороны Севастополя 1854–1855 гг., известной, с одной стороны, проявленным героизмом русского солдата, с другой, — ужасом человеческих потерь и горечью поражений. Поэтому «Война и мир» — не отвлечённый роман о войне и мире стороннего наблюдателя-исследователя, а переложённый на страницы опыт и воспоминания непосредственного участника, который позволил словами героя Андрея Болконского сказать о войне именно так: «Война не любезность, а самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это и не играть в войну. Надо принимать строго и серьёзно эту страшную необходимость» [8, с. 216].

Война в русской культуре и социальной философии

В данном разделе представлен краткий обзор представлений о войне, которые транслировали российскому обществу классики русской литературы и авторитетные философы конца XIX — начала XX вв. Очевидно, что охватить всех, писавших о войне, невозможно, поэтому выделим трёх наиболее значимых авторов с точки зрения распространённости их идей в обществе того времени, и продолжающих оставаться популярными среди отдельных общественных и политических групп до сих пор. Это Л. Н. Толстой (1828–1910), Н. Я. Данилевский (1822–1885) — проповедник цивилизационного подхода, обретающего вновь популярность в российских СМИ, и философ, много писавший о войне в религиозно-эсхатологическом, мессианском ключе, Н. А. Бердяев (1874–1948).

Если на Западе одним из признанных первых теоретиков-классиков, размышлявшем о войне считается Карл фон Клаузевиц (1780–1831) со своим трактатом «О войне» (1832–1834), то в России автором, который также основательно начал осмыслять тему войны в российском обществе, является писатель Л. Н. Толстой. Его роман-эпопея, роман-исследование, как его ещё называют, стал тем фундаментальным трудом, который отразил не только единство войны и мира, их тесную связность, но и народный характер, проявленный в ситуации общей беды — войны. В этом романе Л. Н. Толстой приближает и показывает события войны через быт и повседневность разных семей (Ростовы, Курагины, Болконские, Безуховы, Друбецкие и др.). Именно семья становится тем мерилom, соответствующим миром, который так или иначе пропускает события войны через себя и приближает итог войны — победу.

Исследователи творчества Л. Н. Толстова отмечают, что для писателя война 1812 года становится тем, что «объединяет народ в большую семью, обнаруживает истинные связи между людьми, которые определяются одним чувством, одним желанием» [9, с. 60]. И война выступает тем фактором, который открывает глаза на самих себя, обнаруживает то, что

в ситуации мира не замечалось, но в итоге именно это и ценно. Например, в эпизоде ранения Николая Ростова, где есть описание того, как он молодой и горячий юноша осознает любовь своих близких к нему:

«Кто они? Зачем они бегут? Неужели ко мне? Неужели ко мне они бегут? И зачем? Убить меня? Меня, кого так любят все? Ему вспомнились любовь к нему его матери, семьи, друзей, и намерение неприятелей убить его показалось невозможно» [10, с. 231].

Основанием по-настоящему человеческих отношений у Л. Н. Толстого в «Войне и мире» является семейное начало. Народное единство возникает именно тогда, когда эта семейность, то есть особые связи между людьми, ощущающими общую друг с другом жизнь, пронизывают все отношения, и противопоставляется образу толпы (это же находим у народника Н. К. Михайловского, для которого толпа и народ не одно и то же), которая разобщена и по этой причине не может решать общих задач. В романе в итоге всех описаний «реализуется устойчивое в русской культуре начала XIX в. соотношение «дома», братских, родственных связей и «отечества»» [10, с. 61]. Народное единство не существует самостоятельно, само чувство семейности возникает среди, казалось бы, формально чужих друг другу людей. Например, в описании знаменитого отрывка обстрела французской армии батареей капитана Тушина, разбираемого во всех российских школах как пример подлинного героизма так называемого «маленького человека», мы находим такие слова и выражение этого единства, проявляемые не только в синхронизации действий, но и общего (почти коллективного) выражения лица:

«...Тушин, не выпуская своей носогрелки, бегал от одного орудия к другому, то прицеливаясь, то считая заряды, то распоряжаясь переменной и перепряжкой убитых и раненых лошадей, и прикрикивая своим слабым, тоненьким, нерешительным голоском. <...> Солдаты, большею частью красивые молодцы (как и всегда в батареейной роте, на две головы выше своего офицера и вдвое шире его), все, как дети в затруднительном положении, смотрели на своего командира, и то выражение, которое было на его лице, неизменно отражалось на их лицах (выд. автором)» [10, с. 235].

Единство это достигалось в том числе благодаря особому типу народной религиозности (особо проявленной в Платоне Каратаеве), где главной является идея связанности людей: «переживание чужого греха как своего, понимание абсолютной причастности человека ко злу, которое совершается в мире...» [9, с. 62].

Для описания методологических положений исследования, данные которого анализируются в статье, важно зафиксировать эту триаду «дом — братские, родственные отношения — отечество», так как идущее из глуби-

ны русской истории аксиологическое основание, подмеченное Л. Н. Толстым, отразилось и в анализируемых нами письмах, явилось некоторой общей чертой, связывающей прошлое и современность. Не случайно поэтому, что именно детские письма нашли отклик у солдат СВО, которым легче было проявить к ним отцовские чувства и в своих ответах показать то родство, которое является частью того народного единства, когда-то так точно описанного Л. Н. Толстым.

Ещё один взгляд на войну находим у более позднего современника Толстого — Н. А. Бердяева (1874–1948), который пишет, что «природа войны — символическая», имея в виду, что «война не есть источник зла, а лишь рефлекс на зло, знак существования внутреннего зла и болезни» [11, с. 177]. Война, уточняет Н. А. Бердяев, «не создала зла, она лишь выявила зло» [11, с. 178], которое скрывалось глубинно и копилось в человечестве годами. Он пишет прежде всего о духовной природе войны, обращая внимание на проблему зла в мире. Находит Н. А. Бердяев в войне и положительные качества: «В войне соприкасаются предельные крайности и дьявольская тьма переплетается с божественным светом... если в войне есть озверение и потеря человеческого облика, но есть в ней и великая любовь, преломленная во тьме» [11, с. 180–183]. Отчасти об этом же пишет и Н. Я. Данилевский (1822–1885), исследователь цивилизаций, отмечая, что «война очень большое зло, однако не самое большее». Правда, в отличие от Н. А. Бердяева, он обращает внимание не на духовные причины войны, а сугубо цивилизационные, считая войну имманентно присущей человечеству и являющейся своеобразным двигателем всемирной истории.

Напомним, что тексты о войне у Н. А. Бердяева возникли не случайно. В годы его творческой зрелости шла Первая мировая война (1914–1918), о которой он рассуждал через призму как раз цивилизационного подхода, считая саму войну для России если не благом, то возможностью реализации своего высшего призвания и предназначения. Последнее он видел в соединении Россией восточной и западной цивилизаций, считая, что «Россия должна сознавать себя и Западом, Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем» [11, с. 22]. Здесь, как можно заметить, проявление мессианского задора и чаяний, свойственных части интеллигенции того времени, столь близких и сегодняшним лидерам общественного мнения (возможно, количественно той же части, что и в начале века?), видящих будущее России в её спасительной миссии по отношению к Европе и затем всего человечества. Интересно, что упоминаемый Н. Я. Данилевский, рождённый раньше Н. А. Бердяева, лишённый сугубо мессианского пафоса и рассматривающий войну как цивилизационный конфликт, столкновение между народами и государствами, был убеждён, что война между Россией и Европой неизбежна по причине фундаментальных гео-

политических противоречий и нерешённого восточного вопроса [12, с. 71]. Объединение России с другими славянскими народами в единый (Всеславянский) союз, федерацию, по мнению Н. Я. Данилевского, могло бы коренным образом изменить международную ситуацию и сделать её более стабильной. Будучи сторонником разнообразия, он не связывал будущее развитие человечества с «общечеловеческой цивилизацией».

Обобщить методологические исходные положения, значимые для смыслового анализа писем солдат можно по нескольким составляющим. Русская культура и, в частности, русская классическая литература смотрели на войну глубоко психологически, видя в ней сборку и проявление народного единства по типу семейных, глубоко близких отношений. Подобный культурный образ, замеченный и мастерски прописанный Л. Н. Толстым, в итоге станет некой атрибутикой русского солдата и русской армии, той отличительной чертой, которая будет запечатлена не только в прозе, но и в поэзии, музыке.

Значительная часть войн рассматривалась «властителями дум» в России как противостояние Востока и Запада не только как духовное, но и как геополитическое, конкретнее как цивилизационное. Отсюда то, что аксиологическое пространство русского воина формировалось в рамках представлений о высокой миссии России, о её мессианском характере, как о том, что может нести «свет миру» и стабильность. Воин-освободитель, воин-спаситель — главные черты солдата русской армии.

Подобная аксиология неразрывно связана с конкретной социальной и исторической реальностью, ответ на которую, в том числе и военный, является всякий раз проверкой сложившимся ценностям.

Методика, информационная база исследования

В 2016 году вышел сборник «XX век: Письма войны», в который вошла подборка писем, демонстрирующая историческую динамику жанра военного письма. Данная книга интересна тем, что представляет массив так называемых эго-документов, причём в ретроспективе, с начала XX в. и до времени двух Чеченских кампаний. Одной из задач составителей сборника являлось стремление показать те изменения, которые произошли в стилистике писем и в субъективном (не макрособытийном) отношении к войне. Работая с этими письмами, отдельные авторы приходят к выводу, что пройден путь от высокопарного «честь имею» в начале века, с промежуточным этапом письма как советской трибуны в годы Великой Отечественной войны, до неприкрытого отношения у «афганцев» и «чеченцев» к войне как к необходимости, тому месту, где надо выжить, где основная задача — уничтожение [13, с. 90]. На примере изменения

риторики солдат была показана трансформация войн и отношения к ним. Вместе с этим проступал и характер, и время войны, с которыми менялись соответствующие установки, и тем интереснее, что же остаётся в качестве константы и организует межпоколенческую связь.

В авторском исследовании объектом анализа являются письма участников СВО к детям, предметом — актуализированные ценности солдата, которые проявились во время СВО и их содержательная связь (или её отсутствие) с образцами, представленными в русской классической литературе и работах отдельных философов.

Анализ писем относится к тем методам, которые связаны с работой с эго-документами (письма, дневники, автобиографии, биографии, резюме, биографические и дневниковые заметки в Интернете и пр.). В последнее время данный тип документов становится всё более популярным, о чём свидетельствует в том числе вышедшая в 2021 году книга, посвящённая исследованиям, основным источником которых стали эго-документы. Специфика подобных материалов заключается в том, что «в любом эго-документе засвидетельствованы одновременно и социальное, и индивидуальное» [14, с. 334]. Выделить и отделить одно от другого довольно проблематично, более того, и социальное, и индивидуальное настолько разнообразны и множественны, что трудно говорить как о среднестатистической личности, так и о социальных типах. Вместе с тем, эго-документы помогают решать иные задачи, и будучи источниками, проливающими «свет на многообразие микросоциальных практик, всегда указывают на то, что любому обществу релевантны бесконечно «малые» группы и подгруппы, границы которых к тому же разомкнуты и подвижны» [14, с. 335]. Отметим, что эго-документы широко используются и историками, например, при анализе «писем во власть» [15], и педагогами, в том числе для выявления ценностных ориентаций, различных мировоззренческих конструктов [16], и непосредственно социологами [13].

Автор полагает, что проблематика исследования находится в рамках предмета социологии ценностей, частично стыкуясь с военной социологией.

Военная социология в настоящее время представляет собой уже сложившуюся, институционально оформленную субдисциплину. Об этом свидетельствует как зарубежный опыт подобных исследований, так и отечественных (чему в большом количестве посвящены обзоры отечественных социологов, в частности, И. В. Образцова). Более того, военная социология переживает тот этап, когда представления её зарубежных классиков, таких как С. Хантингтон и М. Яновиц, подвергаются критике и пересмотру, производится ревизия «старых» войн, вводится в оборот понятие «новых» [1; 17] и гибридных [18] войн. Вместе с тем происходит

и процесс переосмысления объекта и предмета самой военной социологии, выясняется, что её предметная область прежде всего связана с военной организацией, и было бы точнее называть данную субдисциплину социологией военной организации, тогда как происходящие в области войны и мира (как процесса, состоящего из стадий и акторов, не только военных) события значительно шире, что требовало бы соответствующего названия «социология войны и мира» [19, с. 111]. В итоге формируется видение о необходимости междисциплинарности субдисциплины, интеграции макро- и микроуровневого анализа, «постдисциплинарности» и сочетании индуктивного и дедуктивного познания, при котором происходит изучение не только самих феноменов («вещь для нас», как она нам представляется), но и так называемых «ноуменов» («вещь в себе» или как она есть) [19].

Из проблематики военной социологии с задачей предпринятого автором исследования коррелирует аспект групповой сплочённости, но актуализированной через ценностные константы как сплочённости нынешних поколений воинов с предыдущими.

Автором выбран анализ писем как основной исследовательский метод по двум причинам: представлялось, что именно письма, обращённые к детям, позволят, помимо пропагандистской риторики, выявить особенности мировоззрения солдат и те субъективные смыслы, настроения, которые сложились в этой группе; именно такого рода источник сегодня, во время проведения СВО, рассматривается как единственный, позволяющий увидеть не фасадную, а интимную, даже в определённом смысле сентиментальную сторону полевой, военной жизни (при этом из рассмотрения не исключена и идеологическая составляющая, навязанная пропагандой). Вместе с тем, у метода есть свои ограничения, они связаны прежде всего с тем, что адресат — дети, с одной стороны, вызывает ту самую сентиментальность и доверие, с другой, — он же и ограничивает содержание, ребёнку нельзя пожаловаться, его нельзя расстроить, напугать. Поэтому ожидаемо позитивная тональность писем поначалу отталкивает и вводит в заблуждение. В таких случаях использовался дополнительный источник информации — заметки православного священника, который по долгу своей службы длительно находится с бойцами на передовой и ведёт свой телеграмм-дневник.

Цитирование писем бойцов в тексте статьи прямое, то есть даётся в оригинальном, исходном написании. В дополнение к цитатам приведены отрывки текстов, написанные рукой солдата, которые сами по себе являются источником информации и в отдельных случаях памяти (так как большинство из них принадлежит бойцам штурмовых отрядов, некоторые из которых на сегодняшний день погибли).

Результаты анализа

К теме войны и личности в условиях войны, а затем и мира, автор обращалась в своих работах и прежде, в частности, проводила дискурс-анализ нарративов ветеранов Чеченских кампаний. Тогда анализировались заметки ветеранов [20], оставленные ими в обсуждениях общего интернет-ресурса, созданного с целью поддержки ветеранов такими же участниками Чеченской войны. Одним из результатов стало представление о том, что анализ должен строиться исходя из самих текстов, с выделением главной, часто повторяемой мысли. В ней, как правило, и болевая точка, и главная радость или надежда, всё остальное является дополнением, создавая определённую структуру, достраивая мысль, уточняя её. Причём в случае анализа текстов сайта структура определялась в том числе заданностью тем для обсуждения, то есть получалась своеобразная воронка от общих нарративов к групповым и, наконец, к индивидуальным, уникальным. В данном случае, когда аналитическую базу составляют эпистолы бойцов к детям, писавшим им письма, целесообразно применить тот же принцип. Это не совсем то, что привыкли называть техникой анализа Grounded theory, так как фактически при таком анализе не производится кодирование, скорее это больше похоже на мотивный метод анализа, разработанный литературоведами [21; 22], где основным является поиск основного мотива, идеи, мысли, вокруг которых выстраивается и всё остальное. Для таких мероприятий, как написание ответов детям, где письма составляются иногда совместно, подобная техника анализа представляется более релевантной.

«Победа будет за нами» — та мысль, которая неизбежно повторяется от письма к письму. Она так часта, что создаётся впечатление, что отец хочет успокоить таким образом сына/дочь, в действительности же, это то, что держит самих бойцов в тонусе. Это их вера на сегодняшний день. В письмах эта фраза, как правило, в конце, как подпись, как завет, как обещание. Вместе с этой фразой в текстах часто встречается *«Великая Россия»*, *«Великая Победа»*. Обращает внимание во всём массиве писем то, что бойцы, наряду с патетическим, пишут о сложностях войны, позволяют себе сказать об усталости от неё, о том, что никогда не хотели бы видеть её ужасов. Эти тексты — не советская трибуна, как в годы Великой Отечественной войны, но вместе с тем это и немало событийные, лишённые сильного чувства письма солдат афганской и чеченской войн, которые зачастую не знали, за что и зачем они воюют. Здесь не только иного рода идеологическая составляющая (об этом будет ниже), но, что более важно, иная маскулинность — не брутальная, агрессивная, а сдержанная, открытая. Отсюда то, что в дополнение к первой мысли (*«Победа будет за нами»*) звучит и это: *«Нам тяжело, нелегко»*:

Нам тяжело, тяжело,

или: «...в эти непростые для всех нас дни. Даже одно небольшое письмо от вас, даёт нам сил и прибавляет бойцовского духу».

За эти непростые для всех нас дни.
Даже одно небольшое письмо от вас, даёт
нам сил и прибавляет бойцовского духу.

или как здесь, где солдат пишет с нежностью о том, как необходимо каждому человеку внимание и забота другого (он это знает!), поэтому детские письма «отдушина среди окопных будней»:

Мои получили Ваши письма и с увлечением читали их все ввечеру. Это приносило отдушину среди окопных будней. Очень важно для любого человека, а для нас особенно, осознавать, что о нас кто-то думает, беспокоится и волнуется. Спасибо тебе

В письмах к детям бойцы умалчивают о том, что делает их окопные будни тяжёлыми, но при этом не создают видимость, не бравируют, что всё легко. О трудностях войны они рассказывают священнику. О самой тяжёлой своей встрече с бойцами штурмовой группы, которые идут первыми и среди которых самые большие потери он пишет:

«После причастия подошёл один боец и говорит: «Батюшка, что делать со страхом, если очень боишься и ничего не можешь с этим поделать? Нам через два дня идти туда...»».

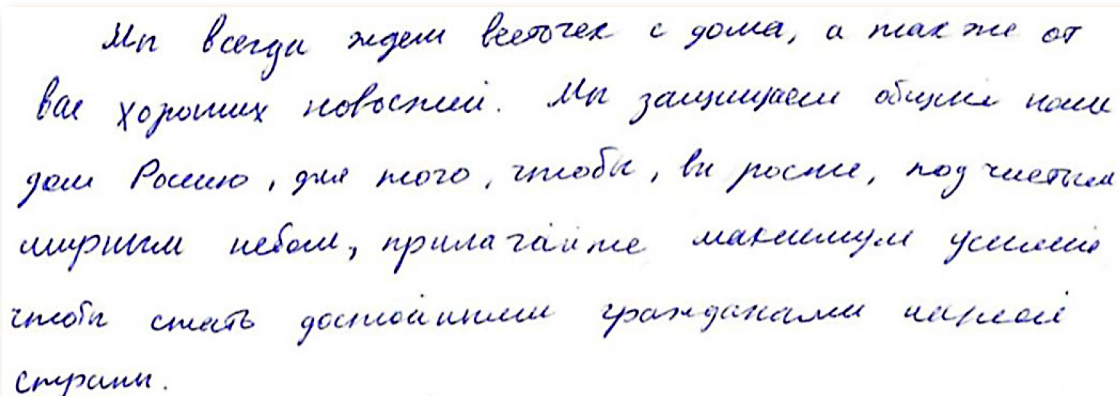
Страх смерти не отступает, особенно он явственен в ситуации каждодневных потерь сослуживцев. Постоянное напряжение, ежедневное ожидание смерти в итоге приводит к эмоциональному выгоранию, которое со стороны видится удручающе:

«Дай Бог, чтобы все они вернулись целыми и невредимыми! Но по глазам видно, что многие хотят умереть — так они уже устали и намучались... многие в строю стояли с перебинтованными ранами, полученными в прошлых штурмах — лечатся прямо тут в расположении, чуть подлечатся и снова в бой».

Помимо эмоционального выгорания есть и другое — бойцы, оставаясь в живых и получая ранения, снова возвращаются в строй вынужденно, так как каждый солдат на счету, и по идеологически-ценностным соображениям. Образ русского солдата периода СВО представляется довольно ярко: он не карикатурный, плакатный герой с идеологическими штампами вместо слов,

а живой и даже близкий, парень с соседней улицы. Война также предстаёт особым образом: как рутина, но в отличие от Чеченских кампаний, не как та, на «которую надо сходить», не как вынужденная необходимость, а как рутина, ведущая к Победе. Последнее в письмах пишется с заглавной буквы.

«Наш общий дом — Россия». Важна ещё такая особенность текстов солдат СВО: почти в каждом из них есть попытка объясниться, обозначить цель того, за что они воюют. Они не рассуждают и не вступают в пространные размышления зачем и почему, как это, например, наблюдалось в заметках ветеранов Чеченских кампаний, которые и после возвращения долго искали смыслы, здесь их знают наверняка. Весьма характерно письмо бойца, отправленное ребёнку, за подписью, как если бы он официально удостоверял ею каждое написанное слово. Приведём здесь его отрывок:

Мы всегда ждём весточек с дома, а так же от вас хороших новостей. Мы защищаем общий наш дом Россию, где много, тепла, вы росли, изучали широким небом, прилагали все ваши усилия чтобы стать достойными гражданами нашей страны.

Боец пишет «Мы защищаем общий наш дом Россию», подчёркивая то архетипическое, что с такой точностью подметил Л. Н. Толстой: защищать можно только то, что складывается или сложилось по типу семейных, близких связей и отношений. Это было характерно для 1812 года, это же повторилось в начале XXI века и упоминаемая нами триада «дом — братские, родственные отношения — отечество», характеризующая патриотические чувства позапрошлого века, вновь прозвучала уже в следующих поколениях. Обратим внимание, что для адресанта страна «наша», то есть единая, общая с адресатом, и в этом смысле отсутствует жёсткое разделение границ на тех, кто здесь (на войне), и тех, кто там (в мире). Он не отстраняется, не отделяется от пришедших в его военный мир со стороны, из мира, напротив, он подчёркивает общность с ним («наш общий дом — Россия»). Симптоматично, что слово «дом» звучит в таком коротком отрывке дважды «мы ждём весточек с дома» и «мы защищаем наш дом Россию», подчёркивая, с одной стороны, связь того и другого, с другой, что и то и другое как нечто единое, требующее защиты.

И наконец, тема дома звучит в контексте самих детских писем, которые «переносят» солдат в атмосферу мира, ещё недавнего довоенного прошлого, таким образом опять же связывая два пространства — войны и мира.

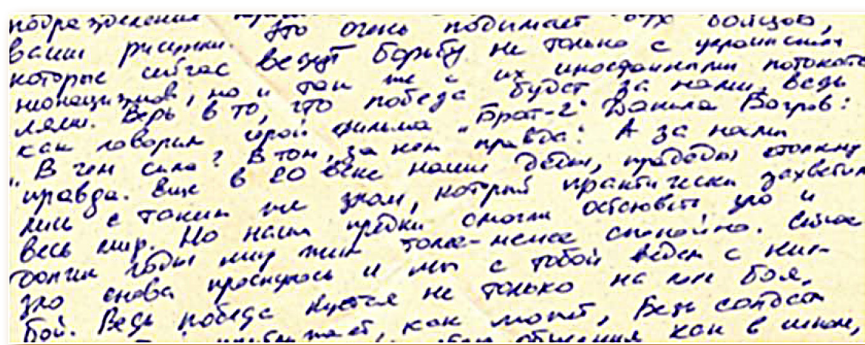
Читая ваши письма мы какбудто
переносимся домой, нишете

«Мы повторим подвиг наших дедов и прадедов» — это ещё один часто встречаемый нарратив, который тесно связан с первым «Победа будет за нами». В чём его связь? В первую очередь в том, что сама спецоперация увязывается с прошлым страны, с предыдущими поколениями воинов. И это прошлое усматривается не только в поколении дедов, которых скорее всего бойцы застали, но, что более важно, в поколении прадедов. То есть это предки из советского и более раннего прошлого. Само обращение к исторической, коллективной памяти сигнализирует о том, что война является тем пространством, где особенно актуализируется связь времён, межпоколенческое единство, обращение к корням. Возможно, это тот феномен, которому меньше всего уделяется внимание, особенно в ситуации «ускоряющегося времени» (Х. Роза), но на практике война ещё и фиксатор, стабилизатор времени, своего рода корректировщик порядка и хаоса, временного и вечного. Вообще время в пространстве войны играет почти исключительную и даже мистическую роль: раненые и умирающие солдаты видят в бреду своих умерших предков, в том числе тех самых дедов. Таким образом связь времён становится не призрачной, а физически ощутимой, и история предстаёт своеобразной эстафетой накопленного от тех, кто был вчера, к тем, кто есть сегодня. Война в определённом смысле — встреча прошлого с настоящим, двух миров, не только войны и мира, но войны этой и войны той. Время войны имеет физическое и метафизическое измерение.

Во вторую очередь, сама фраза «Победа будет за нами» принадлежит бойцам Советской армии, солдатам Великой Отечественной войны. Фактически, спецоперация не создала своего боевого клича, она воспользовалась риторикой тех, кто был вчера. И в этом прошлом для бойцов сегодняшней войны сосредоточены наиболее значимые ценностные позиции. Можно предположить, что это безусловный героизм и самоотверженность советских воинов. Из тех же вдохновляющих призывов советского времени находим в одном из писем известные слова из речи В. М. Молотова:

Враг будет разбит, родина будет
за нами. |||

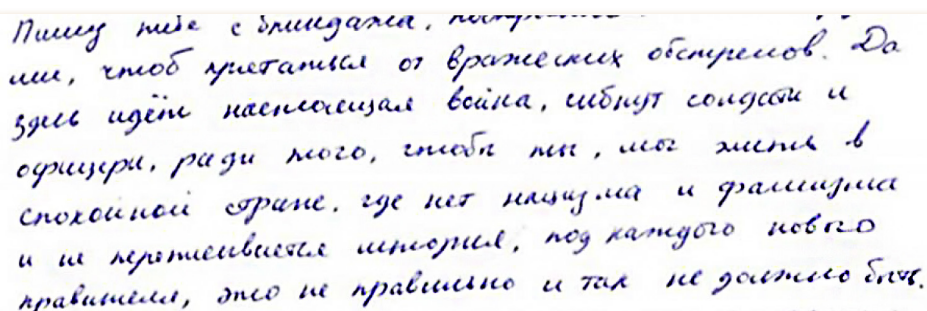
Крайне интересным и показательным является отрывок ещё одного письма бойца СВО. Текст написан мелким, убористым почерком и, в отличие от большинства писем, здесь практически нет общих фраз, а прежде всего рассуждения адресанта, который, как можно заметить, подошёл к ответу неформально.

подразумевая, что это слово поднимает отх бойцов, в наши дни. Везде борются не только с украинцами, которые сейчас ведут борьбу с их иррациональным потоком информации, но и с теми, кто будет за нами, ведь идея. Ведь в то, что победа. Брат-2. Данила Багров: как говорил герой фильма «Брат-2». А за нами. В чём сила? В том, за кем правда. А за нами правда. Вне в 20 веке наши деды, предки столкнулись с таким же злом, который практически захватил весь мир. Но наши предки смогли победить, и это было не только силой, но и с тобой. Ведь с тобой снова проснулся и мир с тобой. Ведь с тобой. Ведь победа. Победа не только не мёртва, но и жива. Победа, как любовь, как сон, как жизнь.

Данный отрывок примечателен тем, что в нём, помимо указанной и замеченной нами связи с прошлыми поколениями воинов, с идеалами солдат советской армии, которые боролись с нацизмом, есть обращение к современным героям и идеалам. В письме указывается Данила Багров из культового фильма девяностых годов «Брат-2» и его знаменитая фраза на вопрос о том, в чём сила, что она в правде (в письме «за ней правда»). Ценность правды является в данном случае ключевой, она же сила, она же то, что высвечивает неправду. Этимология слова «правда» имеет два значения и происходит от древнеславянского прилагательного «правъ». В одном случае оно означает «прямой», «не отклоняющийся в стороны», в другом трактуется как «обещание», «присяга», как правовая и нравственная категория. Важно, что в письме боец указывает — «за нами правда», связывая её опять же с предыдущим поколением, с дедами, которые «ещё в 20 веке столкнулись с таким же злом». То есть правда, «правъ» как «прямой», как следование общей исторической памяти и линии, не отклонение в сторону, в том числе с точки зрения этой памяти и её сохранения. Подчеркнём, что помимо прочего адресант письма выходит на сугубо этические категории, в частности, на понятие зла, которое для него не абстрактно и связано с нацизмом.

В подтверждение таких выводов приведём ещё один отрывок письма, где боец прямо указывает на ценность бережного отношения к исторической памяти:

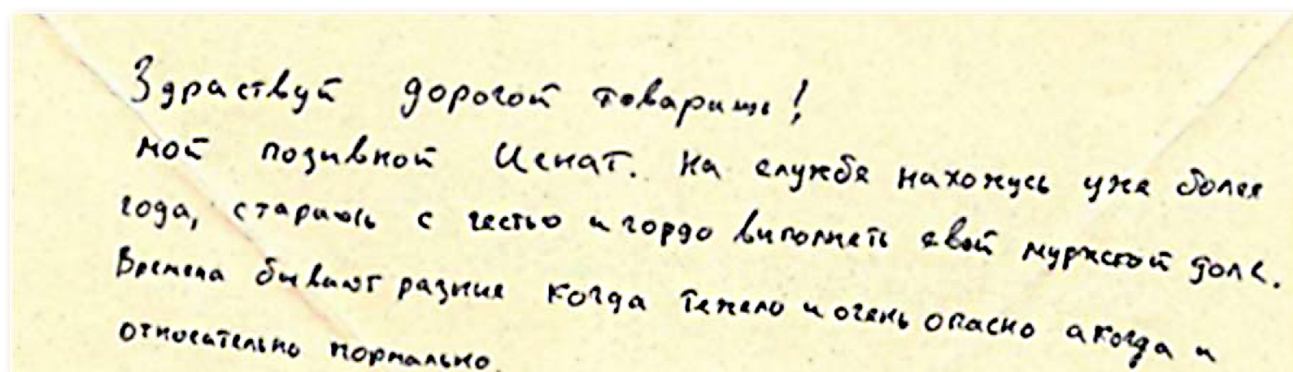

Письму тебе с благодарностью, потому что ты пишешь, чтоб не забывали от вражеских обстрелов. Да здесь идёт настоящая война, идут солдаты и офицеры, ради того, чтобы мы, мог жить в спокойной стране, где нет нацизма и фашизма и не противостоят империи, под каждым новым правительством, это не правильно и так не должно быть.

«Здесь идёт настоящая война» — пишет адресант, — «...чтобы ты, мог жить в спокойной стране, где нет нацизма и фашизма и не переписывается история...». Таким образом, и это надо подчеркнуть, аксиологию солдата СВО составляет ценность исторической памяти. В этом смысле война актуализирует её, выносит из второстепенных ценностей, каковой она, скорее всего, остаётся в мирное время, на первое место.

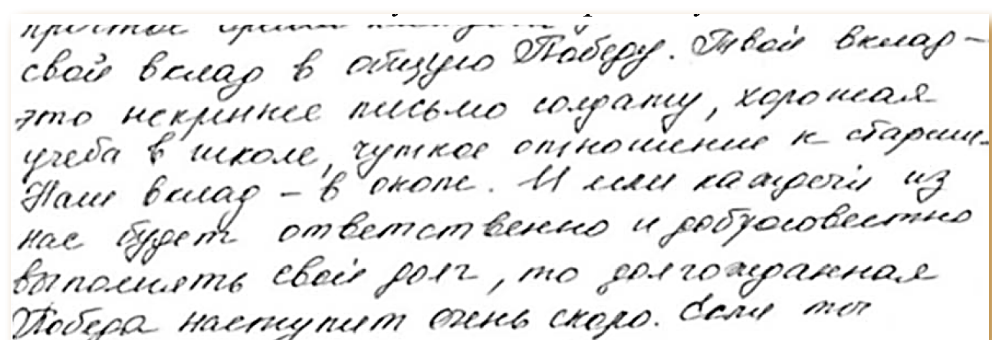
«Мужской долг». Одним из значимых нарративов в письмах, раскрывающих аксиологию солдата СВО, являются нравоучительные обращения к детям, которые оказываются в текстах не менее значимыми, чем возможность объясниться, назвать цель и причины войны.

Если в период Чеченских кампаний чаще всего писали о войне как о «служебном долге», то в письмах бойцов СВО появляется иное словосочетание — «мужской долг». Обращает внимание, что мужской долг прежде всего связывается с честью и гордостью, что невольно отсылает нас к забытому «честь имею» конца XIX века.

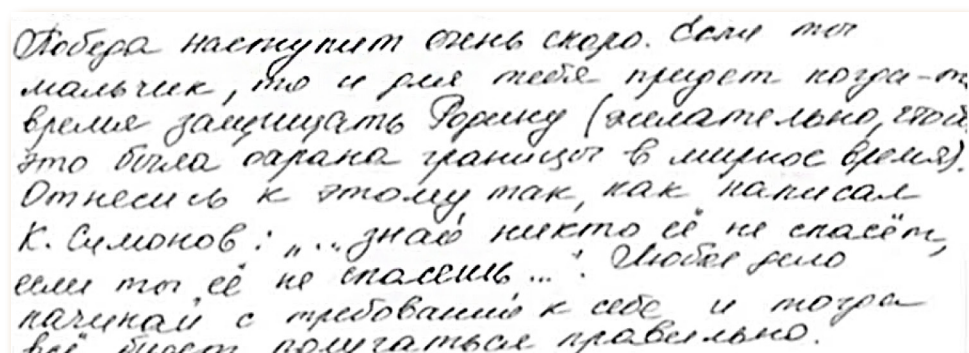
В качестве основных наставлений к детям бойцы называют необходимость послушания родителям, получить «как можно больше полезных знаний». Актуализированы ли эти ценности для солдат в той же степени, как они хотят об этом сказать своим адресатам, — вопрос. Скорее всего, здесь бойцы воспроизводят общий для всех стереотип воспитания, нравственный урок добродетели, который связан с ценностью учёбы и соответствующего отношения к старшим. Тем не менее отмечаем это как то, что относится к категории этического, нормативного.

В дополнение к сказанному приведём ещё один отрывок из письма. Он интересен тем, что в канве поучений о хорошей учёбе и почитании старших скрывается ценностный нарратив о всё том же долге. Здесь он изначально не обозначается как мужской, то есть нет прямой увязки с полоролевыми характеристиками, но говорится о нём как об ответственности и добросовестности, которые стоит проявлять каждому на своём месте: солдату — в окопе, ребёнку — в школе.

притом ценю...
свой вклад в службу Родине. Твой вклад —
это некринное письмо солдату, хорошая
учеба в школе, gutes отношение к старшим.
Наш вклад — в окопе. И если каждый из
нас будет ответственно и добросовестно
выполнять своей долг, то долгожданная
Победа наступит очень скоро. Если тот

То есть категория долга — это то, что также вписано в аксиологическую картину русского солдата, причём прочитывается она и с точки зрения пола, и выполнений обязательств каждого на своём месте. Отметим, что тот же адресант так или иначе от «обязательств на своём месте» возвращается в своей мысли к первому, то есть к поло-ролевым особенностям долга. И поэтому продолжает далее оборотом «если ты мальчик...».

Победа наступит очень скоро. Если тот
мальчик, то и для тебя придёт когда-то
время защищать Родину (заметьте, это
было слово граждан в мирное время).
Отнесись к этому так, как написал
К. Симонов: «...знаю, никто её не спасёт,
если тот её не спасёт...». Победит дело
начинай с требований к себе и тогда
всё будет получаться правильно.

«Если ты мальчик» — пишет автор, то «и для тебя придёт когда-то время защищать Родину». Он желает, чтобы эта защита, главным образом границ, происходила в мирное время. И просит отнестись к этому так, как писал об этом известный поэт времён Великой Отечественной войны К. М. Симонов. Помимо того, что здесь вновь наблюдается обращение к советскому времени и советской системе воспитания, важно и то, что называется и цитируется ещё один авторитетный автор. Это уже не персонаж кино Данила Багров, а реальный человек, участник Великой Отечественной войны и боёв на Халхин-Голе, писатель и поэт. И адресант, цитируя строки из его стихотворения, обращает внимание юного адресата на то, что Родину кроме него, юного мальчика, а затем мужчины никто не спасёт. В конце военнослужащий завершает: «любое дело начинай с требований к себе и тогда всё будет получаться правильно». Своеобразный наказ на дальнейшую жизнь, который, видимо, и должен воспитать в мальчике мужчину. Применительно к нашему анализу отмечаем ещё одну ценностную характеристику русского солдата — быть мужчиной и исполнять «мужской долг», который связывается, как и век назад, с требовательностью к себе и защитой Родины.

«Идеологические установки». Примечательно, что категория «мужского долга», которая соотносится с защитой Родины, более всего увязывается с «идеологическими» нарративами. Причём содержательная часть этих установок сконцентрирована вокруг нескольких моментов, которые и проясняют, почему Родину надо защищать: «Россия большая», «это наше общее дело», «это дело всех народов Великой России». Как можно заметить, здесь звучит и установка на многонациональность страны, часто освещаемая в СМИ, и на то, что она великая, то есть территориально большая, ресурсно и исторически богатая. Это своеобразные маркеры на узнавание, выделение страны из всех остальных.

«Сентиментальное чувство. Близость». В работе уже упоминалось об особой, не брутальной маскулинности, которая была проявлена в письмах солдат СВО к детям. Теперь уместно усилить данный анализ, подчеркнув в том числе сентиментальный характер текстов. Интересно, что это вполне согласуется с предыдущей ценностью, обозначенной в письмах как «мужской долг», и раскрывает глубже аксиологию российского солдата, которая контрастна.

Прежде всего особая сентиментальность была проявлена в обращениях к детям. Например, «Здравствуйте дорогие наши дети».

Handwritten text in blue ink: "Здравствуйте дорогие наши дети."

или «Здравствуй, дорогой ребёнок!»

Handwritten text in blue ink: "Здравствуй, дорогой ребенок!"

Более сложные нарративы сентиментального чувства содержали всевозможные образы, в том числе с отсылкой к литературным. Как например этот, созвучный со знаменитой «слезой ребёнка» Ф. М. Достоевского:

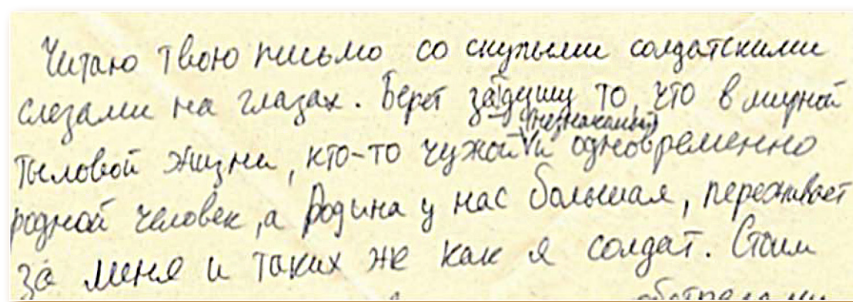
Handwritten text in red ink: "Мне за Вас позаботимся, ведь нет ничего важнее детской улыбки. Спасибо Вам за Всё!!!"

Автор письма пишет: «Мы за Вас позаботимся, ведь нет ничего важнее детской улыбки. *Спасибо Вам за Всё!!!*» С точки зрения анализа это, наверное, самая интимная часть писем, так как раскрывает бойцов с непривычной, зачастую глубоко скрываемой стороны. В приводимых здесь отрывках фактически проговаривается то, что по-настоящему дорого или кажется, что дорого. В данном случае — детская улыбка.

В другом письме его автор замечает, что «мы хотим чтобы сон детей был всегда спокоен». Что-то близкое к предыдущему, только теперь это

сон, спокойствие ребёнка. Здесь даётся образ безмятежности и тишины. Более умирительного образа, чем спящий ребёнок, наверное, сложно себе представить, и на войне, в окопах этот образ, как выясняется, крайне дорог.

Наконец, ещё один особенно эмоциональный отрывок. Причём, это длинное письмо, где солдат почти что исповедуется маленькой девочке. Мы опустим исповедальную часть и приведём только часть текста. Солдат пишет: *«Читаю твоё письмо со скрупулёзными солдатскими слезами на глазах. Берёт за душу то, что в мирной тыловой жизни, кто-то чужой, незнакомый и одновременно родной человек, а Родина у нас большая, переживает за меня и таких же как я солдат»*.

В данном случае особенно важно видеть сам авторский текст, в котором адресат письма делает уточнения, пытаюсь пояснить мысль, как в слове «чужой, незнакомый», или вносит исправления, как в слове Родина, которое он пишет сначала со строчной буквы, а потом исправляет на прописную. В этом не только неуверенность руки, не привыкшей писать письма и делающей ошибки, но и сосредоточенность на чувстве, которое в данную минуту растрогано заботой «чужого» человека и поэтому особенно доверчиво.

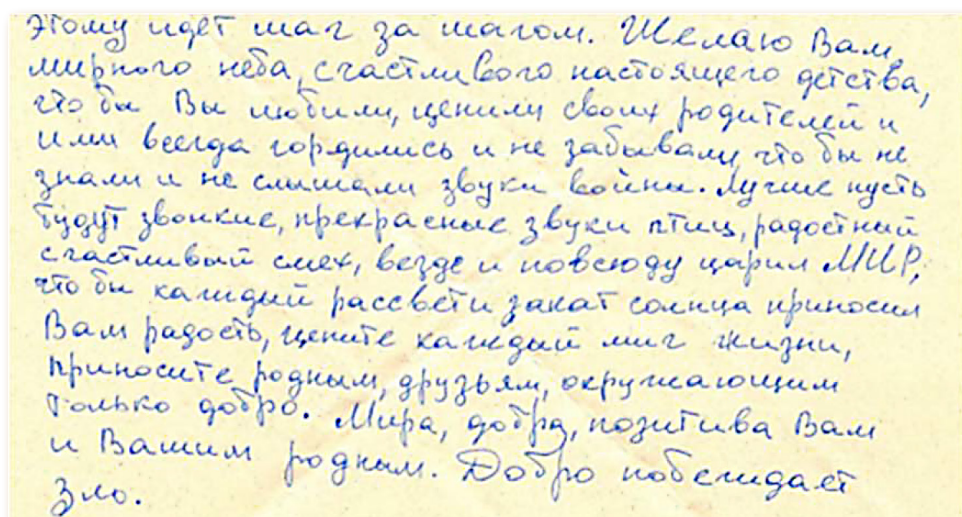
В итоге, в одном из писем мы почти слышим, а не читаем возглас какого-то молодого солдата: *«как твоя забота помогает мне, как будто всё становится светлее и ярче»*.

Надо заметить, что подобная чувствительность — это также часть аксиологической картины русского солдата, которая вне пространства войны, возможно, была бы другой, более сдержанной и менее эмоциональной. Здесь же в ситуации войны чувства оголены и любое внимание со стороны становится само по себе ценно. Возможно, это можно было бы обозначить как ценность близости с другим.

«Мечты солдата. Ценность мира». С предыдущими нарративами тесно связаны те тексты писем, в которых солдаты раскрывают то, о чём они мечтают. Происходит это, что совсем неудивительно, в тот момент, когда бойцы переходят к пожеланиям детям. Так, в одном несколько грустном письме мы читаем: *«Чтобы это всё поскорее закончилось»*. Или: *«чтобы вы не слышали и не видели происходящего»*.

В другом тексте автор не столь краток, напротив, так воодушевляется пожеланиями, что не замечает ни собственной многословности, ни того,

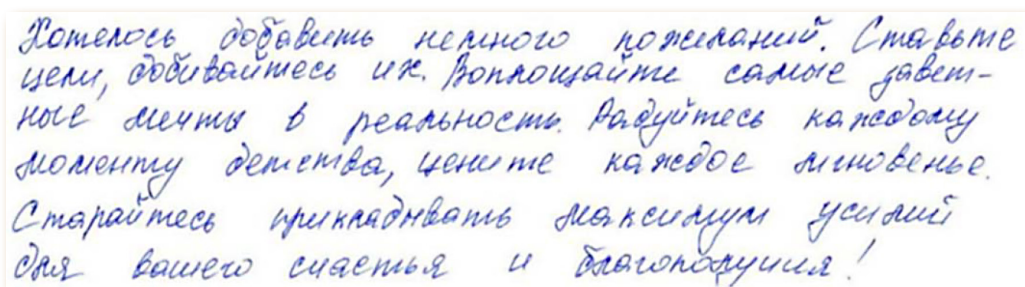
что пишет в итоге о своих желаниях: «...что бы не знали и не слышали звуки войны. Лучше пусть будут звонкие, прекрасные звуки птиц, радостный, счастливый смех, везде и повсюду царил МИР, что бы каждый рассвет и закат солнца приносил Вам радость, цените каждый миг жизни, приносите родным, друзьям, окружающим только добро».

A photograph of a handwritten letter on yellowed paper. The text is written in blue ink and matches the text in the paragraph above. It expresses a desire for peace, joy, and the sound of birds, and a wish for the world to be at peace so that every sunrise and sunset brings happiness. It also mentions valuing every moment of life and bringing only good to family and friends.

Этому идет шаг за шагом. Желаю Вам мирного неба, счастливое настоящее детства, чтобы Вы любили, ценили своих родителей и ими всегда гордились и не забывали, что бы не знали и не слышали звуки войны. Лучше пусть будут звонкие, прекрасные звуки птиц, радостный счастливый смех, везде и повсюду царил МИР, что бы каждый рассвет и закат солнца приносил Вам радость, цените каждый миг жизни, приносите родным, друзьям, окружающим только добро. Мира, добра, позитива Вам и Вашим родным. Добро побеждает зло.

Как оказалось, для находящихся каждый день на краю жизни и смерти, мир и мирная жизнь приобретают самую высокую ценность, вплоть до того, что прежде казалось обыденностью (как, например, закат и рассвет, пение птиц) становится в условиях войны крайней необходимостью. И вроде бы мысль не нова, но всякий раз поражает своей простотой и также составляет ядро философии войны. Об этом же много написано и у Э. Юнгера, и у Э. Ремарка. То есть приход к простым смыслам жизни — это не исключительно черта российского солдата, это то, что характерно для человека в принципе, то, о чём писали экзистенциалисты, говоря о потенциале пограничной ситуации.

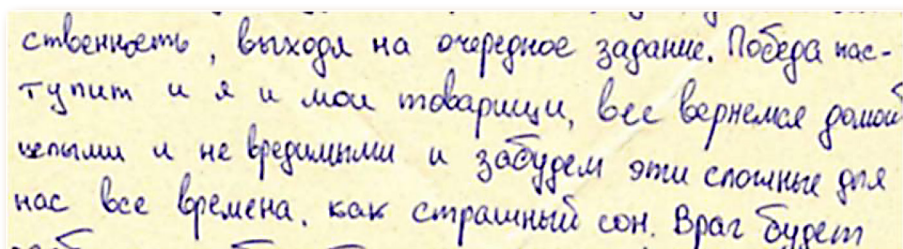
Помимо ценности «каждого мига и каждого дня» на войне, как можно заметить из ещё одного отрывка, обостряется решительное чувство: не бояться ставить перед собой самые смелые задачи. Один из бойцов, обращаясь к детям, пишет: «Ставьте цели, добивайтесь их. Воплощайте самые заветные мечты в реальность. Радуйтесь каждому моменту детства, цените каждое мгновение. Старайтесь прикладывать максимум усилий для вашего счастья и благополучия!»

A photograph of a handwritten letter on yellowed paper. The text is written in blue ink and matches the text in the paragraph above. It encourages setting goals, achieving them, and turning dreams into reality. It also encourages enjoying every moment of childhood and valuing every moment, and trying to put in maximum effort for one's happiness and well-being.

Хотелось добавить кривого желания. Ставьте цели, добивайтесь их. Воплощайте самые заветные мечты в реальность. Радуйтесь каждому моменту детства, цените каждое мгновение. Старайтесь прикладывать максимум усилий для вашего счастья и благополучия!

Для солдат, оказавшихся на передовой, предыдущие страхи не только померкли, но и пришло осознание, что быть счастливым довольно просто, достаточно не бояться своих целей и желаний. Это тоже часть аксиологии солдата, его приобретений и установок, сложившихся на войне.

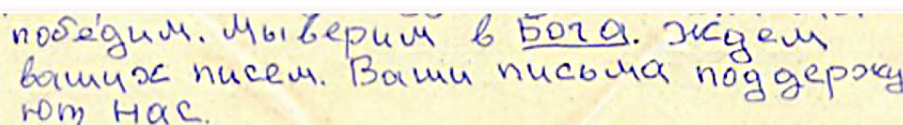
И, наконец, совсем лирическое: *«Победа наступит и я и мои товарищи, все вернёмся домой живыми и не вредимыми и забудем эти сложные для нас все времена, как страшный сон».*

стбенько, выхода на очередное задание. Победа наступит и я и мои товарищи, все вернёмся домой живыми и не вредимыми и забудем эти сложные для нас все времена, как страшный сон. Вредим

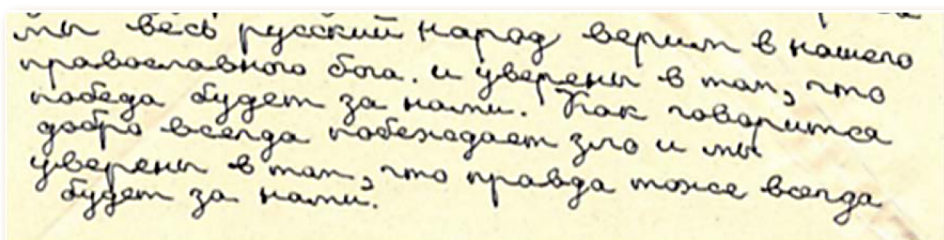
Война с предельной ясностью указала на ещё одну ценность — саму жизнь, которая, возможно, раньше не была столь актуализирована, а проблема существования (подлинного или мнимого, или того и другого) была чем-то отвлечённым и далёким. Теперь же она приобрела иной смысл и значение. Но понятно, что вернуться не все, как хочет того автор.

«Ценность Бога». Завершая анализ, стоит сказать об ещё одной ценности, о которой как таковой заявляли в своих текстах бойцы СВО. Это ценность Бога. Таких нарративов было немного, но они всё же звучали в письмах, причём, главным образом как простое утверждение: «Мы верим в Бога»:

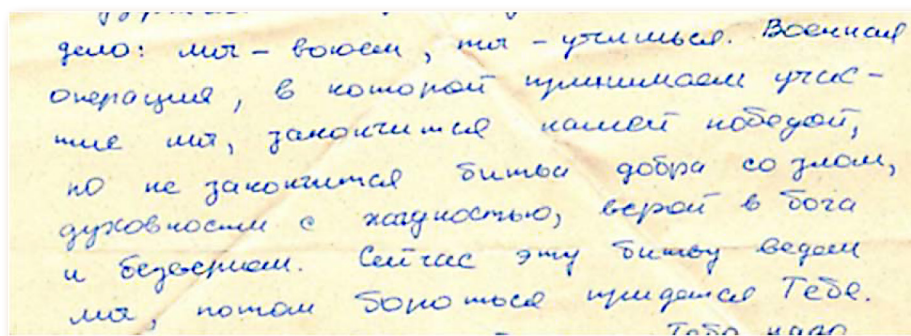
победим. Мы верим в Бога. ждём
ваших писем. Ваши письма поддержи-
ют нас.

Или как мысль о русском народе, который не может не верить *«в нашего православного бога»*. Он же, «православный бог», — залог неизбежной победы, потерь и боли.

мы весь русский народ верим в нашего
православного бога. и уверены в том, что
победа будет за нами. Так повелит
добро всегда побеждает зло и мы
уверены в том, что правда всегда
будет за нами.

Тема духовности звучит ещё в одном нарративе, в котором нет повествования о самом Боге, но говорится о *«битве добра со злом»*, *«духовности с жадностью»*, *«верой в бога и безверием»*. Автор письма продолжает: *«Сейчас эту битву ведём мы, потом бороться придётся Тебе».*

Таким образом, война рассматривается как вечное, непрекращающееся зло, однажды начатое и продолжающееся в поколениях. Как то, что было в прошлом, есть в настоящем и неминуемо ждёт будущие поколения завтра.

Заключение

Подводя итоги, ответим на два основных вопроса: «Каковы актуализированные ценности солдата СВО?», «Имеют ли они цивилизационную специфику и связь с предыдущими поколениями?».

Связь, несомненно, есть и она проявлена в межпоколенческой преемственности ценностей воинов, в тех культурных маркерах, которые отражены в русской классической литературе прошлых веков и актуализированы в мироощущении современных поколений солдат. Культурный фактор играет здесь ключевую роль, религиозный — меньшую (по крайней мере, он реже проявлен в письмах). Россия, которую бойцы олицетворяют с собой, во многом рассматривается как страна-форпост, сражающаяся с мировым злом, образом которого является фашизм и искажение правды. В этом и проявление мессианского энтузиазма Н. А. Бердяева и сугубый реализм Н. Я. Данилевского, ёмко выраженный в фразе «война очень большое зло, однако не самое большее». Как показал анализ писем солдат СВО, подобный взгляд присутствует в представлениях участников СВО, более того — разделяется ими.

Аксиология (как совокупность ценностей) солдата СВО — смешанный (дионисийский) маскулинно-феминный тип — с набором ценностей: правды, сохранения исторической памяти, Родины как «общего дома», «мужского долга», близости и духовного родства, мира и самой жизни, «православного бога».

В аксиологической картине солдата СВО представлены также «идеологические установки» (которые рассмотрены в данной статье в наименьшей степени и оставлены для будущих работ). Они связаны главным образом с представлениями о современной России как многонациональной, великой (большой ресурсно и исторически) стране. Подобные идеологические

представления присутствовали практически в каждом письме, что указывает на то, что солдаты их не только разделяют, но и видят необходимость в их передаче (своего рода обязательная часть письма).

С точки зрения экзистенциального подхода, война — то пространство, которое приводит к простой философии солдата, где ценными оказываются сама жизнь, повседневные радости, те цели и мечты, которые казались неосуществимыми в мирной жизни. Война — то пространство, где образуются крайне близкие, тесные связи, в том числе с «чужими», неизвестными людьми, объединёнными общей историей, культурой (религией), временем, ситуацией. Как показал анализ, общность под названием «народное единство», которое описал Л. Н. Толстой, существует и сегодня. Более того, триада «дом — братские, родственные отношения — отечество» оказалась крайне значимой для бойцов Российской армии, участвующих в СВО, граждан и людей XXI века, которые, казалось бы, в условиях современной России живут иными представлениями и склонны к универсализму ценностей и по причине их сложности и противоречивости к их саморегуляции (Ю. А. Зубок). На это указывали, в том числе такие обороты в письмах, как «наш дом — Россия», «наша великая Родина», «Великая Победа — это наше общее дело» и пр. Скорее всего, подобная связь указывает на цивилизационную специфику культурно-исторического типа. Для более обоснованного вывода требуется проведение аналогичного анализа на материалах иных цивилизационных типов.

Исследование выявило признаки «народной религиозности», о чём в своё время писал Л. Н. Толстой, проявления которой практически идентичны с описанием позапрошлого века. В нарративах солдат СВО присутствует «наш православный бог», «добрый бог», побеждающий зло и обязательно помогающий одержать победу и т. д. И это особенно впечатляет, заставляя ещё раз задуматься о том, что не все ценности одинаково быстро трансформируемы, что есть то ценностное ядро, которое может сохраняться на протяжении веков и подвергаться изменениям крайне долго.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор ; пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского ; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронов. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с. ISBN 978-5-93255-417-3.
2. Иванов А. Ю. Фронтовые письма XX века как исторический источник: методика анализа // Учёные записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150, № 1. С. 49–53. EDN JRGVXX.
3. Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Козлов И. И. Университет: его ценности и традиции в воспоминаниях его преподавателей (на сновании изучения об-

- разовательных биографий) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 4. С. 221–228. EDN **SZIJYP**.
4. *Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Козлов И. И.* Феноменология православных ценностей в оценке экспертов // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 128–135. EDN **SOARWX**.
 5. Ценностные ориентации студенческой молодёжи в вузах светской и религиозной направленности / И. П. Рязанцев, М. А. Подлесная, А. А. Петров [и др.] // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16, № 3. С. 559–575. EDN **WHFJKL**.
 6. Актуализированные ценности современного российского общества: [монография] / И. А. Халий, О. В. Аксенова, Н. В. Левченко [и др.]; отв. ред. И. А. Халий. М. : Институт социологии РАН, 2015. 273 с. ISBN 978-5-89697-259-4. EDN **XRISFX**.
 7. *Магун В. С.* Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 44–58. DOI **10.31857/S013216250029336-2**. EDN **RIAJNU**.
 8. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений. В 12-ти томах. Т. VI. Война и мир. Т. III / Под общей ред. С. А. Макашина, Л. Д. Опульской ; примеч. Л. Д. Опульской. М. : Художественная литература, 1973.
 9. *Матвеева И. Ю.* Влияние философии славянофилов на концепцию семьи и народной религиозности в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Выпуск 2: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2022 г.) / Отв. ред. О. Н. Ноговицин ; ФНИСЦ РАН. СПб. : Издательство РХГА, 2022. С. 52–66. ISBN 978-5-89697-406-2. DOI **10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022**. EDN **MJPXIE**.
 10. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений. В 12-ти томах. Т. IV. Война и мир. Т. I / Под общей ред. С. А. Макашина, Л. Д. Опульской ; примеч. Л. Д. Опульской. М. : Художественная литература, 1973.
 11. *Бердяев Н. А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Репринтное воспроизведение издания 1918 г. М. : Философское общество СССР, 1990. 240 с. ISBN 5-211-01953-9.
 12. *Николаев Н. Ю.* «Война очень большое зло, однако не самое большое»: Н. Я. Данилевский о войне и мире // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Выпуск 2: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2022 г.) // Отв. ред. О. Н. Ноговицин ; ФНИСЦ РАН. СПб. : Издательство РХГА, 2022. С. 66–74. ISBN 978-5-89697-406-2. DOI **10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022**. EDN **ZWUYQM**.
 13. *Рождественская Е. Ю.* Фронтовое письмо // INTER. 2018. Т. 10, № 15. С. 78–90. DOI **10.19181/inter.2018.15.5**. EDN **UYQUMM**.
 14. Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / Н. В. Веселкова, К. В. Годунов, Я. А. Голубинов [и др.] ; под ред. М. А. Литовской, Н. В. Суржиковой ; Институт истории и археологии УрО РАН. М. ; Екатеринбург : Кабинетный учёный, 2021. 408 с. ISBN 978-5-6044025-9-7. EDN **XTNNPI**.
 15. *Орлов И. Б., Лившиц А. Я.* Социологический анализ «писем во власть» (1917–1927-е годы) // Социологические исследования. 1999. № 2. С. 80–88. EDN **YLJPBR**.

16. Липовка В. О. Анализ писем учащихся как способ выявления ценностных ориентаций подростков (на примере писем деду Морозу) // Научно-педагогическое обозрение. 2014. № 3 (5). С. 70–75. EDN **QQFBJD**.
17. Куманьков А. Д. Война в XXI веке / А. Д. Куманьков ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 296 с. ISBN 978-5-7598-1957-8. DOI **10.17323/978-5-7598-1957-8**. EDN **BZBSYX**.
18. Hoffman F., Mattis J. N. Future Warfare: The Rise of Hybrid Warfare // Proceedings. 2005. Vol. 131, № 11 (1). P. 30–32. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2005/november/future-warfare-rise-hybrid-wars> (дата обращения: 10.08.2024).
19. Образцов И. В. Война как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 106–116. DOI **10.31857/S013216250010207-0**. EDN **SEMSAV**.
20. Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика / А. Н. Веселовский ; вступ. ст. И. К. Горского ; сост., коммент. В. В. Мочаловой. М. : Высш. шк., 1989. 406 с. ISBN 5-06-000256-X.
21. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М. : Наука, 1993. 304 с. ISBN 5-02-017721-0.

Сведения об авторе:

М. А. Подлесная

кандидат социологических наук,

ведущий научный сотрудник

SPIN-код: **3556-0353**

Статья поступила в редакцию 11.04.2024; одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 03.08.2024.

Original article

DOI: **10.19181/snsp.2024.12.3.2**

THE UPDATED VALUES OF A SOLDIER OF A SPECIAL MILITARY OPERATION: LETTERS FROM THE FRONT 2023

Mariia Alexandrovna Podlesnaia

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

yamap@yandex.ru,

ORCID **0000-0002-2159-4958**

For citation: Podlesnaia M. A. The updated values of a soldier of a special military operation: letters from the front 2023. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(3):26–55. (In Russ.). DOI **10.19181/snsp.2024.12.3.2**.

Abstract. In the context of aggravation of military conflicts throughout the world, including on the territory of Ukraine, it seems important to study the micro-events of the

war, the value priorities of its direct participants — the soldiers. The space of war and its time (both in physical and metaphysical terms) seem to be the context where the soldier's axiology is fully revealed. The borderline situation (between life and death) creates tension and exacerbates existential choice. The main method is the analysis of ego-documents, front-line letters from participants in a special military operation addressed to children. Letters from participants in the special military operation were taken from an open source, a telegram channel of a volunteer group, with the consent of their moderator and the addressees themselves. The methodology of textual analysis is based on the ideas of "national unity", "national religiosity", the connectedness of Russian people according to the type of family relationships during the war, taken in one of the most iconic novels about the war, L. N. Tolstoy's epic novel "War and Peace"; N. A. Berdyaev's idea about the symbolic nature of war, which does not give birth to evil, but reveals it, and his focus on the messianic role of Russia in the military conflicts of the world; on the civilizational approach of N. Ya. Danilevsky, who sees in war a source of historical development and the formation of cultural and historical types. The results of the study substantiate the evidence of the hypothesis that axiology itself has its foundations in the cultural patterns of Russian literature as a basic component of the school curriculum, and is also imprinted in the works of Russian philosophers who accumulated the worldview experience of previous generations. The study established the presence in the axiology of soldiers of a special military operation of a reference point to messianism and the manifestation of the characteristics of the cultural and historical type of Russia. The space and time of war forces soldiers to turn to them and strengthens archetypal value foundations, actualizes historical memory and confirms its exceptional significance.

Keywords: special military operation, values; updated values, Russian army soldier, ego documents, letters from the front

REFERENCES

1. Kaldor M. New and old wars: organized violence in a global age [Novy`e i stary`e vojny`: organizovannoe nasilie v global`nuyu e`poxu] Per. with English. A. Apolonova, M. Dondukovsky; ed. translated by A. Smirnov, V. Sofronov. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara; 2015. 416 p. (In Russ.). ISBN 978-5-93255-417-3.
2. Ivanov A. I. Front-line letters of the 20th century as a historical source: methods of analysis [Frontovye pisma XX veka kak istoricheskij istochnik: metodika analiza]. *Scientific notes of Kazan State University=Uchyony'e zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008;150(1):49–53. (In Russ.).
3. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Kozlov I. I. University: its values and traditions in the memoirs of its teachers (based on the study of educational biographies). *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12=Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psixologiya. Sociologiya. Pedagogika*. 2014;(4):221–228. (In Russ.).
4. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Kozlov I. I. Phenomenology of Orthodox values in the assessment of experts. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2014;(8):128–135. (In Russ.).
5. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Petrova A. A. [et al]. Value orientations of student youth in universities of secular and religious orientation. *Bulletin of RUDN University. Series: Sociology=Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. 2016;16(3):559–576. (In Russ.).

6. Khaliy I. A. ed. The Updated values of modern Russian society. Electron. text. Dan. (volume 2.2 MB). Moscow: Institut sociologii RAN; 2015. 273 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-259-4.
7. Magun V. S. The Evolution of basic human values of the Russians, 2006–2021. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2023;(12):44–58. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250029336-2](https://doi.org/10.31857/S013216250029336-2).
8. Tolstoy L. N. Collected works [Sobranie sochinenij]. In 12 volumes. Vol. VI. War and Peace. Vol. III. Note L. D. Opulskaya. Moscow: Xudozhestvennaya literature. 1973. 424 p. (In Russ.).
9. Matveeva I. Yu. The influence of Slavophil philosophy on the concept of family and folk religiosity in L. N. Tolstoy's novel "War and Peace" [Vlijanie filosofii slavjanofilov na kontseptsiju semi i narodnoj religioznosti v romane L. N. Tolstogo «Vojna i mir»]. In: Byzantium, Europe, Russia: social practices and the relationship of spiritual traditions. Conference archive. Issue 2: materials of the international scientific conference (St. Petersburg, September 22–24, 2022). Rep. ed. O. N. Nogovitsin. St. Petersburg: Izdatel'stvo RXGA; 2022. P. 52–66. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-406-2. DOI [10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022](https://doi.org/10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022).
10. Tolstoy L. N. Collected works [Sobranie sochinenij]. In 12 volumes. Vol. IV. War and Peace. Vol. I. Note L. D. Opulskaya. Moscow: Xudozhestvennaya literature; 1973. 376 p. (In Russ.).
11. Berdyaev N. A. The fate of Russia. Experiments on the psychology of war and nationality [Sud'ba Rossii. Opy'ty` po psixologii vojny` i nacional'nosti]. Reprint reproduction of the 1918 edition. Moscow: Filosofskoe obshhestvo SSSR; 1990. 240 p. (In Russ.). ISBN 5-211-01953-9.
12. Nikolaev N. Yu. "War is a very great evil, but not the greatest": N. Ya. Danilevsky on war and peace [«Vojna ochen' bol'shoe zlo, odnako ne samoe bol'shee»: N. Ya. Danilevskij o vojne i mire]. In: Byzantium, Europe, Russia: social practices and the relationship of spiritual traditions. Conference archive. Issue 2: materials of the international scientific conference (St. Petersburg, September 22–24, 2022). Rep. ed. O. N. Nogovitsin. St. Petersburg: Izdatel'stvo RXGA; 2022. P. 66–74. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-406-2. DOI [10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022](https://doi.org/10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022).
13. Rozhdestvenskaya E. Yu. Front letter. *INTER=INTER*. 2018;10(15):78–90. (In Russ.). DOI [10.19181/inter.2018.15.5](https://doi.org/10.19181/inter.2018.15.5).
14. Litovskaya M. A., Surzhikova N. V. eds. Ego-documents: Russia in the first half of the twentieth century in inter-source dialogues; Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetny'j uchyony'j. 2021. 408 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6044025-9-7
15. Orlov I. B., Livshits A. Ya. Sociological analysis of "letters to the authorities" (1917–1927) [Sociologicheskij analiz «pisem vo vlast'» (1917–1927-e gody)]. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 1999;(2):80–88. (In Russ.).
16. Lipovka V. O. Analysis of students' letters as a way to identify the value orientations of adolescents (using the example of letters to Santa Claus). *Pedagogical Review=Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*. 2014;(3):70–75. (In Russ.).
17. Kumankov A. D. War in the XXI century [Vojna v XXI veke]. Moscow: Izd. dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki; 2020. 296 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1957-8. DOI [10.17323/978-5-7598-1957-8](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1957-8).
18. Hoffman F., Mattis J. N. Future Warfare: The Rise of Hybrid Warfare. *Proceedings*. 2005;131(11):30–32. Available at: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2005/november/future-warfare-rise-hybrid-wars> (accessed: 10.08.2024).

19. Obraztsov I. V. War as an object of sociological analysis. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2020;(10):106–16. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250010207-0](https://doi.org/10.31857/S013216250010207-0).
20. Veselovsky A. N. Historical poetics [Istoricheskaja poetika]. I. K. Gorsky ed. Moscow: Vy'sshaya shkola; 1989. 406 p. (In Russ.). ISBN 5-06-000256-X.
21. Gasparov B. M. Literary leitmotifs. Essays on Russian literature of the 20th century [Literaturnye leitmotivy. Ocherki po russkoj literature XX veka]. Moscow: Nauka; 1993. 304 p. (In Russ.). ISBN 5-02-017721-0.

Information about the Author

M. A. Podlesnaia

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: [R-8140-2019](https://orcid.org/0009-0001-8140-2019)

Scopus AuthorID: [56528484500](https://orcid.org/0009-0001-8140-2019)

The article was submitted 11.04.2024; approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 03.08.2024.

СТУДЕНТЫ КАК ПАРТНЁРЫ НАУЧНЫХ ПРОЕКТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ: ВОЗМОЖНОСТИ И БАРЬЕРЫ

Полина Анатольевна Амбарова¹

Нина Васильевна Шаброва²

^{1, 2} Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,

¹ p.a.ambarova@urfu.ru,

ORCID 0000-0003-3613-4003

² n.v.shabrova@urfu.ru,

ORCID 0000-0002-5694-1040

Для цитирования: Амбарова П. А., Шаброва Н. В. Студенты как партнёры научных проектов в российских вузах: возможности и барьеры // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 56–75. DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.3. EDN GJCSUY.

Аннотация. В статье показаны потенциал и барьеры реализации концепции студентов как партнёров в научных проектах университетов. Представлен зарубежный опыт реализации данной концепции в различных сферах академической жизни. Обобщены позитивные эффекты и ограничения концепции студентов как партнёров в научно-исследовательском направлении. На основе результатов эмпирического исследования «Научное наставничество в российских вузах: институциональные модели, профессиональные роли, повседневные практики» выявлены предпосылки и барьеры внедрения данной концепции в российских вузах. Раскрыты административные, экономические и социальные барьеры, обусловленные как институциональными и организационными условиями реализации вузовской науки, так и особенностями сложившейся модели взаимоотношений в академической среде между разными поколениями исследователей. Показано положительное влияние вовлечения студентов в грантовые проекты. Доказывается, что такая форма взаимодействия «взрослых» и молодых исследователей создаёт предпосылки реализации принципов концепции студентов как партнёров вуза.

Ключевые слова: студенты, научно-исследовательская работа студентов, научные наставники, научное наставничество, студенты как партнёры

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01291, <https://rscf.ru/project/23-28-01291/>.

Введение

Современная государственная политика в сфере высшего образования и науки ориентирует университеты не только на активизацию научно-исследовательской работы студентов и аспирантов, но и на тесную интеграцию молодёжной и «взрослой» науки. Вторым приоритет может быть реализован двумя способами. Первый — имитационный — предполагает формальное включение студентов и аспирантов в научные проекты в соответствии с требованиями конкурсной документации или программы развития университета. Второй базируется на концепции студентов как академических партнёров и означает реальное участие студентов (бакалавров, магистрантов) и аспирантов в качестве равноправных и ответственных субъектов научной деятельности.

Университетские сообщества во многих вузах России и в зарубежных странах традиционно воспроизводят иерархическое устройство академической корпорации. В ней есть незыблемо высокие позиции «мастеров», средние — у «подмастерьев» и нижние — у «учеников». В научной школе такая трёхчленная структура соответствует требованию наличия в научном коллективе нескольких (как минимум 2–3) поколений. Но в редуцированном виде отношения «мастер — подмастерье (ученик)» воспроизводятся и во взаимодействии отдельной диады «научный руководитель (наставник) — подопечный». Такая классическая вертикальная модель отношений в академической среде является модальной, хотя отклонения от неё могут иметь место и определяться социокультурным контекстом (в терминологии Г. Хофстеде — ценностью короткой дистанции власти) либо доминированием либерального стиля взаимодействия у отдельных представителей «академии».

Несмотря на серьёзные трансформации в высшей школе, повлёкшие за собой изменения моделей отечественных университетов, российские «академики» сохраняют многие традиции, в том числе и достаточно жёсткую академическую иерархию. Вопрос о том, может ли это обстоятельство служить барьером на пути внедрения концепции студентов как партнёров в научно-исследовательские практики, составляет предмет анализа в данной статье. В то же время мы можем сформулировать и другие предположения, в частности о том, что существуют препятствия и со стороны студентов, связанные с уровнем их научно-исследовательской культуры и глубоким усвоением паттернов академической иерархии.

Ответы на поставленные вопросы позволят спрогнозировать успешность достижения российскими университетами показателей развития науки, в том числе молодёжной (студенческой), а также определить эффективность программ академического развития студентов и перспективы вовлечения выпускников вузов в науку как профессию.

Цель статьи заключается в оценке готовности российских научно-педагогических работников (НПР) и студентов к внедрению концепции студентов как партнёров вузовской науки. Исследовательскими вопросами статьи являются следующие: 1) рассмотрение содержания концепции студентов как академических партнёров; 2) характеристика предпосылок и барьеров внедрения названной концепции в исследовательские практики российских университетов — как со стороны НПР, так и со стороны студентов.

Эмпирическая база и методы

Результаты исследования, представленные в статье, базируются на анализе данных социологического проекта «Научное наставничество в российских вузах: институциональные модели, профессиональные роли, повседневные практики». Исследование реализовано в 2023–2024 гг. коллективом социологов Уральского федерального университета при поддержке Российского научного фонда. Для рассмотрения содержания основных положений концепции студентов как академических партнёров был проведён систематический обзор научной литературы.

Для характеристики предпосылок и барьеров внедрения названной концепции в исследовательские практики российских университетов были использованы результаты массового онлайн-опроса студентов, а также интервью с НПР и студентами, активно вовлечёнными в научно-исследовательскую работу.

Массовый онлайн-опрос студентов был проведён весной 2023 года ($n = 3032$ чел., $\Delta = 2\%$). Отбор респондентов осуществлялся в два этапа. На первом этапе был использован гнездовой отбор — отобраны доступные для нашего исследования университеты. На втором этапе был реализован квотный отбор по уровням (88% — бакалавриат и специалитет, 12% — магистратура) и направлениям (34% — инженерно-техническое, 24% — естественно-научное, 18% — гуманитарное, 25% — социально-экономическое) подготовки. Опрос был проведён с использованием online-сервиса Google-формы. Ссылка на анкету рассылалась ответственным за проведение опроса в вузе, которые распространяли её в своём вузе среди студентов в соответствии с квотами. Для оценки готовности российских студентов к реализации концепции студентов как академических партнёров «взрослых» научных проектов был выделен подмассив респондентов, осуществляющих свою научно-исследовательскую деятельность в рамках грантового проекта. Доля таких студентов составила 8,9% от общего числа респондентов, ответивших, что они

участвуют в научно-исследовательской деятельности (НИД) в той или иной форме.

Полуструктурированные интервью со студентами (бакалаврами и магистрантами) и аспирантами из различных российских университетов были проведены в апреле — мае 2023 г. и феврале — марте 2024 г. (общее количество информантов — 35 чел., из них 30 студентов и 5 аспирантов). Полуструктурированные интервью с НПП состоялись в феврале — марте 2024 г. (количество информантов — 20 чел.). В каждом гайде содержались блоки вопросов об участии студентов в различных формах НИД и об отношении к этому наставников (научных руководителей). Особое внимание уделялось положительным и негативным аспектам участия студентов во «взрослых» научных проектах.

Результаты

Концепция студентов — партнёров вузов как теоретическая рамка и университетская практика. В зарубежных университетах студенты рассматриваются как партнёры в различных сферах университетской жизни [1; 2]. В частности, они активно привлекаются к разработке и совершенствованию различных элементов образовательной деятельности — учебных планов, дизайна дисциплин, контрольных мероприятий, учебно-методических материалов, форматов лекций и семинарских занятий [3]. В этих случаях студенты выступают в роли сопродюсеров, содизайнеров, соразработчиков [4], а не просто потребителей образовательных услуг [5; 6]. Совместно с преподавателями они также работают над различными образовательными проектами [7; 8]. Кроме того, вузы стремятся расширить возможности студентов участвовать в качестве консультантов по образованию [7; 9], включая практики взаимообучения и взаимооценивания [10].

Партнёрство в образовании выступает, пожалуй, самым развитым способом активизации потенциала студентов как партнёров университета [11; 12]. Преимущества такой формы взаимодействия образовательных общностей заключаются в повышении уровня удовлетворённости студентов, их вовлечённости, личной инициативы, энтузиазма, ответственности, уверенности в своих способностях. Это позволяет организовать качественную обратную связь, реализовать инструменты коучинга, многоканальных коммуникаций, способствует корректировке карьерных целей обучающихся. Все названные эффекты с полным правом можно перенести и на другие формы партнёрства вуза со студенчеством.

Другой вид партнёрства связан со студенческой филантропией, то есть привлечением малых пожертвований обучающихся в эндаумент-фонды университетов. Практики стимулирования студенческого «донорства»

развиваются в зарубежных вузах¹, но в последние годы стали использоваться и в ведущих российских университетах (МГИМО, ТГУ, ВШЭ, СПбГУ, УрФУ и др.)^{2, 3}, в меньшей степени — в региональных вузах⁴.

Студенческая филантропия изучается в зарубежной науке с начала 2000-х гг. как социально-экономическое явление [13] и педагогическая технология [14]. Российские исследователи, благодаря освоению университетами данной технологии партнёрства, также получили эмпирические возможности изучать и обобщать отечественный опыт студенческого фандрайзинга, в том числе в Томском госуниверситете, СПбГУ, МФТИ [15]. Были обобщены различные модели реализации идеи студенческой филантропии, в том числе прямая и косвенная [16].

В рамках данной статьи нас особенно интересовало партнёрство университетов со студентами в сфере научных исследований. Анализ университетских практик в этой сфере, представленных в научной литературе и открытых источниках, позволил выделить два направления. Первое — вовлечение студентов в партнёрские педагогические исследования. Понятно, что это направление обусловлено приоритетностью вовлечения студентов как партнёров прежде всего в учебный процесс. Как правило, конкретные проекты и рекомендации студентов по разработке и редизайну образовательных продуктов базируются на исследовании и анализе уже сложившегося образовательного опыта. В рамках данного направления также развивается опыт формирования исследовательских компетенций в учебном процессе. Так, Ч. Вулмер с соавторами обобщили позитивный опыт разработки учебного курса, направленного на развитие междисциплинарных исследовательских компетенций в области естественных наук (физики, астрономии, географии, химии) [17].

Второе направление — привлечение студентов в исследовательские проекты и разработки, не связанные с обучением и педагогикой. Изучая опыт сотрудничества студентов и НПР в этой сфере, исследователи выделяют два тематических фокуса — это динамика власти и синергетические эффекты во взаимоотношениях партнёров. С. Попович и А. Ким отмечают,

¹ Wilson D. First active student donates to endowment fund // Southern News : [сайт]. URL: <https://thesouthernnews.org/2021/05/05/first-active-student-donates-to-endowment-fund/> (дата обращения: 16.04.2024).

² Студент-мecenат: первый студент внёс пожертвование в эндаумент // МГИМО Университет : [сайт]. 02.04.2010. URL: https://mgimo.ru/about/news/main/148738/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 16.04.2024).

³ Студенты должны играть весомую роль в развитии эндаумент-фондов // УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина : [сайт]. 5 апреля 2019. URL: <https://magister.urfu.ru/ru/novosti/26727/> (дата обращения: 16.04.2024).

⁴ Создание фондов целевых капиталов в российских вузах / Департамент стратегии и развития ЗАО УК «РБМ Капитал». 2013 : URL: https://data.cbonds.info/mergers/news_files/40371/Sozdanie-fondov-tselevykh-kapitalov-v-Rossiiskih-VUZah.pdf (дата обращения: 16.04.2024).

что наивно было бы полагать, что можно сразу достичь равенства позиций, учитывая такие естественные основания неравенства, как различия профессиональных ролей, размер оплаты, стаж и уровень заинтересованности [18, р. 101]. Студенческий вклад во «взрослые» научные проекты обычно ограничивается сбором первичного эмпирического материала и обзором литературы. Более продвинутые практики предполагают участие студентов в анализе эмпирического материала, написании статей. Идеальным вариантом представляется делегирование студенту части задач на всём протяжении исследовательского цикла.

Исследователи отмечают, что даже в университетах, использующих партнёрские исследовательские программы, студенты сдерживают свою инициативу при обсуждении важных вопросов организации и проведения исследований [18]. Но при этом они готовы вступить в обсуждение и поделиться своими соображениями, если исследователи-наставники побуждают их к этому.

Между тем зарубежные авторы, признавая значимость в целом концепции студентов как партнёров и ценности, лежащие в её основе (уважение, ответственность и взаимность), тем не менее соглашались, что есть такие сферы академической жизни, где такое партнёрство не только затруднительно, но и нежелательно. В качестве барьеров С. Бовилл отметила: сжатые сроки выполнения исследований, большая численность академических групп, сопротивление студентов, приученных к пассивному режиму обучения, предыдущий негативный опыт студентов, которым обещали партнёрские отношения, но не подтвердили их [19]. Э. Дженсен отмечает трудности привлечения в целом к научным проектам студентов определённых направлений подготовки, например, спортсменов [20]. Немаловажным фактором выступает и отсутствие достаточного и даже какого-либо финансирования (вознаграждения) студенческого вклада в научные проекты [21].

Изучение зарубежного опыта реализации концепции студентов как академических партнёров обусловлено необходимостью внедрения в российские вузы эффективных практик управления студенческой наукой, системой воспроизводства научных кадров, программ научного наставничества. Отечественные университеты испытывают острую потребность в молодёжи, в том числе студенческой, способной качественно решать серьёзные исследовательские задачи. Не случайно одним из приоритетных направлений деятельности научных фондов (Российского научного фонда, Совета по грантам Президента РФ, Сколково и др.), финансирующих вузовскую науку, является квотирование участия молодёжи в научных проектах и поддержка исключительно «молодёжных» грантов. Насколько студенты и научно-педагогические сотрудники вузов готовы к такой

партнёрской модели, что способствует и, напротив, препятствует её развитию, показывают результаты авторского эмпирического исследования.

Потенциал российского студенчества как партнёра «взрослой» вузовской науки. Проведённый опрос российских студентов показал, что в НИД вовлечено чуть более трети (36%) опрошенных. Причём из них лишь около 5% занимаются наукой на постоянной основе. Подготовка статей и тезисов является наиболее часто встречающейся формой участия студентов в НИД. Её отметило 59% респондентов, вовлечённых в НИД. Меньшее число студентов участвуют в проведении исследований (50%), выступают с их результатами на конференциях (41%), принимают участие в научных и творческих конкурсах (15%).

Анализ форм организации участия студентов в НИД выявил, что более половины (54,2%) тех студентов, кто отметил своё участие в ней, вовлекаются преподавателями в данный вид деятельности в рамках текущей учебной работы (табл. 1). Ещё каждый пятый (21,5%) приглашается преподавателями к участию на неформальной основе. Доля студентов, которые осуществляли научное исследование по собственной инициативе, более чем в 1,5 раза меньше, чем по инициативе преподавателя. По собственному желанию, на неформальной основе проводили научные исследования 29,2% студентов, участвующих в НИД, а по собственному желанию, но уже в рамках студенческого научного общества (клуба) — лишь 17%.

Таблица 1

*Формы организации участия студентов
в научно-исследовательской деятельности, %*

Формы организации участия	Доля от количества ответивших, n = 1101
По инициативе преподавателя в рамках текущей учебной деятельности (исследование в рамках курсовой работы, проекта)	54,2
По собственной инициативе на неформальной основе	29,2
В рамках проектного обучения	25,0
По инициативе преподавателя на неформальной основе	21,5
По собственной инициативе в рамках студенческого научного общества (клуба)	17,0
В рамках индивидуального или коллективного гранта	8,9

Примечание. Вопрос в инструментарии предусматривал возможность множественного выбора ответов.

Среди ответов студентов о формах организации их участия в НИД последнюю строчку занял вариант «в рамках индивидуального или коллективного гранта» (8,9%). На наш взгляд, это вполне предсказуемый

результат, поскольку получение гранта и участие в его реализации — это более высокий уровень студенческой науки, маркер глубокой вовлечённости студентов во «взрослую» науку. Даже если этот грант относится к категории студенческого, тем не менее в нём присутствуют все этапы и элементы «взрослой» науки.

Исходя из того факта, что именно в этой форме студенты могут выступать партнёрами «взрослых» учёных, дадим характеристику небольшой группе студентов, осуществляющих свою НИД в рамках грантовых проектов.

В первую очередь хотелось бы обратить внимание на социально-демографические характеристики данной группы. Абсолютное большинство (81,6%) студентов, участвующих в грантах, учится на бюджетной основе, причём чуть менее трети из них — только на отличные оценки, что на 10,6% больше, чем в целом по массиву. Несколько чаще о своём участии в грантах говорили молодые люди (55,1%), нежели девушки (44,9%). Кроме того, представители данной группы почти в 6 раз чаще, чем в целом по массиву, отмечали, что они работают в сфере науки (29,6% против 5,2%). Этот факт отчасти объясняет трехкратное превышение приоритета научной работы (исследовательских проектов) в структуре академической деятельности студентов данной группы по сравнению с массивом в целом (12,2% против 3,6%)¹. Высокий уровень включённости анализируемой группы студентов в научную деятельность проявляется и в том, что они более активно отслеживают в СМИ и интернете материалы о российских молодых учёных. Так, на вопрос о том, обращали ли они внимание за последние 6 месяцев на подобную информацию, две трети (67,3%) студентов, участвующих в грантах, ответили положительно, тогда как в целом по массиву таковых было на 13,5% меньше.

Анализ отношения студентов, участвующих в грантах, к науке и научному знанию показал, что они более критически оценивают некоторые последствия развития науки и научного знания при достаточно высокой позитивной оценке влияния науки на развитие общества. В частности, студенты, участвующие в грантах, в два раза чаще, чем в целом по массиву, соглашались с высказываниями о том, что научные открытия и изобретения приносят вред человечеству (32,7% против 16,7%), что наука — это источник деградации общества (25,3% против 11,1%). Полагаем, что это — позитивный момент, поскольку представители данной группы осознают не только позитивные эффекты, но и риски научных открытий и изобретений.

Важно отметить, что данная подгруппа студентов отличается от всех тех, кто занимается НИД, мотивацией своей включённости в неё. Эти студенты почти в 3 раза чаще отмечали, что они таким образом стремятся

¹ О том, что они отдают предпочтение учёбе, представители данной группы говорили на 11,6% реже, чем студенты в целом по массиву.

реализовать свои способности (49,0% против 15,3%), получить компетенции, необходимые для дальнейшей работы (41,8% против 12,9%) и учёбы, в том числе в магистратуре, аспирантуре (55,1% против 19,5%).

Студенты данной группы чётко понимают, что наукой можно зарабатывать. Данный вывод мы сделали на основании того, что студенты данной группы в 4,8 раза чаще говорили о таком мотиве их участия в НИД, как получение материального вознаграждения (стипендии, премии, гранта) (41,8% против 8,8%).

Мотивация студентов данной подгруппы заниматься НИД для приобретения необходимых компетенций для дальнейшей учёбы нашла отражение и в их ответах о планах на будущее. Они в 4,5 раза чаще, чем в целом по массиву, говорили о своих планах после окончания учёбы в вузе продолжить обучение в аспирантуре (25,5% против 5,6%) и в 2,4 раза чаще, чем в целом по массиву, отмечали желание пойти работать преподавателем или исследователем в университет, научный институт (22,4% против 9,5%).

Исследование показало, что студенты, участвующие в грантах, обладают более высоким уровнем сформированности когнитивного компонента научно-исследовательской культуры (подробнее о научно-исследовательской культуре студентов и её компонентах см.: [22]). Они чаще, чем в целом студенты по массиву, говорили о том, что самостоятельно, без каких-либо сложностей могут подготовить устное выступление на научном мероприятии (53,1% против 31,9%), научно-популярный текст для СМИ, социальной сети (40,8% против 23%), письменные тезисы доклада на конференцию (51,0% против 35,4%). Среди них гораздо меньше тех, кто никогда не занимался подготовкой статьи в научный журнал (7,1% против 45,2%). Более того, 44,9% представителей данной группы имеют научные публикации, тогда как в целом по массиву — только 20,3%.

Представители данной группы более активно включаются в разнообразные формы НИД. Они не только почти в 3 раза чаще, чем другие студенты, участвующие в НИД, проводили исследования (участвовали в них) (53,1% против 18,1%), писали статьи, тезисы (55,1% против 21,2%), выступали с результатами своего исследования (на конференции, научном баттле и др.) (44,9% против 14,8%), они в 6 раз чаще участвовали в конкурсах на лучшую НИР, творческий, технический проект (34,7% против 5,5%), были участниками организационного комитета конференции (30,6% против 4,5%) или модераторами на «круглом столе», секции (24,5% против 3,8%). Не удивительно, что студенты данной подгруппы в 3 раза чаще говорили о том, что они сталкивались с какими-либо проблемами в ходе осуществления НИД (68,4% против 22,6%).

Среди ключевых трудностей, с которыми сталкивались студенты данной группы в сравнении с другими студентами, занимающимися НИД,

следует выделить следующие: недостаток научно-исследовательских компетенций, опыта (32,7% против 11,8%), недостаточная осведомлённость в предметной области исследования (25,5% против 4,7%), отсутствие наставника, помогающего решать возникающие проблемы (24,5% против 5,2%), ограничение доступа к материально-технической базе (лабораториям, оборудованию, программному обеспечению и др.) (25,5% против 7,1%). Как видим, студенты данной подгруппы достаточно критично относятся к себе и рефлексиируют те проблемы, с которыми они сталкиваются.

На вопрос о том, кто помогает преодолевать возникающие трудности, почти 40,0% представителей данной группы отметили научного наставника, с которым они работают. Это в 3,5 раза больше, чем в целом по массиву. Ещё 36,7% обращаются за помощью к преподавателям (в целом по массиву таких было только 11,8%). Важно отметить, что научного наставника имеет только каждый третий студент данной группы. Однако и этот показатель в 2 раза выше, чем в целом по массиву.

В половине случаев научным наставником у студентов, участвующих в грантах, выступает один из преподавателей (51,1%). Взаимодействие в рамках учебной деятельности создаёт предпосылки совместной работы в научном направлении. Ещё у четверти представителей данной группы научным наставником выступает преподаватель, который у них не преподаёт (24,5%). Удивительно, но третье место среди научных наставников у представителей данной научной группы заняли родители (9,2%), тогда как в целом по массиву роль родителей как наставников незначительна (только 2,1%).

Проведённый анализ показал, что студенты, участвующие в грантах, обладают необходимыми характеристиками, позволяющими рассматривать их в качестве партнёров исследовательских проектов. Высокий уровень их мотивации и вовлечённости в научно-исследовательскую работу, желание самореализоваться в академической профессии в будущем демонстрируют потенциал их превращения во взрослых успешных учёных.

Барьеры реализации концепции студентов как партнёров научных проектов в российской действительности. Проведённые интервью с НПП и студентами, активными в НИД, позволили выделить три ключевых блока проблем, препятствующих реализации концепции студентов как партнёров «взрослой» науки. Это административные, экономические и социальные барьеры. Раскроем последовательно их содержание.

Административные барьеры связаны со сложностями оформления документов, подтверждающих участие студентов во «взрослых» проектах. Тот факт, что государственная политика в сфере высшего образования России сегодня «сверху» задаёт вектор на омоложение, отражается и на требованиях фондов к научным группам, подающим заявки на грант. В большинстве грантовых проектов выделена квота «под молодых». Этими

«молодыми» могут быть разные категории учёных: как работники университета до определённого возраста, так и студенты (в широком смысле этого слова — бакалавры, магистранты, аспиранты). В ходе исследования выяснилось, что «взрослым» учёным выгодней включать в гранты молодёжь, которая трудоустроена в вузе:

«Мы подаём заявки на грант и студентов «прописываем» в научные коллективы. Когда у нас грант выигрывается, то студенты устраиваются на работу (на должность лаборантов-исследователей) и принимают участие в работе над грантом. Это тот путь, который мы нашли. Но это то, чему научил меня мой научный руководитель. Мы всех устраиваем на научные должности» (жен., 46 л., д-р наук, стаж работы в вузе 23 года).

Такая практика позволяет избежать излишних бюрократических процедур, поскольку, как отметил один из наших информантов — руководитель грантового проекта, такие проблемы есть:

«У нас действительно чувствуется дефицит молодых кадров. В последнюю заявку мы включили студентку. Мы выиграли грант, но у нас нет лаборатории, в которую я бы могла её трудоустроить. Мне пришлось пройти все круги ада, дополнительно оформляя техническое задание для оформления на студентку договор ГПХ. Я потратила кучу времени и сил вместо того, чтобы заниматься реальным исследованием! После этого задумаешься: «А нужны ли тебе в гранте студенты?» Причём эта ситуация не единовременна, она повторяется каждый год с продлением гранта» (жен., 49 л., д-р наук, стаж работы в вузе 25 лет).

Среди экономических проблем ключевой выступает неконкурентоспособность доходов студентов от науки по сравнению с другими видами их трудовой деятельности. Практически каждый из информантов отмечал, что в выборе «наука vs работа» побеждает «работа». НПР, в связи с этим, отмечали в своих интервью:

«...У студентов есть меркантильность тоже, потому что в начале, даже если хорошая научная группа, хороший грант, то выплаты, конечно, есть. Но понятно, что в начале научного пути ты получаешь не очень много... Поскольку наши студенты в основной своей массе уходят работать в самое разнообразное ИТ, а выплаты за счёт грантов незначительны, то они отдают приоритет работе, нежели включению в науку» (жен., 46 л., канд. физ.-мат. наук, стаж работы в вузе 20 лет).

Со схожей ситуацией сталкиваются НПР во всех сферах науки — и «естественники», и «технари», и представители социогуманитарной мысли:

«...это касается не только ИТ-сферы, но и социологии в том числе. Аналитик в крупной компании, социолог в социологической фирме может заработать гораздо больше и сталкивается с меньшими сложностями своего трудового графика, чем учёный и преподаватель в университете» (жен., 43 г., канд. наук, стаж работы в вузе 21 год).

Большая часть проблем была отнесена нами к социальным барьерам, связанным с представлениями студентов о науке и научной деятельности в целом. Эти проблемы также обусловлены социальными и социально-психологическими характеристиками студентов. Базовыми проблемами данного блока выступают мотивация студентов к участию в НИД и наличие у них необходимых для этого ресурсов.

Нередко НПП отмечали, что формальные требования включения молодёжи в грантовые проекты приводят к тому, что в них вовлекается немотивированная молодёжь, которая числится, но ничего особо делать не хочет. Один из наших информантов отметил:

«Меня иногда смущают, честно говорю, без прикрас всяких, «подснежники». Например, я пишу заявку, мне говорят: вот нужно такого магистранта записать, вот такого аспиранта записать. Кто они? Будут они с тобой работать или не будут? Или это просто для того, чтобы вот исполнить эту процентовочку, да, соотношение? Вот это немножко напрягает... И вообще, расстраивает доминирующая среди студентов мотивация такой утилитарной направленности. Им надо что-то от этого получить. И тот будущий результат в качестве статьи, он для них важен с той точки зрения, будет ли у них более высокая стипендия, смогут ли они перейти с внебюджета на бюджетную форму обучения...» (жен., 63 г., д-р наук, стаж работы в вузе 38 лет).

Однако, как отмечали сами информанты, они стараются привлекать в серьёзные проекты студентов, имеющих устойчивую мотивацию к научной деятельности. В этом смысле образцово-показательным выглядит высказывание одного из информантов-студентов о том, что его мотивирует принимать участие в НИД:

«Ну, я бы выделила две основные причины. Первая, основная причина — это абсолютно субъективная убеждённость в том, что наука — это самая сложная и достойная деятельность, которой может заниматься человек. И если у меня есть возможность приобщиться к этому, я рада. Есть ещё вторая причина, она вторична. Это научное сообщество. Среди людей, занимающихся наукой, можно встретить интереснейших людей, собеседников, единомышленников. А это даёт возможность быть понятой. И для меня это крайне важно. Что бы я ни говорила, да и в математике, и за её пределами это ценность для меня...» (жен., 1-й курс магистратуры, естеств.-науч. специальность).

Второй проблемой данного блока выступает ресурсность студентов в широком смысле этого слова. И НПП, с одной стороны, и сами студенты — с другой, отмечали дефицит у студентов разного рода ресурсов. Во-первых, это ограниченный объём у студентов профессиональных и общекультурных компетенций. Например, один из информантов отметил, что ему было

трудно читать научные тексты, *«потому что научная литература — это не художественная. Она написана на другом языке, на более специфическом языке... мне понадобилось время, чтобы привыкнуть к этому»* (жен., 4-й курс бакалавриата, соц.-экон. специальность).

Другой информант, анализируя свой опыт, отметил:

«Теперь я знаю, как делать не надо! Не надо за полтора часа на задней парте готовить себе речь для выступления на конференции. Нужно всё равно заранее хотя бы раза три всё прочитать, проговорить, ну и, конечно, на самом деле я очень боюсь публичных выступлений...» (муж. 2-й курс магистратуры, техн. специальность).

Часть студентов готовы работать над развитием необходимых компетенций: одни, полагая, что студенты на то и студенты, чтоб учиться, а другие — потому что имеют высокий уровень мотивации для освоения необходимых новых умений и навыков. Однако часть НПР готова работать только с успешными студентами. И это понятно: не нужно тратить своё время и силы для «доведения» студента до нужного уровня. Высказывание одного из наших информантов свидетельствует о существовании данной позиции в научной среде:

«Я пытаюсь выбирать хороших студентов, потому что задачи сложные. И чем лучше студент, тем больше шансов, что он её решит... Кого я считаю лучшим? Как я выбираю? Я веду занятия у студентов. И видно, какие студенты ходят на занятия, какие не ходят. Какие студенты решают и хорошо сдают твой предмет, а кто этого не делает. И тут сразу появляется понимание, кто такой хороший студент. Хороший студент — который справляется с большим объёмом знаний и относится ко всему ответственно. И через месяц уже видно, что вот этот студент хороший, он может войти в нашу команду. Иногда я сама подхожу к ним и говорю: «Хотите? Могу предложить работать со мной». Иногда они сами приходят. Но тут тоже: в зависимости от того, я знаю их или не знаю, либо отказываю, либо не отказываю. Ну вот, в общем, таким образом, частью сами приходят, часть я сама выбираю и предлагаю...» (жен., 46 г., д-р физ.-мат. наук, стаж работы в вузе 23 года).

Полагаем, недостатком данной позиции выступает ограничение возможностей менее успешных, но мотивированных студентов, включиться в серьёзные научные проекты. Тем более, как показало наше исследование, бывают случаи, когда студенты попадают во взрослые проекты практически случайно, но потом глубоко вовлекаются в них:

«Мне предложили участвовать в гранте. Я согласилась. И мне ещё сказали, что заплатят деньги. Каким образом я оказалась в науке? Впервые, я пошла за человеком и, во-вторых, мне пообещали денег. Не потому, что я инициативничала или решила что-то изменить в этом мире. Я была в ужасной депрессии, чувствовала себя абсолютно лишней.

Я уже была относительно возрастной, мне было за 30. Перемены тяжело воспринимались... Окунувшись вот в эту всю штуку, сейчас я понимаю, сколько различных возможностей есть у молодых учёных. Самое главное, что нужно — это поддержка. Был бы наставник, который не то что «можешь — не можешь, но делай», а который бы сказал: «Я тебе помогу, мы с тобой вместе сделаем». Это нереально! Это просто взрывает мозг!» (жен., 3-й курс аспирантуры, техн. специальность).

Ещё одна проблема, препятствующая развитию концепции студентов как партнёров, состоит в коммуникативных трудностях. И для молодёжи, и для «взрослых» учёных (в силу возрастных и поколенческих особенностей каждой общности) бывает сложно создать и поддерживать конструктивные взаимодействия. Один из наших информантов из НПР отметил, что причиной некачественной работы студентов в грантовых проектах выступает как раз неумение молодых людей вступать в коммуникации:

«У них [студентов] вообще с разговорами плохо и с выражениями своих мыслей. И чем дальше поколение, тем хуже. Боязнь, что вот вертикаль, наверно... На самом деле не то чтобы боязнь... В какой-то момент в хороших отношениях тебе становится стыдно, что ты ничего не делаешь, страшно. И как бы это перевешивает то, что надо наконец-то просто сходить и рассказать, что у тебя не получается. Вместо этого ты начинаешь как бы прятаться и уходить от этого» (жен., 41 г., канд. наук, стаж работы в вузе 18 лет).

Значение характера и особенностей коммуникаций с научными наставниками отмечали и студенты. Чётко прослеживается тренд: открытое, взаимоуважительное общение способствует формированию крепких межличностных и социальных связей между молодыми и «взрослыми» учёными:

«Мы с моим научным наставником на дружеской волне. Но так не всегда и не у всех бывает. Нет, не всегда. Скорее всего, у нас так, потому что есть очень много общего, есть общие взгляды на мир, есть какая-то общая человеческая волна, когда ты к человеку относишься как к человеку, а не как к ресурсу или как к функции. И на этом фоне, я думаю, вот это всё и зародилось» (муж., 2-й курс магистратуры, техн. специальность).

И наоборот, отрешённость, статусная и информационная закрытость «взрослых» учёных приводят к нежеланию молодёжи взаимодействовать со своими научными наставниками (или научными руководителями):

«Очень чувствуется, когда на тебя смотрят как на равного или когда на тебя наставник или руководитель смотрит сверху вниз. Это очень много значит. Я всегда своего руководителя даже боюсь, потому что все его заслуги, достижения меркнут, когда он смотрит на тебя и говорит: «У вас проблемы с русским языком»» (жен., 2-й курс магистратуры, соц.-эконом. специальность).

С проблемами коммуникаций «взрослых» учёных и молодёжи тесно связан ещё один момент, который может отпугнуть талантливую и мотивированную молодёжь от науки, — это злоупотребление «взрослыми» учёными своим «служебным положением». Действительно, в науке много рутины, которая не требует работы высококвалифицированных специалистов, кандидатов или докторов наук. Эту работу может выполнить студент. Воспроизводя модель «мастер и подмастерье», научные наставники-руководители возлагают на молодых исследователей всю рутинную, нетворческую работу:

«Ну, будем банальны. Во-первых, студенты — это рабочие руки. Честно скажу, у меня нет суперглобальных идей о том, чтобы вовлечь в науку всех. Первоначально они всё-таки, честно, рабочие руки, чтобы часть задач, которые ты понимаешь, как делать, но у тебя не хватает времени, переложить на них. Ты понимаешь, что лучше сейчас некоторое время потратить на объяснение, а потом человек просто это начинает делать. Например, какую-то формулу пересчитать, проверить там что-то, в какой-то код посмотреть и так далее...» (муж., 51 г., канд. наук, стаж работы в вузе 23 года).

Однако в некоторых случаях «взрослые» учёные используют труд подопечных студентов, начиная с бакалавров и заканчивая аспирантами, сверх меры. Высказывание одного из наших информантов — яркое тому доказательство:

«Мне просто могли в ночь написать, что завтра пара — выходи! Или, например, в 12 ночи она [научный руководитель] могла позвонить и сказать: «Завтра в 9 утра нужна статья!». Ты сидишь и ночь пишешь, и у тебя нет варианта не написать, потому что она... ну, такой мстительный человек, то есть изначально. Я с ней проблем не хотела, моя работоспособность позволяла. Но это было вот прям как-то некорректно...» (жен., 3-й курс аспирантуры, соц.-эконом. специальность).

Последней проблемой данного блока, на которой хотелось бы остановиться, выступает сохраняющееся в молодёжной среде стереотипное представление о том, что наука — это не интересно, что ею занимаются только «ботаники» и вообще наука — это не прибыльное дело. Наши информанты отмечали, что они постоянно сталкиваются с такой позицией студентов, однако те, кто все-таки решается попробовать силы, убеждаются в обратном:

«Стереотипы. Куда они делись? Они же никуда не делись: что наукой невозможно зарабатывать. Студенты очень удивляются, что я деньги зарабатываю наукой. У меня есть свои гранты, и вообще, там, и поездки, и всё остальное. И они [студенты] когда начинают участвовать, ощущают все эти блага на себе» (жен., 41 г., канд. наук, стаж работы в вузе 18 лет).

Заключение

Результаты проведённого исследования подтвердили в целом положительные эффекты вовлечения в научные проекты учащихся российских вузов на основе принципов концепции студентов как академических партнёров. Очевидно, что она способствует формированию у студентов устойчивого интереса к науке и академической профессии, удовлетворённости отношениями в академической среде, установки на межпоколенческий диалог с поколениями «взрослых» учёных.

Одна из институционализированных форм вовлечения студентов во «взрослую» науку на основе принципов партнёрства — гранты, реализуемые с условием обязательного привлечения молодёжи. С какими бы трудностями (включая административные и социальные) такие проекты не сталкивались, тем не менее они создают и формальную, и неформальную основу для превращения студентов в равноправных участников «научного производства». Результаты нашего исследования показывают, что та небольшая часть студентов, которые вовлечены в НИД посредством грантов, действительно становится ресурсом вузовской науки. Они быстрее и глубже осваивают научно-исследовательскую культуру, продуктивнее проходят процесс социализации в академической среде. Отметим только, что в рамках данной статьи не обсуждается вопрос о том, достаточно ли в количественном плане этой части студенческого сообщества для воспроизводства научно-педагогических кадров.

В то же время в проведённом исследовании с очевидностью проявились и барьеры, препятствующие реализации в полной мере концепции студентов как партнёров вуза в условиях российской действительности. Среди них — административные, которые усложняют не столько научную работу студентов, сколько научно-организационную работу научных руководителей и наставников. Барьером также служат и не всегда удовлетворительные материально-экономические условия вузовской науки, делающие её малопривлекательной для большинства студентов как на этапе обучения в вузе, так и в будущем. И, конечно, большие проблемы возникают в связи с социальными и социально-психологическими особенностями отношений между научными наставниками и студентами, проявляющимися в иерархичности модели взаимодействия, коммуникативных сбоях, наличии взаимных потребительских установок.

Для снижения части названных барьеров требуется активная долгосрочная государственная политика. В частности, речь идёт о повышении доходов и статуса научного работника. На организационном уровне требуются усилия по снижению административных барьеров, в том числе — разработка упрощённых механизмов вовлечения студентов в гранты.

Материальное и нематериальное стимулирование работы НПП в качестве научных наставников также выступает предметом деятельности университетского управления.

Однако часть выявленных проблем лежит в поле деятельности самих «взрослых» учёных и студентов. Полагаем, развитие институциональных и внеинституциональных практик научного наставничества будет способствовать формированию и развитию исследовательских компетенций студентов, выстраиванию конструктивных взаимодействий между ними. Таким образом будут сниматься социальные барьеры (среди них — недостаток научно-исследовательской культуры студентов). Развитию культуры научного наставничества как важнейшей формы взаимодействия в академической среде может способствовать и создание общероссийского портала научных наставников и наставляемых, важнейшими функциями которого будут продвижение идей научного менторства, обмен опытом, информирование о научных исследованиях, конкурсах, конференциях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. What we talk about when we talk about Students as Partners / A. Cook-Sather, K. E. Matthews, A. Ntem, S. Leathwick // *International Journal for Students As Partners*. 2018. Vol. 2. № 2. P. 1–9. DOI [10.15173/ijsap.v2i2.3790](https://doi.org/10.15173/ijsap.v2i2.3790).
2. Toward theories of partnership praxis: an analysis of interpretive framing in literature on students as partners in teaching and learning / K. E. Matthews, A. Cook-Sather, A. Acai [et al.] // *Higher Education Research & Development*. 2018. Vol. 38, № 2. P. 280–293. DOI [10.1080/07294360.2018.1530199](https://doi.org/10.1080/07294360.2018.1530199).
3. Working as Partners: Course Development by a Student-Teacher Team / Ch. Bengtson, M. Ahlkvist, W. Ekeröth [et al.] // *International Journal for the Scholarship of Teaching and Learning*. 2017. Vol. 11, № 2. Article 6. DOI [10.20429/ijsothl.2017.110206](https://doi.org/10.20429/ijsothl.2017.110206).
4. McCulloch A. The student as co-producer: Learning from public administration about the student-university relationship // *Studies in Higher Education*. 2009. Vol. 34, № 2. P. 171–183. DOI [10.1080/03075070802562857](https://doi.org/10.1080/03075070802562857).
5. Students as partners in collaborative course design and educational research / C. Hanna-Benson, Kroeze S., R. Gandhi, T. Haffie, L. M. Wahl // *International Journal for Students as Partners*. 2020. Vol. 4, № 2. P. 61–80. DOI [10.15173/ijsap.v4i2.4237](https://doi.org/10.15173/ijsap.v4i2.4237).
6. Involving students as partners in a course redesign / A. S. N. Kim, B. Jennings, E. Tolomei, Ch. Schiafone, L. Dafoe // *Imagining SoTL*. 2022. Vol. 2, № 2. P. 36–51. DOI [10.29173/isotl611](https://doi.org/10.29173/isotl611). EDN [RFGWAB](https://www.edn.net/RFGWAB).
7. Cook-Sather A., Bovill C., Felten P. *Engaging students as partners in learning and teaching: A guide for faculty*. San Francisco, CA : John Wiley & Sons, 2014. 304 p. ISBN 978-1-118-43458-1.
8. Healey M., Flint A., Harrington K. *Engagement through partnership: students as partners in learning and teaching in higher education*. York, UK : Higher Education Academy, 2014. 77 p.

9. *Jensen K. S. H., Bagnall D.* Student Teaching and Learning Consultants: developing conversations about teaching and learning // *The Journal of Educational Innovation, Partnership and Change*. 2015. № 1. P. 1–8. DOI [10.21100/jeipc.v1i1.167](https://doi.org/10.21100/jeipc.v1i1.167).
10. Research-based implementation of peer instruction: A literature review / T. Vickrey, K. Rosploch, R. Rahmanian [et al.] // *CBE Life Sciences Education*. 2015. Vol. 14, № 1. P. 1–11. DOI [10.1187/cbe.14-11-0198](https://doi.org/10.1187/cbe.14-11-0198).
11. *Gilley B., Clarkston B.* Collaborative testing: Evidence of learning in a controlled in-class study of undergraduate students // *Journal of College Science Teaching*. 2014. Vol. 43, № 3. P. 83–91. DOI [10.2505/4/jcst14_043_03_83](https://doi.org/10.2505/4/jcst14_043_03_83).
12. *Kay A. E., Hardy J., Galloway R. K.* Student use of PeerWise: A multi-institutional, multidisciplinary evaluation // *British Journal of Educational Technology*. 2019. Vol. 51, №1. P. 23–35. DOI [10.1111/bjet.12754](https://doi.org/10.1111/bjet.12754).
13. *Irvin R. A.* The student philanthropists: Fostering civic engagement through grantmaking // *Journal of Public Affairs Education*. 2005. Vol. 11, № 4. P. 315–324. DOI [10.1080/15236803.2005.12001405](https://doi.org/10.1080/15236803.2005.12001405).
14. *Olberding J. C., Ng D., Neikirk M. A.* Student Philanthropy: A Handbook for College and University Faculty. Highland Heights, Ky. : Scripps Howard Center for Civic Engagement at Northern Kentucky University, 2010.
15. Драйверы массового вовлечения участников в академический фандрайзинг / М. В. Булыгина, В. Л. Гойко [и др.] // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023. № 61. С. 178–197. DOI [10.17223/19988648/61/12](https://doi.org/10.17223/19988648/61/12). EDN [TTYPLF](https://www.edn.ru/typlf). [Bulygina M. V., Goiko V. L., Myagkov M. G., Lozhnikova A. V., Mundrievskaya Yu. O., Aleksandrova Yu. K., Mishchenko E. S. Drivers of mass involvement of participants in academic fundraising. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika=Tomsk State University Journal of Economics*. 2023;(61):178–197. (In Russ.). DOI [10.17223/19988648/61/12](https://doi.org/10.17223/19988648/61/12)].
16. Стратегии и практики вовлечения выпускников вузов и массовых жертвователей в деятельность эндаументов: Исследование Центра прикладного анализа больших данных и Центра знаний по целевым капиталам ТГУ / В. Л. Гойко, М. Г. Мягков, Ю. О. Мундриевская [и др.]. Томск : Изд-во ТГУ, 2022. 176 с. ISBN 978-5-907442-84-9. [Goiko V. L., Myagkov M. G., Mundrievskaya Yu. O., Aleksandrova Yu. K., Bulygina M. V., Mishchenko E. S., Ustyuzhantseva O. V. (Strategies and practices for involving university graduates and mass donors in the activities of endowments: A study by the Center for Applied Big Data Analysis and the TSU Knowledge Center for Target Capital TSU. Tomsk: Izd-vo TGU; 2022. 176 p. (In Russ.). ISBN 978-5-907442-84-9].
17. Student staff partnership to create an interdisciplinary science skills course in a research intensive university / Ch. Woolmer, P. Sneddon, G. B. Curry, K. Wallace // *International Journal for Academic Development*. 2015. Vol. 21, № 1. P. 1–12. DOI [10.1080/1360144X.2015.1113969](https://doi.org/10.1080/1360144X.2015.1113969).
18. Turning the tables: Involving undergrads as researchers in SoTL / C. Popovic, A. Kim, S. Saleh, L. Farrugia // *Imagining SoTL*. 2021. № 1. P. 99–115. DOI [10.29173/isotl531](https://doi.org/10.29173/isotl531).
19. *Bovill C.* A framework to explore roles within student-staff partnerships in higher education: Which students are partners, when, and in what ways? // *International Journal for Students as Partners*. 2017. Vol. 1, № 1. P. 1–5. DOI [10.15173/ijsap.v1i1.3062](https://doi.org/10.15173/ijsap.v1i1.3062).
20. Engaging undergraduate student-athletes in research and publication opportunities / E. Jensen, D. Yordanova, L. Denhard [et al.] // *The Sport Journal*. 2022. URL: <https://clck.ru/37pcmR> (дата обращения: 30.12.2023).

21. Mentoring undergraduate research in statistics: Reaping the benefits and overcoming the barriers / J. Nolan, K. S. McConville, V. Addona [et al.] // Journal of Statistics Education. 2020. № 28 (2). P. 140–153. DOI [10.1080/10691898.2020.1756542](https://doi.org/10.1080/10691898.2020.1756542).
22. Научно-исследовательская культура студентов российских университетов / П. А. Амбарова, Н. В. Шаброва, Е. В. Кеммет, А. Н. Михайлова // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 7. С. 96–116. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116). EDN [JQIVUL](https://edn.ru/JQIVUL). [Ambarova P. A., Shabrova N. V., Kemmet E. V., Mikhailova A. N. Research culture of Russian university students. *Vysshee obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*. 2023;32(7):96–116. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116)].

Сведения об авторах

П. А. Амбарова

доктор социологических наук, доцент,
профессор

SPIN-код: [1351-6671](https://orcid.org/0000-0003-3613-4003)

Н. В. Шаброва

доктор социологических наук, доцент
доцент

SPIN-код: [9074-1730](https://orcid.org/0000-0002-5694-1040)

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 02.06.2024; принята к публикации 10.06.2024.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2024.12.3.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.3.3)

STUDENTS AS PARTNERS OF RESEARCH PROJECTS IN RUSSIAN UNIVERSITIES: OPPORTUNITIES AND BARRIERS

Polina Anatolyevna Ambarova¹

Nina Vasilyevna Shabrova²

^{1, 2} Ural Federal University named after the first
president of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

¹ p.a.ambarova@urfu.ru,

ORCID [0000-0003-3613-4003](https://orcid.org/0000-0003-3613-4003)

² n.v.shabrova@urfu.ru,

ORCID [0000-0002-5694-1040](https://orcid.org/0000-0002-5694-1040)

For citation: Ambarova P. A., Shabrova N. V. Students as partners of research projects in Russian universities: opportunities and barriers. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(3):56–75. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.3.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.3.3).

Abstract. The article shows the potential and barriers to the realization of the conception, treating students as partners in research projects of universities. The foreign experience of implementing this conception in various spheres of academic life is presented. The positive effects and limitations of the conception of students as partners in research are summarized. Based on the results of the empirical study «Scientific mentoring in Russian universities: institutional models, professional roles, everyday practices», the prerequisites and barriers to the implementation of this concept in Russian universities are identified. The administrative, economic and social barriers caused by both the institutional and organizational conditions for the implementation of university science and the peculiarities of the established model of relationships in the academic environment between different generations of researchers are revealed. The positive impact of student involvement in grant projects is shown. It is proved that this form of interaction between “adults” and young researchers creates prerequisites for the implementation of the principles of the concept of students as university partners.

Keywords: students, students researches, scientific mentors, scientific mentoring, students as partners

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01291, <https://rscf.ru/project/23-28-01291/>.

Information about the Authors

P. A. Ambarova

Doctor of Sociology,

Professor,

ResearcherID: **R-6839-2016**

Scopus AuthorID: **56766006000**

N. V. Shabrova

Doctor of Sociology,

Associate Professor,

ResearcherID: **C-1970-2017**

Scopus AuthorID: **57207952601**

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 22.04.2024; approved after reviewing 02.06.2024; accepted for publication 10.06.2024.

УДК 316.4

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.4

EDN: CRUYYN

Научная статья

ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ФЕНОМЕНА РАДИКАЛИЗАЦИИ: НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Анна Юрьевна Карпова¹

Алексей Олегович Савельев²

^{1, 2} Национальный исследовательский
Томский политехнический университет,

Томск, Россия,

¹ belts@tpu.ru,

ORCID 0000-0001-7854-1438

² sava@tpu.ru,

ORCID 0000-0002-7466-6142

Для цитирования: Карпова А. Ю., Савельев А. О. Тенденции динамики развития исследований феномена радикализации: наукометрический анализ // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 76–107. DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.4. EDN CRUYYN.

Аннотация. Актуальность выбора объекта анализа связана с тем, что попытки объяснить «кто, как и почему приходит к терроризму» в начале XXI века привели к возникновению исследовательской гипотезы о том, что предиктором терроризма является радикализация. С этого момента началось формирование направления исследований феномена радикализации в зарубежной науке, динамичное развитие которого сложилось в междисциплинарную исследовательскую область во втором десятилетии XXI века. В статье представлены результаты наукометрического анализа современного состояния исследований радикализации в российском и зарубежном научно-исследовательском поле, обозначены тенденции и направления, очерчены возможности и ограничения его развития в России. Выбор 2014–2023 гг. в качестве временного периода для анализа определяется как научной продуктивностью исследований радикализации в зарубежной науке в те годы, так и тем, что в России исследования радикализации появились только в этот период. По результатам количественного и качественного анализа российских и зарубежных публикаций в статье обозначены специфические характеристики современного состояния исследовательской области. Ключевой вывод заключается в том, что в изучении радикализации российские исследователи отстают как минимум на десятилетие от зарубежных, также были обозначены причины отставания и возможности развития научного направления в отечественной науке.

Ключевые слова: научное направление, радикализация, экстремизм, терроризм, молодёжь, медиа, интернет, социальные сети, наукометрический анализ, интеллектуальный анализ данных

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках госзадания «Наука», проект FSWW-2024-0023.

Введение

Радикализацию как социальный феномен учёные начали изучать сравнительно недавно, исследования актуализировались в начале этого столетия. Всплеск интереса к радикализации возник после 11 сентября 2001 г. Террористические акты 9/11 вызвали академический ажиотаж — волну научных публикаций с поиском ответов на ключевой вопрос «кто, как и почему приходит к терроризму?». Именно в это время в академических исследованиях терроризма возникает гипотеза о радикализации как предикторе терроризма. Радикализацию рассматривают как процесс, в ходе которого человек вовлекается в политическое насилие и терроризм, который становится конечной точкой в этом процессе. Первоначально понятие радикализации использовалось как «политическая конструкция в антитеррористической политике ЕС, поскольку зародилась в полицейских и разведывательных кругах после терактов 11 сентября и отражена во внутренних антитеррористических документах ЕС» [1, с. 5]. В научных исследованиях терроризма изучение радикализации с этого момента и по настоящее время займёт центральное место, прочно закрепившись «в сердце» глобальной борьбы с терроризмом. Дискуссии о радикализации в академическом сообществе продолжались всё первое десятилетие. Одни учёные видели радикализацию как чисто умозрительную, ускользающую от понимания смысла конструкцию, не имеющую перспективы. Некоторые учёные считали радикализацию мифом — искусственно сконструированным объяснением реальности. Другие считали радикализацию «Святым Граалем в борьбе с терроризмом» [1, с. 3] и прогнозировали значительное расширение горизонта возможностей в понимании того, кто, как и почему приходит к терроризму. Только к концу второго десятилетия нашего века вопрос о существовании радикализации как самостоятельного феномена был снят с повестки, существенное значение приобрела проблема теоретико-методологической проработки радикализации в более широком контексте, не ограничиваясь изучением только насильственного экстремизма и терроризма. Это было связано с тем, что к тому времени в научно-исследовательском сообществе сложилось два противоположных подхода: релятивистский (отрицающий идею о том, что радикализация вызывает терроризм) и контекстуальный, или метаподход (радикализацию необходимо изучать в широком контексте насильственных случаев, не ограничиваясь только изучением насильственного экстремизма и терроризма) [2–4].

Во втором десятилетии XXI века в изучении радикализации выделилось отдельное направление — исследования онлайн-радикализации. В онлайн-среде процесс радикализации приобретает такие черты, как стремительность, всеохватность, вездесущность, а использование социальных медиа для распространения, продвижения идеологии терроризма и насильственного экстремизма среди пользователей резко возросло. Сложность исследования онлайн-радикализации заключается в том, что изучение процесса в цифровой среде возможно только в междисциплинарном взаимодействии специалистов в предметной области исследований, специалистов Data Science и специалистов, создающих программный продукт под конкретные исследовательские задачи. Фактически к концу второго десятилетия появились междисциплинарные исследования, в которых стали применяться методологии различных дисциплин, позволяющие автоматизировать наиболее трудоёмкие процессы сбора, анализа и обработки данных.

На протяжении всего периода изучения феномена радикализации (с начала XXI века) учёные ищут ответы на два исследовательских вопроса: 1) кто восприимчив к принятию насильственных убеждений как способа достижения цели и 2) как протекает процесс радикализации? Авторы полагают, что в данном контексте существенное значение имеют три проблемы: социальная, управленческая и научная. Социальная проблема заключается в том, что терроризм как глобальная проблема безопасности имеет негативные экономические, политические, социальные последствия, вызывает индивидуальные психологические травмы и моральную панику в обществе. Но решить проблему терроризма за почти 150 лет её изучения не удалось. Это связано как с теоретико-методологическими трудностями изучения терроризма, так и с несоответствием между результатами исследований и управленческими решениями в области выявления, предупреждения, противодействия терроризму. Решение управленческих проблем в области противодействия терроризму и его профилактики, по мнению экспертов, имеет два уровня: стратегический и тактический. В каждом из них для выработки и принятия эффективных управленческих решений критически важно своевременное выявление и диагностирование угрозы терроризма. Радикализация рассматривается исследователями, заложившими фундамент концепции радикализации, как предиктор терроризма, следовательно, предупреждение террористических инцидентов связано с эффективной диагностикой и прогнозированием этапов процесса, в котором конечной точкой становится терроризм. Разделяя эту точку зрения, считаем, что ключевой научной проблемой в области исследования радикализации является получение новых знаний о механизмах радикализации. Решение научной проблемы неразрывно связано с задачей опе-

рационализации понятия «радикализация», и комплексом теоретических и методологических задач.

Проблемой, вклад в разрешение которой вносит исследование авторов данной статьи, является то, что российские исследователи мало знакомы с самой концепцией радикализации, тенденциями и направлениями изучения этого феномена. Зарубежные коллеги активно применяют наукометрический анализ к изучению динамики развития научных направлений, в частности, к исследованиям радикализации для прогнозирования тенденций в данной области. Цель статьи — наукометрический анализ современного состояния исследований радикализации в российском и зарубежном научно-исследовательском поле, выявление тенденций и динамики развития исследований радикализации, возможностей и ограничений развития научного направления в России.

Подходы к изучению проблематики радикализации

Общепринятого определения радикализации пока не сложилось, сам процесс радикализации не укладывается в рамки изучения какой-либо одной академической области и не имеет конвенциональной теории или концепции [5]. Множество монокаузальных объяснений радикализации, неопределённость и даже двусмысленность в определениях на начальном этапе изучения позволяют нам условно разделить исследователей первого десятилетия XXI века на три «лагеря»: 1) одни понимают под радикализацией процесс, в ходе которого субъект становится предрасположенным к применению идейно-мотивированного насилия (терроризм, насильственный экстремизм); 2) другие рассматривают радикализацию как процесс, в ходе которого субъект принимает радикальную или экстремистскую идеологию (насильственные и ненасильственные формы экстремизма); 3) третьи считают, что радикализацию надо рассматривать как двухуровневый предиктор: на одном уровне под воздействием комплекса факторов конечной точкой процесса является терроризм, на другом уровне конечной точкой не являются насильственные действия, процесс завершается ненасильственным выражением мнений и ненасильственными действиями.

В качестве примеров этих позиций приведём варианты определений понятия радикализации: «процесс вовлечения в терроризм или участия в экстремистских действиях» [6], «процесс формирования экстремальных убеждений или совершения экстремальных действий» [7], «процесс эскалации от ненасильственных мнений к насильственным действиям, в котором происходит трансформация в убеждениях, установках, и поведении в сторону экстремизма, требующего насилия и самопожертвования» [2],

«радикализация относится к экстремизму так же, как скорость связана с позицией, т. е. радикализация — это (положительное) изменение степени экстремизма, выраженного отдельным лицом или группой» [8], радикализация как процесс принятия экстремальных убеждений, в котором фокус «на террористическом поведении как конечной точке в процессе пути» [9], «активная радикализация — это процесс, в ходе которого отдельные люди или группы становятся идеологически приверженными насилию, т. е. начинают исповедовать систему убеждений, которая узаконивает или даже требует насильственных действий против оппонента» [10]. Алекс Шмид, признанный авторитетным учёным в изучении терроризма, подчёркивал «многослойность» понимания радикализации и акцентировал внимание на том, что и в определении терроризма существует многослойность, а для достижения консенсуса в академическом определении терроризма потребовалось более ста лет [11]. Академический консенсус и практика обращения исследователей в международных научных публикациях к определению терроризма Шмида и Джонгмана сложились после опубликования совместной статьи в 1988 году. Расширенная версия статьи была опубликована Шмидом в 2011 году, в ней терроризм определяется как «предумышленные, демонстративные, прямые насильственные действия без юридических или моральных ограничений, направленные главным образом против гражданских лиц и некомбатантов, совершаемые с целью пропагандистского и психологического воздействия на различные аудитории и стороны конфликта» [12, с. 86–87]. Следует отметить, что юридические определения терроризма различаются в разных странах, это связано со спецификой законодательства и правоприменительной практикой, в том числе существуют различия в определениях терроризма, закреплённые в международных правовых документах.

В многослойных определениях радикализации связующим является целостное понимание радикализации как процесса перехода от нерадикальных форм к радикальным. Причём рассматриваются различные варианты форм в качестве оснований нерадикального (ненасильственные формы выражения мнений, идей, поведения, действий) и радикального (радикальные идеи, мнения, насильственные формы поведения и действий). Существенным аспектом процесса перехода от нерадикальных форм к радикальным является принятие насилия как способа достижения цели, которая может быть политической, религиозной, идеологической и даже личной.

Концепция радикализации как предиктора терроризма не лишена проблем с точки зрения масштабов понимания самого процесса на микро-, мезо- и макроуровнях, соответственно, и понимания того, кто в этом процессе играет доминирующую роль: индивиды или группы. Некото-

рые учёные полагают, что пути к экстремизму или насилию настолько индивидуальны, что поиск причинных факторов радикализации если не контрпродуктивен, то, по крайней мере, не эффективен. Другие учёные утверждают, что люди вовлекаются в процесс радикализации благодаря социальным связям, дружбе и/или родственным связям.

Первопричина насильственной радикализации, приводящей к терроризму, является предметом дискуссий, мнения разделяются между двумя доминирующими теориями. Первая — теория «роя» (swarm theory, self-radicalization [13]), согласно которой радикализация людей происходит свободно в социальных сетях в результате саморадикализации, процесс организуется «сверху вниз». Вторая — теория «рыбаков» (fishermen theory [14–15]), согласно которой террористические сети приводят к насильственной радикализации и, как следствие, к терроризму, процесс организуется «снизу-вверх», т. е. происходит в небольших социальных группах как «побочный продукт» самоорганизации людей [14]. Этот процесс ещё получил метафорическое название «джихад без лидера», потому что происходит свободный процесс, т. е. акторы приспосабливаются к внутренним условиям без организации «сверху вниз». Большинство гипотез и концепций насильственной радикализации опираются на одну из этих теорий, потому что дебаты представляют собой классический социологический разрыв «между структурой и агентностью, или важностью организаций в противовес индивидуальной социализации» [14, с. 179]. Можно сказать, что механизмы радикализации являются скорее эмерджентными свойствами процесса. В результате дебатов между приверженцами «роя» и «рыбаков» появилась новая гипотеза заражения терроризмом (the terror contagion hypothesis) [16]. Суть гипотезы заключается в том, что насильственная радикализация связана с социальным заражением, т. е. насильственная идеология и методы террористической деятельности передаются через «культурные сценарии», которые, в свою очередь, формируются после совершённых террористических актов. Теории радикализации «роя» и «рыбаков» в этой гипотезе являются не причиной процесса, а её «побочным продуктом»: «рой» и «рыбаки» — это всего лишь некоторые из многих потенциальных проявлений, возникающих в результате заражения терроризмом внутри процесса радикализации, а насильственная радикализация представляет собой «социальную заразу». Она распространяется путём объединения насильственной идеологии и «культурных сценариев» осуществления массового насилия. Кроме того, при определённых условиях эта социальная зараза может стать самовоспроизводящейся, самоподдерживающейся [16].

Социологи и психологи уже в первое десятилетие исследований радикализации признали, что крайне трудно собрать достоверные эмпириче-

ские данные об этом процессе [2; 7; 17–20]. Большая часть трудностей заключается в том, что в обществе может быть много радикализированных людей, которые на самом деле не совершали и даже не планировали насильственного действия (или террористического акта как крайней точки радикализации), но они имеют радикальные убеждения и могут находиться в процессе радикализации. Но поскольку большинство эмпирических исследований в основе содержат выборку только тех, кто уже радикализирован, встал на путь насилия, постольку результаты исследований подтверждают предположение о том, что террористическое насилие характеризует конечную точку радикализации. Исключение из выборки тех, кто радикализирован частично, кто дистанцировался от радикальной среды (навсегда или временно) или всё ещё находится в процессе, но не проявил себя в насильственных акциях или поддержке насильственного экстремизма, терроризма, сильно ограничивает возможность прийти к пониманию самого процесса и, соответственно, к разработке мер по предотвращению дальнейшей индивидуальной или групповой радикализации.

Выявление тех, кто находится в процессе онлайн-радикализации, является ещё более трудной для решения задачей, поскольку: 1) понятие «онлайн-радикализация» ещё более расплывчато, чем понятие «радикализация», и согласованного определения также не существует; 2) интернет не является причиной радикализации, это инструмент, с помощью которого осуществляется быстрое воздействие на широкую аудиторию; соответственно, массовый, вирусный, масштабируемый эффект позволяет радикализировать в короткие сроки пользователей, но, что первично, микро- или мезоуровень остаётся под вопросом; 3) под сомнение ставится вопрос разделения онлайн- и офлайн-пространства; исследователи отмечают, что дихотомия является неоправданной, потому что приводит к узкому пониманию роли коммуникационных технологий в процессе радикализации [21–23]. Появилось даже отдельное направление исследований, в котором «радикализация понимается как процесс, который разворачивается в онлайн и офлайн одновременно в гибридном онлайн-пространстве... которое органично объединяет элементы, относящиеся как к онлайн, так и офлайн среде» [23, с. 2]. Приверженцы этого подхода используют меткое слово «Onlife», придуманное философом Лучано Флориди [24], и производное от него словосочетание «Onlife spaces» [23].

Что касается консенсуса в определении онлайн-радикализации, приводим определение, которое чаще всего применяют исследователи именно этого направления. Онлайн-радикализация рассматривается «как процесс, в ходе которого люди подвергаются влиянию экстремистских убеждений и взглядов, подражают и усваивают их посредством Интернета,

в частности социальных сетей, и других форм онлайн-коммуникации» [25, с. 01]. Интернет не рассматривается как причина радикализации, только как способ, технологии, позволяющие максимально быстро, масштабно доставлять информацию пользователям глобальной сети.

Позиция исследователей, которые предлагают рассматривать радикализацию как неразрывный процесс онлайн и офлайн одновременно, на сегодняшний день является скорее теоретической экспликацией, чем реально реализуемым концептом. Изучение процесса радикализации в таком контексте на настоящий момент крайне затруднительно, потому что требуются: 1) методологическая строгость (количественная/качественная); 2) эмпирическая строгость (выборка, сбор первичных данных); 3) разработка, расширение (и адаптация уже имеющихся) методов и инструментов поиска, обработки и анализа больших данных; 4) преодоление крайне сложного барьера — доступ к «популяции исследуемых».

За прошедшие двадцать лет сложились следующие направления исследований микро-, мезо- и макроуровня изучения радикализации.

Анализ поведенческих и социально-психологических атрибутов радикализации [26; 6; 27–29]. Наиболее перспективным в этом направлении исследований является социокогнитивный подход, в котором радикализация определяется постепенной и непрерывной трансформацией представлений, целей, убеждений и источников мотивации [30].

Исследование факторов риска радикализации и самого процесса распространения радикальных идей [2; 31–34]. Внимание исследователей сосредоточено на изучении динамики межгруппового конфликта, механизмах радикализации и факторов риска радикализации микро-, макро- и мезоуровня.

Исследование процесса радикализации как совокупности поведенческих, психологических, социальных, идеологических, мобилизационных и других компонентов. По мнению исследователей, радикализация зависит от контекста, в котором она происходит, и насильственного контента, который потребляется пользователями социальных медиа [35–44]. Характерной чертой процесса активной радикализации является наличие нарратива, поддерживающего насилие и прямые или косвенные социальные взаимодействия, в ходе которых формируется легитимирующая насилие интерпретация реальности [11]. В этом направлении можно выделить многоуровневый подход, который в силу своей методологической сложности, необходимости применения автоматизированных инструментов и сервисов, а также баз данных (например, PIRUS — Profiles of Individual Radicalization in the United States, появившаяся в 2014 году и содержащая информацию о более чем 3 тыс. профилей за период 1948–2021 гг.) ещё не получил значительного распространения, но является перспективным.

На протяжении незначительного по времени изучения феномена радикализации учёные из разных областей знания создали новую междисциплинарную область, в которую интегрированы социологи, психологи, лингвисты, философы, криминологи, математики, специалисты data science и др. По-нашему мнению, концепция радикализации как предиктора терроризма носит прикладной и даже инструментальный характер, поскольку сосредоточена на диагностике процесса — последовательности действий людей, «заражаемых» идеей насильственных способов достижения цели, которая может быть политической, идеологической, религиозной и даже личной.

Эмпирическая база, методология и методы анализа

Как отмечалось во Введении, цель статьи — наукометрический анализ современного состояния исследований радикализации в российском и зарубежном научно-исследовательском поле, выявление тенденций и динамики изучения радикализации, возможностей и ограничений развития научного направления в России. Сразу отметим два важных ограничения. Первое: для изучения был выбран десятилетний временной период — с 2014 по 2023 г., поскольку именно этот период стал наиболее продуктивным и многогранным в исследованиях радикализации. Для «чистоты эксперимента» также была осуществлена выгрузка данных по публикациям в России за период с 2000 по 2013 г. для проверки гипотезы о том, что в первом десятилетии XXI века в России исследования радикализации практически не проводились. Гипотеза подтвердилась после экспертной проверки. Второе: сравнение напрямую количественных данных по российским и зарубежным публикациям не проводилось, поэтому они представлены отдельно. Это связано с тем, что: количественная доля публикаций в зарубежных источниках несравнимо выше, потому что исследования начались гораздо раньше; в силу ограничений для российских исследователей доступа к базам данных WOS/Scopus были собраны данные из трёх различных источников, которые ограничены функционалом выгрузки данных. Эти объективные ограничения не отразились на качестве результатов исследования.

Для оценки тенденций и динамики изучения радикализации в российской научной периодике были отобраны публикации за период с 2014 по 2023 г. включительно, проиндексированные на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY. Публикация включалась в рассматриваемую выборку при соблюдении следующего условия: в названии, аннотации или ключевых словах должен встречаться термин «радикализация». Рассматривались исключительно статьи, имеющие полный текст на сайте

eLIBRARY и опубликованные в журналах. Иные материалы (согласно классификации портала eLIBRARY), а именно: материалы конференций, монографии, диссертации, отчёты и патенты не рассматривались. На рисунке 1 приведено распределение количества работ, соответствующих условиям отбора, по годам.

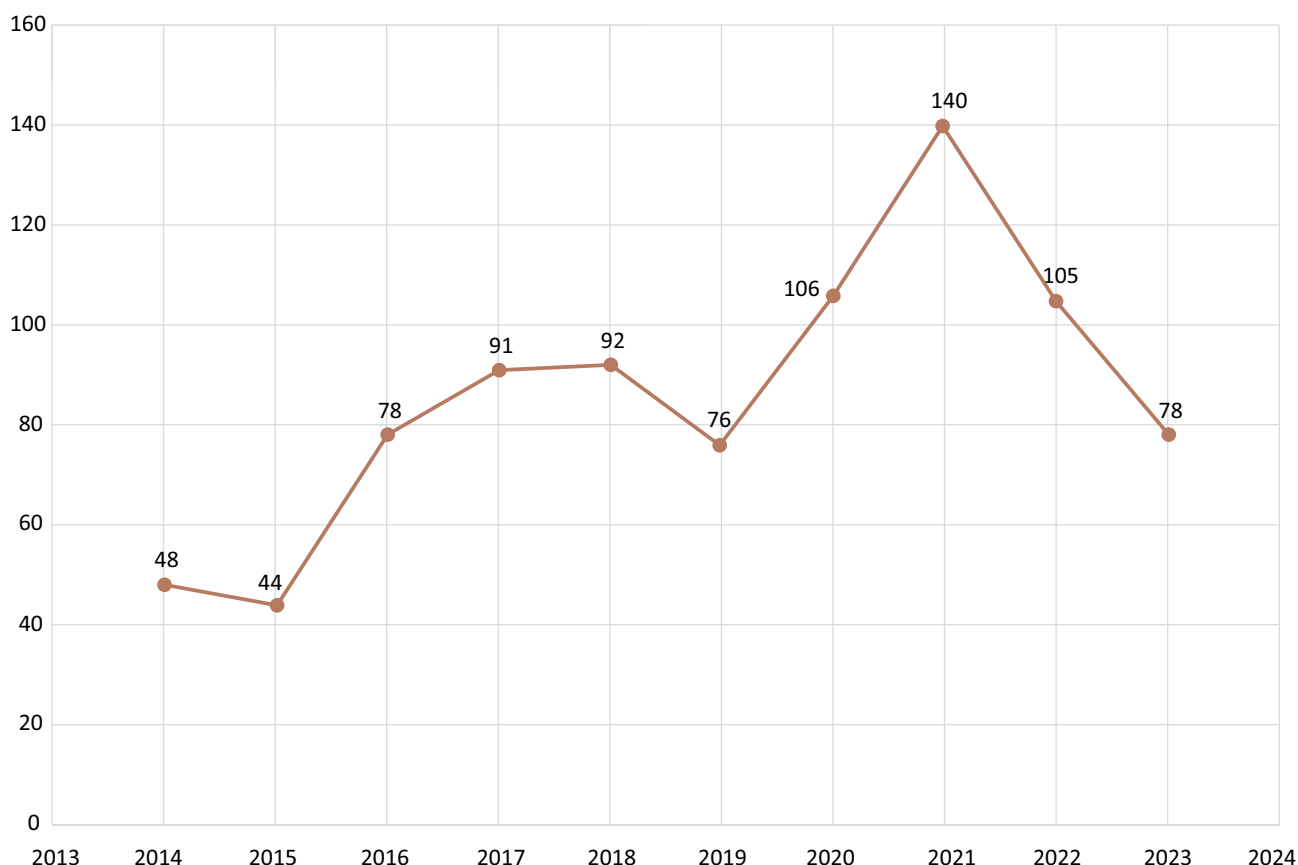

Рис. 1. Количество публикаций с ключевым словом «радикализация», размещённых на портале eLIBRARY, 2014–2023 гг.

Для оценки тенденций и динамики изучения радикализации в международной научной периодике были отобраны публикации за аналогичный период 2014–2023 гг., в которых термин «radicalization» встречался в названии, аннотации или перечне ключевых слов. Нерелевантные публикации из таких категорий, например, как «Biochemistry, Genetics and Molecular Biology», «Physics and Astronomy», были исключены. С учётом ограничения доступа к аналитическим системам SciVal и Clarivate был выполнен поиск публикаций в рамках систем трёх крупнейших научных издательств: Elsevier, Wiley и Springer. Таким образом, результаты поиска распределились следующим образом: Elsevier — 121 публикация, Wiley — 239, Springer — 1490.

Результаты

Наукометрический анализ современного состояния исследований радикализации в российском научно-исследовательском поле. В рамках количественного анализа с помощью встроенных сервисов портала eLIBRARY были выделены тематические рубрики публикаций, а также ключевые слова. Подробное описание распределения публикаций по тематическим рубрикам приведено в таблице 1. Цвет заливки ячеек в таблице иллюстрирует «популярность» соответствующей тематической рубрики в пределах года публикации (максимальному значению соответствует зелёный цвет, минимальному — красный).

Таблица 1

Количественное распределение анализируемых публикаций по тематическим рубрикам на портале eLIBRARY, 2014–2023 гг.

Тематические рубрики публикаций	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Всего
Политика и политические науки	17	15	24	27	30	23	35	45	27	24	267
Государство и право. Юридические науки	6	8	15	28	13	16	27	37	14	19	183
История. Исторические науки	12	10	18	18	22	9	13	22	23	7	154
Социология	3	5	7	5	7	10	10	16	13	6	82
Философия	3	1	3	6	3	1	1	2	3	4	27
Психология	–	1	2	1	2	8	7	5	7	5	38
Народное образование. Педагогика	–	1	1	1	3	1	2	3	5	2	19
Религия. Атеизм	2	–	1	2	4	–	–	1	5	1	16
Экономика. Экономические науки	1	–	2	–	3	1	3	1	2	1	14
Языкознание	–	1	–	1	–	–	2	4	1	1	10
Комплексное изучение отдельных стран и регионов	1	1	–	1	2	3	3	–	1	–	12
Медицина и здравоохранение	1	–	1	–	1	–	1	–	–	–	4
Общественные науки в целом	2	–	1	–	–	2	1	1	1	–	8
Литература. Литературоведение. Устное народное творчество	–	–	1	–	1	–	–	–	–	1	3

Окончание таблицы 1

Тематические рубрики публикаций	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Всего
Культура. Культурология	–	–	1	–	1	1	–	–	–	–	3
Автоматика. Вычислительная техника	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	2
Демография	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–	2
Общие и комплексные проблемы технических и прикладных наук и отраслей народного хозяйства	–	1	–	–	–	–	–	1	–	–	2
Организация и управление	–	–	–	1	–	–	–	1	–	–	2
Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1
Информатика	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Комплексные проблемы общественных наук	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
Общее кол-во публикаций	48	44	78	91	92	76	106	140	105	71	851

Отметим, что у 7 публикаций 2023 года на момент анализа отсутствовало указание тематических рубрик, чем объясняется расхождение соответствующих значений между рисунком 1 и таблицей 1.

Распределение публикаций по первым 10 наиболее популярным темам приведено на рисунке 2, на рисунках 3 и 4 — распределения по изданиям и аффилиациям авторов соответственно.

Для оценки контекста, в котором рассматривается процесс радикализации, были проанализированы ключевые слова публикаций. Для рассмотрения были отобраны топ-30 ключевых слов для каждого из рассматриваемых годов публикаций. Из рассмотрения исключены такие ключевые слова, как «радикализация» и «радикализм» поскольку они отражают лишь соответствие публикации изначальному поисковому запросу.

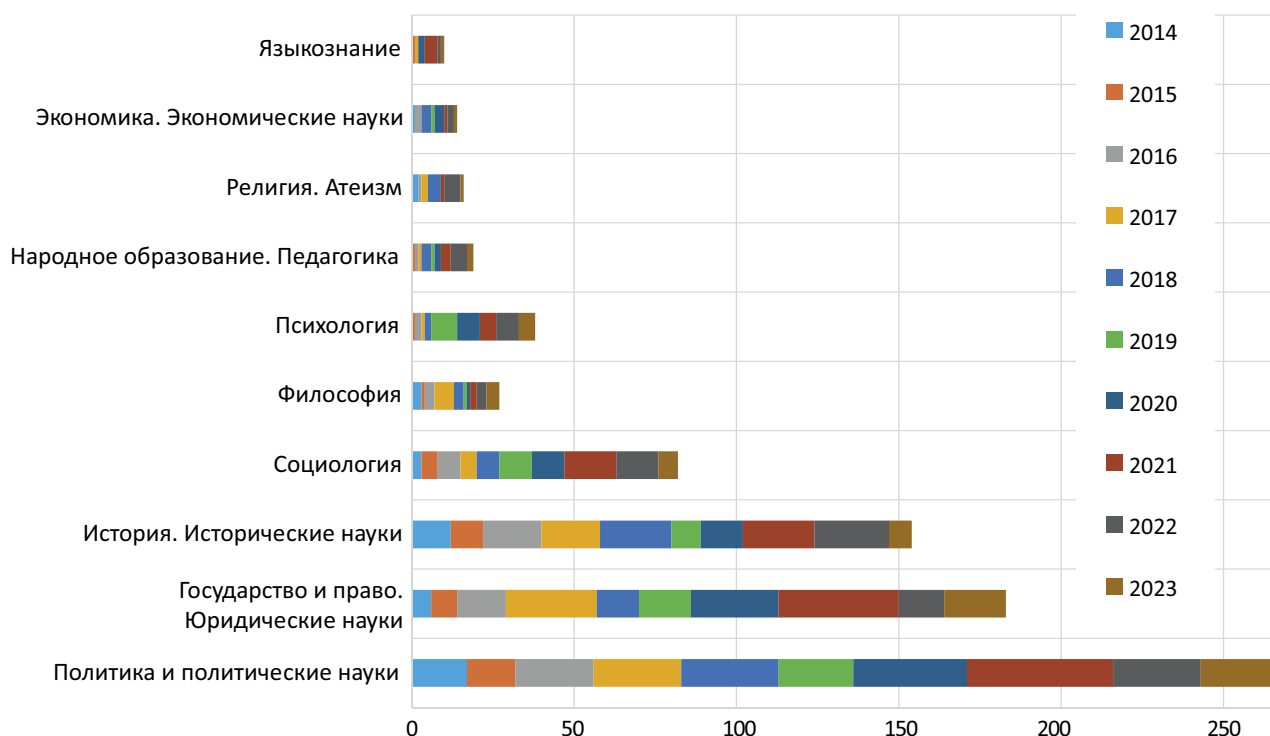
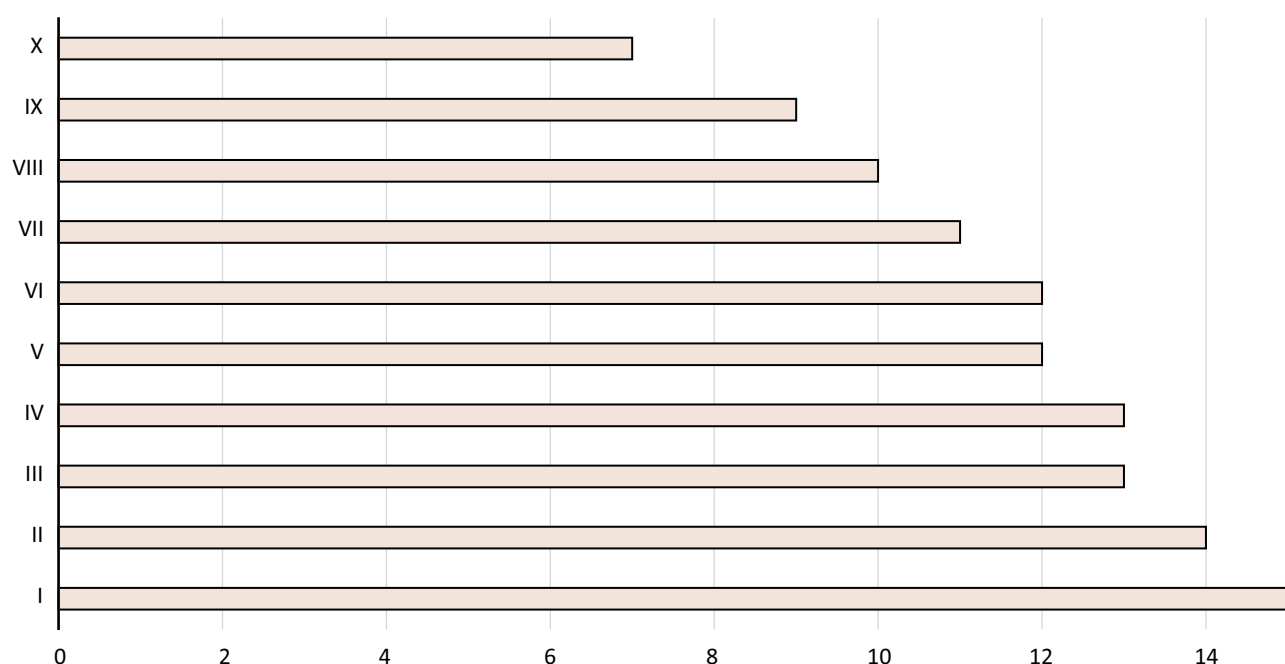

Рис. 2. Распределение рассматриваемых публикаций по 10 наиболее популярным тематическим рубрикам на портале eLIBRARY, 2014–2023 гг.

I. Власть; II. Россия и мусульманский мир; III. Пробелы в российском законодательстве; IV. Исламоведение; V. Теории и проблемы политических исследований; VI. Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право; VII. Актуальные проблемы Европы; VIII. Постсоветские исследования; IX. Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета; X. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК

Рис. 3. Распределение рассматриваемых публикаций по журналам на портале eLIBRARY, 2014–2023 гг.

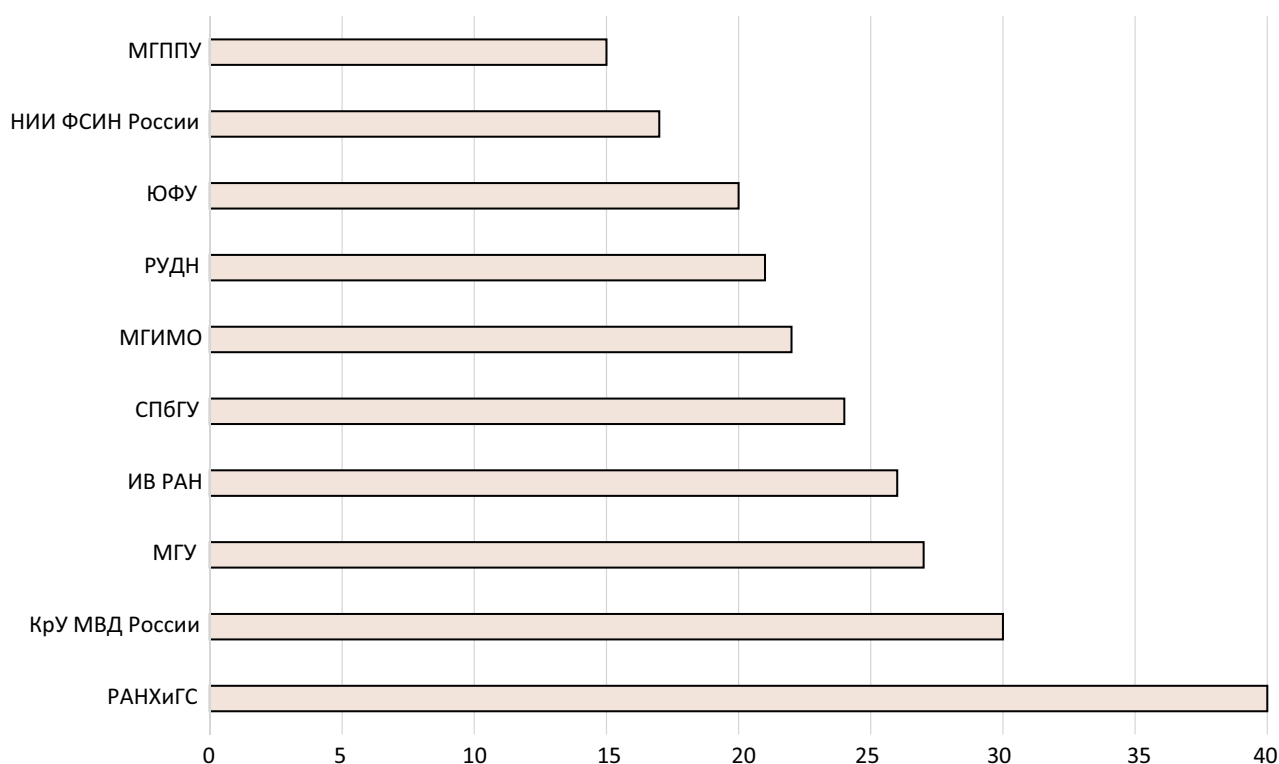

Рис. 4. Распределение рассматриваемых публикаций по организациям (аффилиации авторов)

Если в топ-30 попадались одни и те же ключевые слова и выражения на русском и английском языках, то отбиралось только наибольшее из значений, чтобы исключить возможность необоснованного «завышения» веса ключевого слова (поскольку в большинстве публикаций содержатся два списка ключевых слов: на русском и английском языках). Значения же близких по смыслу ключевых слов и выражений объединялись. Например, термин «экстремизм» в итоговой выборке ключевых слов включает в себя также «религиозный экстремизм», «исламский экстремизм», а «ислам» включает также «исламский мир», «исламизм», «радикализация ислама», «исламский радикализм». В таблице 2 приведена детализация частоты включения соответствующих ключевых слов в публикациях, вышедших с 2014 по 2023 г., соответствующее облако ключевых слов приведено на рисунке 5.

Для анализа значения термина «радикализация», которое используется в российском исследовательском поле, были отобраны топ-3 наиболее цитируемых публикаций в каждом из годов рассматриваемого диапазона. Следует отметить ограничения выбранного подхода, а именно: не все целевые публикации 2023 года проиндексированы на момент выполнения наукометрического анализа (26 января 2024 г.). Также в силу пока ещё малого количества цитирований работ 2023 года по сравнению с предыдущими ему годами, топ-3 публикаций по цитируемости могут не отражать реальную востребованность результатов.

Таблица 2

Частота включения ключевых слов в рассматриваемых публикациях 2014–2023 гг.
на портале eLIBRARY

Ключевое слово или выражение	Количество	Доля в общем числе ключевых слов, %
Экстремизм	201	26
Терроризм	160	21
Ислам	145	19
Молодёжь	56	7
Религия	45	6
Социальные сети	28	4
Идеология	26	3
Центральная Азия	24	3
Противодействие	22	3
Франция	22	3
Дерадикализация	20	3
Россия	20	3

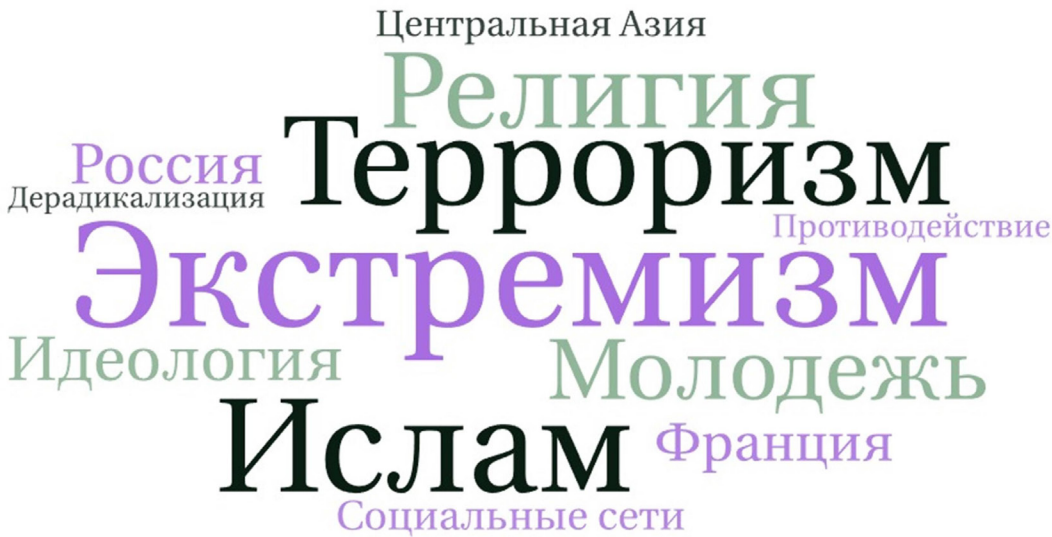

Рис. 5. Облако ключевых слов анализируемых публикаций 2014–2023 гг.
на портале eLIBRARY

Наукометрический анализ современного состояния исследований радикализации в зарубежном научно-исследовательском поле. В таблицах 3 и 4 приведены данные о распределении по тематическим категориям целевых публикаций, вышедших в журналах и книгах издательств Elsevier и Springer соответственно. Особенности поисковой системы издательства Wiley не позволили сформировать аналогичную таблицу по результатам поиска. Следует учесть, что одна публикация может одновременно относиться к нескольким тематическим категориям, поэтому суммарные значения не совпадают с общим числом отобранных работ.

Таблица 3

*Количественное распределение анализируемых публикаций 2014–2023 гг.
по тематическим рубрикам издательства Elsevier*

Тематическая рубрика	Количество публикаций
Medicine and Dentistry	67
Psychology	64
Social Sciences	59
Computer Science	18
Economics, Econometrics and Finance	17
Arts and Humanities	12
Environmental Science	10
Neuroscience	8

Таблица 4

*Количественное распределение анализируемых публикаций 2014–2023 гг.
по тематическим рубрикам издательства Springer*

Тематическая рубрика	Количество публикаций
Political Science	289
Social Sciences, general	210
Sociology, general	208
Criminology and Criminal Justice, general	143
Political Science and International Relations, general	135
Anthropology	88
Religious Studies, general	82
Ethics	71
Political Philosophy	71
Philosophy, general	69
Science, Humanities and Social Sciences, multidisciplinary	69
Methodology of the Social Sciences	63
Comparative Politics	62
Personality and Social Psychology	61
International Relations	59
Sociology of Religion	59
Artificial Intelligence	53
Political Theory	52
Philosophy of Science	50
Theories of Law, Philosophy of Law, Legal History	46

Системные функции поисковых систем Elsevier и Wiley позволили выделить также и ключевые слова в рассматриваемых публикациях. В таблицах 5 и 6 приведены наиболее часто встречающиеся ключевые слова, количество их упоминаний и соответствующая доля в общем количестве. Близкие по смыслу ключевые слова были объединены в один термин. На рисунках 6 и 7 приведены соответствующие облака ключевых слов рассматриваемых публикаций.

Таблица 5

Частота включения ключевых слов в публикациях 2014–2023 гг. издательства Elsevier

Ключевое слово или выражение	Количество	Доля в общем числе ключевых слов, %
Terrorism	46	22
Extremism	25	12
Adolescence	19	9
Violence	19	9
Identity	16	8
Islam	14	7
Psychopathology	9	4
Jihad	9	4
Online	9	4
Security	6	3
Religion	5	2
Sociophysics	4	2
Machine Learning	4	2
Social Media	4	2
Personality	4	2
Propaganda	4	2
Post	3	1
Al-Qaeda	3	1
Conversion	3	1
Polarization	3	1
Prison	3	1

Таблица 6

Частота включения ключевых слов в публикациях 2014–2023 гг. издательства Wiley

Ключевое слово или выражение	Количество	Доля в общем числе ключевых слов, %
Terrorism	50	21
Extremism	40	17
Violence	26	11

Окончание таблицы 6

Ключевое слово или выражение	Количество	Доля в общем числе ключевых слов, %
Social Media	20	8
Identity	9	4
Youth	9	4
Counter Terrorism	8	3
Jihad	8	3
Prison	8	3
SocialMovements	7	3
ForensicScience	6	3
Islam	6	3
Mobilization	6	3
Deradicalization	5	2
Online Radicalization	5	2
Prevention	5	2
Racism	5	2
Colonialism	4	2
Muslim	4	2
Ideology	3	1
Individuation	3	1
United States	3	1

Рис. 6. Облако ключевых слов анализируемых публикаций 2014–2023 гг.
издательства Elsevier

Рис. 7. Облако ключевых слов анализируемых публикаций 2014–2023 гг. издательства Wiley

В ключевых словах анализируемых статей издательств Elsevier и Wiley на первых двух местах находятся «Terrorism» и «Extremism». Основным же заметным отличием является наличие «Social Media» среди топ-5 ключевых слов издательства Wiley.

Обсуждение

Результаты анализа российских научных публикаций позволяют констатировать наличие устойчивой связи между терминами «радикализация» и «экстремизм», «терроризм» и «ислам», которая наблюдается на протяжении всего рассматриваемого периода (2014–2023 гг.). Тематически радикализация рассматривается в первую очередь в политическом, юридическом и историческом контекстах, социологический, философский и психологический аспекты процессов радикализации рассматриваются значительно реже.

Анализ наиболее цитируемых публикаций по годам выявил следующее: термин «радикализация» используется как самодостаточный, без формального определения в подавляющем большинстве работ либо как синоним терроризма, экстремизма [45–68]. Значительное количество работ направлено на описание и изучение процессов исламской радикализации [56; 69; 62–64; 67–68] и радикализации молодёжи [45; 51; 54; 57–60; 65; 69; 70; 71]. Связь между социальными медиа (и интернетом в общем) и радикализацией рассматривается только в четырёх работах [60; 65; 70; 72].

Несмотря на то, что в ряде работ [62; 69] используются сравнительные степени вместе с термином «радикализация» (например, «самое радикальное» или «более радикальное»), что подразумевает наличие различных «степеней» или «этапов», радикализация как процесс без безусловной негативной коннотации рассматривается только в шестой части работ [49, 54, 70–71, 73]. Междисциплинарный аспект изучения радикализации явно выделяется только в трёх работах [54; 70–71].

Определение «радикализации» дано менее чем в четверти рассматриваемых работ [54; 69; 70–71; 73–74]. При этом определения радикализации заметно отличаются. Д. Г. Лощаков определяет радикализацию в институциональном плане как «организованную и целенаправленную деятельность политизированных групп молодёжи» [69, с. 35]. В работе «Радикализация в подростково-молодёжной среде: в поисках объяснительной схемы», имеющей характер обзора, приведены несколько определений радикализации других авторов [71]. С. Г. Кирдина-Чэндлер рассматривает радикализацию как «усиление непримиримых настроений, неуверенность существования, приверженность крайним взглядам и резкую критическую направленность по отношению к существующим институтам» [73, с. 7]. В работе «Изучение процесса онлайн-радикализации молодёжи в социальных медиа (междисциплинарный подход)» радикализация представлена как «процесс перехода от ненасильственных форм выражения мнения к насильственным действиям» [70, с. 162], что частично созвучно с таким определением, как принятие «индивидуумом экстремистских политических, социальных или религиозных идеалов и их продвижение насильственными методами» [74, с. 60].

Результаты проведённого анализа работ позволяют сформулировать следующие выводы.

Во-первых, в России исследования радикализации ещё не получили активного распространения. В целом исследования можно охарактеризовать как поверхностные, обделённые эмпирическими данными и даже зачастую страдающие избыточным пересказом — в ущерб аналитической составляющей. О теоретической проработке как о самостоятельной конструкции для построения авторских концепций радикализации на сегодняшний день даже не приходится говорить. Лишь в единичных публикациях закладываются основы для такой работы. Отметим, что частично это можно объяснить в том числе проблемами наличия доступа к данным.

Во-вторых, в российском научном сообществе радикализация рассматривается преимущественно в связи с проблематикой религиозного экстремизма и терроризма. Иными словами, рассматривается финальная стадия процесса радикализации действий согласно модели политической радикализации McCauley-Moskalenko [2]. Этапы процессов радикализации

мнений и действий, а также компоненты радикализации, имеющие значение в каждой из моделей, фактически остаются за границами внимания основной части исследователей.

В-третьих, доминирует подход, рассматривающий процесс радикализации «сверху вниз»: индивид радикализуется, в первую очередь, вследствие оказанного целевого, намеренного влияния (вербовщиков, онлайн-сообществ и пр.). То есть заметна приверженность к «лагерю» разделяющих теории «роя» и саморадикализации. Реже, преимущественно в рамках тематических направлений «социология» и «психология», процесс радикализации рассматривается «снизу-вверх»: в результате сложного сочетания личностных, культурных (субкультурных), временных (одномоментных) факторов, факторов окружения и иных индивид проходит различные стадии радикализации. В данном случае наблюдается приверженность теории «рыбаков». Особо отметим, что ни в том, ни в другом случае авторы работ не ссылаются на исследования, посвящённые теории «роя» или теории «рыбаков».

В-четвертых, следует отметить низкую долю работ, посвящённых профилактике радикализации и, соответственно, экстремизма и терроризма. Мы полагаем, что это связано с тем, что российские исследователи мало знакомы с зарубежными публикациями по этому направлению. Недостаток эмпирических знаний и объяснительных концепций радикализации не позволяет не только предложить эффективные решения в сфере профилактики, но и выполнить качественную (с хорошо интерпретируемыми результатами) оценку уже принятых и реализуемых подходов.

По результатам анализа публикаций в международной научной периодике можем констатировать, что тематически исследования радикализации преобладают в политических науках, социальных науках — социологии и психологии. Топ-ключевых слов в публикациях распределяется (по убыванию) следующим образом: терроризм, экстремизм, насилие, подростки, молодёжь, идентичность, социальные медиа, ислам.

Отметим, что полученные результаты по англоязычным публикациям схожи с результатами исследований ряда российских учёных. В первую очередь, и в тех, и в других работах радикализация рассматривается в связи с насильственным экстремизмом и терроризмом. Также к сходствам можно отнести заметную связь между понятиями «радикализация» и «молодёжь» (Youth, Adolescence). При этом связь с ключевым словом «ислам» в российском поле заметно более выражена. Также стоит отметить нарастающую тенденцию в англоязычном исследовательском поле к изучению специфики онлайн-радикализации, в том числе с применением методов машинного обучения, что является практически единственным потенциально эффективным инструментом для решения данного рода задач [75]. В единичных

случаях российские исследователи применяют методы и инструменты Data Science при изучении процессов радикализации, однако, к сожалению, вопросам качества работы с данными внимания уделяется недостаточно. Наличие же таких ключевых слов, как Identity, Sociophysics, Personality, Social Movements, которые занимают своё, хоть и сравнительно скромное место в англоязычных исследованиях, и их полное отсутствие в российских указывают на складывающуюся принципиальную разницу в подходах к пониманию природы феномена радикализации. Авторы статьи предполагают, что разница обусловлена общим отставанием российских исследований как минимум на десятилетие.

Заключение

Изучение радикализации стало прикладным направлением в исследованиях терроризма, перспективным для диагностики механизмов вовлечения в террористическую деятельность. В международном научно-исследовательском поле понятие «радикализация» вошло в тезаурус учёных, но ещё не получило общепринятого определения, тогда как в российском поле сам термин применяется, но критически редко встречаются его интерпретации.

Чтобы минимизировать существующие разногласия в определениях радикализации, полезно помнить о «многослойности» самого процесса и учитывать разные точки зрения, следуя принципу дисциплинарного эклектизма, заложенному Робертом Мертоном. Он утверждал, что прийти к приемлемым объяснениям сложных феноменов, «разгадать социальную сложность возможно только за счёт эклектичности — взаимодополняемости концептуальных схем, используя активы различных точек зрения, многостороннюю мозаику теоретических объяснений и быть свободным от одностороннего догматизма в отношении альтернативных объяснений» [76].

В российском исследовательском поле концепция радикализации как процесса, являющегося предиктором терроризма, стала объектом изучения только во втором десятилетии нынешнего века. На сегодняшний день российские исследователи находятся на начальном этапе изучения радикализации: в их поле зрения экспликация понятия, накопление эмпирических данных, попытки создания концептуальных схем. Заметное отставание, по-нашему мнению, имеет ряд взаимосвязанных причин.

Критически мало российских исследователей знакомы с работами зарубежных коллег по радикализации. Именно с этим связано отсутствие определений радикализации в большинстве публикаций и, соответственно, выдвижение и обоснование собственных гипотез и концепций.

Объект исследования. Провести полевое исследование сложно, иногда невозможно «дотянуться до источника», поэтому применение традици-

онных методов опроса, интервью зачастую сильно ограничено. Есть альтернатива — создание баз данных (сбор данных из открытых источников), применение качественных методологий (к примеру, кейс-стади), которые были, есть и будут оставаться основными в этой области. Но это трудоёмкие процессы, которые требуют организации и не могут быть решены силами только отдельных исследователей, необходима коллективная работа специалистов из разных областей знаний. Кроме того, доступ к широчайшему спектру исходных данных, включая открытые данные социальных медиа, является проблемой. Тут стоит упомянуть в качестве примера проект Facebook Open Research & Transparency¹, направленный на предоставление данных исследователям при соблюдении приватности. Отдельного и тщательного обсуждения и согласования требуют вопросы безопасности данных и исследовательской этики. Фактически проблема доступа исследователей к данным является актуальной, но нерешённой для учёных во всем мире.

Методология и методы. В этой области исследований используются методологии и методы разных областей знания, отсутствуют универсальные, согласованные или «отточенные» методы. Но российские исследователи могут опираться на уже апробированные зарубежными коллегами методы и методики, адаптировать их и в дальнейшем приступить к разработке собственных методов, технологий, методик.

Сами исследователи и подготовка научных кадров. Изучение радикализации, также, как и терроризма, насильственного экстремизма, привлекает немногих. Полностью посвящают себя изучению этой области на постоянной основе или на длительный период времени единицы. Это связано со специфичностью области исследований. Междисциплинарный характер данной области ещё больше осложняет её изучение, поскольку собрать научный коллектив под такие исследования крайне затруднительно. Требуются специальные программы подготовки и повышения квалификации: в современных условиях базовые компетенции в области Data Science являются обязательным требованием для обеспечения качества результатов исследований. Нет специализированных журналов, не проводятся тематические конференции, на которых исследователи могли бы поделиться опытом.

Финансирование исследований. Очевидно, как в случае любого нового направления, пока в него не придут финансовые инвестиции, притока исследователей ожидать не стоит, следовательно, и системно развиваться направление не будет.

Подводя итог, выскажем мысль, которая не является ни новой, ни оригинальной, но очевидной. Разработка любых мер противодействия и про-

¹ С 2022 года признана в РФ экстремистской организацией.

филактики таких сложных явлений, как радикализация и терроризм, не может быть оторвана от изучения их локальных причин и механизмов, особенно в современных условиях новых угроз национальной безопасности России.

Список источников. References

1. *Coolsaet R.* All radicalisation is local: the genesis and drawbacks of an elusive concept : URL: <https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2016/05/ep84.pdf?type=pdf> (дата обращения: 21.03.2024).
2. *McCauley C., Moskalenko S.* Mechanisms of political radicalisation: Pathways toward terrorism // *Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20, № 3. P. 415–433. DOI [10.1080/09546550802073367](https://doi.org/10.1080/09546550802073367).
3. *Neumann P. R.* The trouble with radicalization // *International Affairs*. 2013. Vol. 89, № 4. P. 873–893. DOI [10.1111/1468-2346.12049](https://doi.org/10.1111/1468-2346.12049).
4. *Onnerfors A., Steiner K.* Introduction // *Expressions of Radicalization: Global Politics, Processes and Practices* / Eds. A. Onnerfors, K. Steiner. London : Palgrave Macmillan, 2018. P. 1–38. DOI [10.1007/978-3-319-65566-6_1](https://doi.org/10.1007/978-3-319-65566-6_1).
5. *Neumann P. R.* The Trouble with Radicalisation // *International Affairs*. 2013. Vol. 89, № 4. P. 873–893. DOI [10.1111/1468-2346.12049](https://doi.org/10.1111/1468-2346.12049).
6. *Borum R.* Radicalization into violent extremism I: A review of social science theories // *Journal of Strategic Security*. 2011. Vol. 4, № 4. P. 7–36. DOI [10.5038/1944-0472.4.4.1](https://doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.1).
7. *Horgan J.* From Profiles to Pathways and Roots to Routes: Perspectives from Psychology on Radicalization into Terrorism // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 618, № 1. P. 80–94. DOI [10.1177/0002716208317539](https://doi.org/10.1177/0002716208317539). EDN JLEUBT.
8. *Mandel D. R.* Radicalization: What Does It Mean // *Home-grown Terrorism: Understanding and Addressing the Root Causes of Radicalisation Among Groups with an Immigrant Heritage in Europe*. Brussels : IOP Press, 2009. P. 101–113.
9. *Whittaker J.* Rethinking Online Radicalization // *Perspectives on Terrorism*. 2022. Vol. 16, № 4. P. 27–40.
10. *Tausch N., Bode S., Halperin E.* Emotions in Violent Extremism // *Handbook of the Psychology of Violent Extremism* / Ed. by M. Obaidi, J. Kunst. Cambridge : Cambridge University Press, 2024.
11. *Schmid A.* Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review // *Terrorism and Counter-Terrorism Studies*. 2013. Vol. 4, № 2. DOI [10.19165/2013.1.02](https://doi.org/10.19165/2013.1.02).
12. *Schmid A. P.* The definition of terrorism // *The Routledge handbook of terrorism research* / Edited By Alex Schmid. London : Routledge, 2011. P. 39–157.
13. *Alfano M., Carter J. A., Cheong M.* Technological Seduction and Self-Radicalization // *Journal of the American Philosophical Association*. 2018. Vol. 4, № 3. P. 298–322. DOI [10.1017/apa.2018.27](https://doi.org/10.1017/apa.2018.27).
14. *Baaken T., Schlegel L.* Fishermen or Swarm Dynamics? Should we Understand Jihadist Online-Radicalization as a Top-Down or Bottom-Up Process? // *Journal for Deradicalization*. 2017. № 13. P. 178–212.
15. *Pepys R., Bowles R., Bouhana N.* A Simulation Model of the Radicalisation Process Based on the IVEE Theoretical Framework // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2020. Vol. 23, № 3. DOI [10.18564/jasss.4345](https://doi.org/10.18564/jasss.4345).

16. Contingencies of Violent Radicalization: The Terror Contagion Simulation / T. Clancy, B. Addison, O. Pavlov, K. Saeed // *Systems*. 2021. Vol. 9, № 4. Art. 90. DOI [10.3390/systems9040090](https://doi.org/10.3390/systems9040090).
17. *Evaluation for Crime Prevention* / Ed. By N. Tilley. Boulder, Colorado : Lynne Rienner Publishers, 2002. 225 p. ISBN 978-1881798361. (Crime Prevention Studies. Vol. 14).
18. *De la Roche R. S.* Why is collective violence collective? // *Sociological Theory*. 2001. Vol. 19, № 2. P. 126–144. DOI [10.1111/0735-2751.00133](https://doi.org/10.1111/0735-2751.00133).
19. *Moghaddam F. M.* The staircase to terrorism: A psychological exploration // *American Psychologist*. 2005. Vol. 60, № 2. P. 161–169. DOI [10.1037/0003-066X.60.2.161](https://doi.org/10.1037/0003-066X.60.2.161).
20. *Lum C., Kennedy L. W., Sherley A. J.* The Effectiveness of Counter-Terrorism Strategies // *Campbell Systematic Reviews*. 2006. Vol. 2, № 1. P. 1–50. DOI [10.4073/csr.2006.2](https://doi.org/10.4073/csr.2006.2).
21. *Wojcieszak M.* «Carrying online participation offline» — mobilization by radical online groups and politically dissimilar offline ties // *Journal of Communication*. 2009. Vol. 59, № 3. P. 564–586. DOI [10.1111/j.1460-2466.2009.01436.x](https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2009.01436.x).
22. *Ducol B.* A Radical sociability: in defense of an online/offline multidimensional approach to radicalization // *Social Networks, Terrorism and Counter-Terrorism: Radical and Connected* / Ed. M. Bouchard. New York, NY : Routledge, 2015. P. 82–104.
23. *Valentini D., Lorusso A. M., Achim S.* Onlife Extremism: Dynamic Integration of Digital and Physical Spaces in Radicalization // *Front Psychology*. 2020. Vol. 11. DOI [10.3389/fpsyg.2020.00524](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00524).
24. *Floridi L.* Hyperhistory and the philosophies of information policies // *The On-life Manifesto: Being Human in a Hyperconnected Era*. London : Springer, 2015. P. 51–63.
25. *Binder J. F., Kenyon J.* Terrorism and the internet: How dangerous is online radicalization? // *Front Psychology*. 2022. Vol. 13. DOI [10.3389/fpsyg.2022.997390](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.997390). EDN [RGSMTY](https://www.edn.ru/10.3389/fpsyg.2022.997390).
26. *Borum R.* Understanding the Terrorist Mind-set // *FBI Law Enforcement Bulletin*. 2003. Vol. 72, № 7. P. 7–10.
27. *Horgan J. G.* The Psychology of Terrorism // J. G. Horgan ; 2nd ed. New York : Routledge, 2014. 206 p. ISBN 9780415698023.
28. *Taylor M., Horgan J., Sageman M.* An introduction by the Editors // *Computer-Assisted Terrorism. Dynamics of Asymmetric Conflict*. 2015. Vol. 8, № 2. P. 95–96.
29. Fully committed: suicide bombers' motivation and the quest for personal significance / A. W. Kruglanski, X. Chen, M. Dechesne [et al.] // *Political Psychology*. 2009. Vol. 30, № 3. P. 331–357. DOI [10.1111/j.1467-9221.2009.00698.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2009.00698.x). EDN [PLAXCN](https://www.edn.ru/10.1111/j.1467-9221.2009.00698.x).
30. *Garcet S.* Understanding the psychological aspects of the radicalization process: a sociocognitive approach // *Forensic Sciences Research*. 2021. Vol. 6, № 2. P. 115–123. DOI [10.1080/20961790.2020.1869883](https://doi.org/10.1080/20961790.2020.1869883).
31. *Freilich J., Chermak S.* Commitment to Extremist Ideology: Using Factor Analysis to Move beyond Binary Measures of Extremism // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2016. Vol. 39, № 7/8. P. 687–711. DOI [10.1080/1057610X.2016.1141012](https://doi.org/10.1080/1057610X.2016.1141012).
32. *Sarma K.* Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72, № 3. P. 278–288. DOI [10.1037/amp0000121](https://doi.org/10.1037/amp0000121).

33. *Dalgaard-Nielsen A.* Violent radicalization in Europe: What we know and what we do not know // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2010. Vol. 33, № 9. P. 797–814.
34. *Brockhof S., Krieger T., Meierrieks D.* Great expectations and hard times: the (non-trivial) impact of education on domestic terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. 2015. Vol. 59, № 7. P. 1186–1215. DOI [10.1177/0022002713520589](https://doi.org/10.1177/0022002713520589). EDN [XYPKOD](#).
35. *Rieger D., Frischlich L., Bente G.* Dealing with the dark side: the effects of right-wing extremist and Islamist extremist propaganda from a social identity perspective // *Media, War & Conflict*. 2020. Vol. 13, № 3. P. 280–299. DOI [10.1177/1750635219829165](https://doi.org/10.1177/1750635219829165).
36. *Thompson R.* Radicalization and the use of social media // *Journal of Strategic Security*. 2011. Vol. 4, № 4. P. 167–190. DOI [10.5038/1944-0472.4.4.8](https://doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.8).
37. Application of a Profile Similarity Methodology for Identifying Terrorist Groups that Use or Pursue CBRN Weapons / B. Breiger, G. Ackerman, V. Asal [et al.] // *Social Computing, Behavioral-Cultural Modeling and Prediction — 4th International Conference, SBP 2011, College Park (MD, USA, March 29–31, 2011)*. Proceedings / Eds. J. Salerno, S. J. Yang, D. Nau [et al.]. Berlin : Springer Berlin Heidelberg, 2011. P. 26–33.
38. Measuring the radicalization risk in social networks / R. Lara-Cabrera, A. Gonzalez-Pardo, K. Benouart [et al.] // *IEEE Access*. 2017. Vol. 5. P. 10892–10900. DOI [10.1109/ACCESS.2017.2706018](https://doi.org/10.1109/ACCESS.2017.2706018).
39. *Wendelberg L.* An Ontological Framework to Facilitate Early Detection of “Radicalization” (OFEDR)-A Three World Perspective // *Journal of Imaging*. 2021. Vol. 7, № 3. DOI [10.3390/jimaging7030060](https://doi.org/10.3390/jimaging7030060).
40. *Xie D., Xu J., Lu T.-C.* Automated Classification of Extremist Twitter¹ Accounts Using Content-Based and Network-Based Features // *IEEE International Conference on Big Data (Big Data)*. (Washington, DC, USA, 05–08 December 2016). Washington, DC, USA : IEEE, 2016. P. 2545–2549. DOI [10.1109/BigData.2016.7840895](https://doi.org/10.1109/BigData.2016.7840895).
41. *Sureka A., Agarwal S.* Learning to classify hate and extremism promoting tweets // *IEEE Joint Intelligence and Security Informatics Conference*. 2014. (The Hague, Netherlands, 24–26 September 2014). Hague, Netherlands : IEEE, 2014. P. 320–320. DOI [10.1109/JISIC.2014.65](https://doi.org/10.1109/JISIC.2014.65).
42. Social media analytics — Challenges in topic discovery, data collection, and data preparation / S. Stieglitz, M. Mirbabaie, B. Ross, C. Neuberger // *International Journal of Information Management*. 2018. Vol. 39. P. 156–168. DOI [10.1016/j.ijinfomgt.2017.12.002](https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2017.12.002).
43. *Gilani Z., Kochmar E., Crowcroft J.* Classification of Twitter¹ Accounts into Automated Agents and Human Users // *International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (Sydney Australia, 31 July 2017 — 3 August 2017)* / Eds. J. Diesner, E. Ferrari, G. Xu. New York, NY United States : Association for Computing Machinery, 2017. P. 489–496. DOI [10.1145/3110025.3110091](https://doi.org/10.1145/3110025.3110091).
44. *Conway M.* Determining the Role of the Internet in Violent Extremism and Terrorism: Six Suggestions for Progressing Research // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2017. Vol. 40, № 1. P. 77–98. DOI [10.1080/1057610X.2016.1157408](https://doi.org/10.1080/1057610X.2016.1157408).
45. *Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д.* Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка // *Социологические исследования*. 2016. № 1 (381).

¹ Twitter — заблокирован в РФ

- C. 92–99. EDN [VSLWXJ](#). [Avksent'ev V. A., Gricenko G. D. Ethno-political situation in the North Caucasus: expert assessment. *Sociological research=Sociologicheskie issledovaniya*. 2016;1(381):92–99. (In Russ.)].
46. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере евромайдана, ноябрь 2013 г.) / А. А. Азаров, Е. В. Бродовская, О. В. Дмитриева [и др.] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3 (121). С. 56–74. EDN [SIGFQV](#). [Azarov A. A., Brodovskaja E. V., Dmitrieva O. V. [et al.]. Strategies of protest behaviour attitudes formation in the Internet: experience of application of cybermetric analysis (on the example of Euromaidan, November 2013). *Monitoring of public opinion: economic and social changes=Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie I social'nye peremeny*. 2014;3(121):56–74. (In Russ.)].
 47. Баранов А. В. Сепаратизм в современной Каталонии: Ресурсы, акторы и политические стратегии // Актуальные проблемы Европы. 2014. № 2. С. 95–113. EDN [SCPCGB](#). [Baranov A. V. Separatism in modern Catalonia: resources, actors and political strategies. *Actual Problems of Europe=Aktual'nye problemy Evropy*. 2014;(2):95–113. (In Russ.)].
 48. Безгин В. Б., Якимов К. А. Социально-демографический портрет политка-торжан поколения «революционного перелома» начала XX века // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1235–1247. DOI [10.28995/2073-0101-2022-4-1235-1247](#). EDN [BGNWYJ](#). [Bezgin V. B., Yakimov K. A. Socio-demographic portrait of political prisoners of the generation of the “revolutionary break” of the early XX century. *Herald of Archivist=Vestnik arhivista*. 2022;(4):1235–1247. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-0101-2022-4-1235-1247](#)].
 49. Дом разделенный: радикализация внутриполитической ситуации в США / И. И. Боровков, И. Ю. Кравченко, П. В. Захаров [и др.] // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 1 (76). С. 10–31. DOI [10.52311/2079-3359_2023_1_10](#). EDN [RGKFDF](#). [Borovkov I. I., Kravchenko I. Yu. [et al.]. The house divided: radicalization of the domestic political situation in the United States. *Problems of National Strategy=Problemy nacional'noj strategii*. 2023;(1):10–31. (In Russ.). DOI [10.52311/2079-3359_2023_1_10](#)].
 50. Вайнштейн Г. И. Европейский популизм в конце 2010-х // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 3. С. 29–38. DOI [10.20542/0131-2227-2018-62-3-29-38](#). EDN [YTHIDY](#). [Weinstein G. I. European populism in the late 2010s. *World Economy and International Relations=Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018;62(3):29–38. (In Russ.). DOI [10.20542/0131-2227-2018-62-3-29-38](#)].
 51. Великая Н. М., Князькова Е. А. Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России // Женщина в российском обществе. 2021. № S. С. 25–37. DOI [10.21064/WinRS.2021.0.2](#). EDN [IQOAAI](#). [Velikaya N. M., Knyazkova E. A. Reproductive rights of women in the political discourse of modern Russia. *Woman in Russian society=Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. 2021;(S):25–37. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2021.0.2](#)].
 52. Вязинкин А. Ю., Якимов К. А. Крестьянский традиционализм в годы «революционного перелома» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 5. С. 1296–1303. DOI [10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303](#). EDN [CARSNG](#). [Vyazinkin A. Yu., Yakimov K. A. Peasant traditionalism in the years of “revolutionary fracture”. *Herald of Tambov University. Series: Humanities=Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Guma-*

- nitarnye nauki*. 2022;27(5):1296–1303. (In Russ.). DOI [10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303)].
53. Гуреева А. Н., Киреева П. А. Цифровые платформы как субъекты конфликтотогенной коммуникации: особенности, эффекты, риски // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 4. С. 753–771. DOI [10.17150/2308-6203.2022.11\(4\).753-771](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(4).753-771). EDN [KNSRRO](https://elibrary.ru/knsrro). [Gureeva A. N., Kireeva P. A. Digital platforms as subjects of conflictogenic communication: features, effects, risks. *Questions of theory and practice of journalism=Voprosy teorii i praktiki journalis-tiki*. 2022;11(4):753–771. (In Russ.). DOI [10.17150/2308-6203.2022.11\(4\).753-771](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(4).753-771)].
54. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 93–108. DOI [10.31171/vlast.v29i1.7920](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920). EDN [QLQYTP](https://elibrary.ru/qlqytp). [Karpova A. Y., Maximova N. G. Schoolshooting in Russia: what matters?. *Authority=Vlast*. 2021;29(1):93–108. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v29i1.7920](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920)].
55. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 4. С. 561–571. DOI [10.17150/2500-4255.2018.12\(4\).561-571](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571). EDN [YTNWL](https://elibrary.ru/ytnywl). [Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Actual problems of counteraction to crimes of extremist orientation. Actual problems of counteraction to crimes of extremist orientation. *All-Russian criminological journal=Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 2018;12(4):561–571. (In Russ.). DOI [10.17150/2500-4255.2018.12\(4\).561-571](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571)].
56. Князев А. А. Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6, № 3. С. 266–280. EDN [APKEEI](https://elibrary.ru/apkeei). [Knyazev A. A. Afghan policy of Uzbekistan: comparative context. *Post-Soviet Studies=Postsoverskie issledovaniya*. 2023;6(3):266–280. (In Russ.)].
57. Кружкова О. В., Воробьева И. В. Личностные особенности подростков, юношей и молодёжи, вовлечённых в среду Интернет: зоны уязвимости для экстремистского воздействия в условиях цифровизации // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 4. С. 160–185. DOI [10.11621/vsp.2019.04.160](https://doi.org/10.11621/vsp.2019.04.160). EDN [WQOQQN](https://elibrary.ru/wqoqqn). [Kruzhkova O. V., Vorobyeva I. V. Personal characteristics of adolescents, young men and youth involved in the Internet environment: zones of vulnerability to extremist influence in the conditions of digitalization. *Herald of Moscow University. Series 14: Psychology=Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya*. 2019;(4):160–185. (In Russ.). DOI [10.11621/vsp.2019.04.160](https://doi.org/10.11621/vsp.2019.04.160)].
58. Кучинаев Р. Р. Актуальные проблемы развития экстремизма и терроризма в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 4. С. 258–262. EDN [RNHJGY](https://elibrary.ru/rnhjgy). [Kuchinaev R. R. Actual problems of development of extremism and terrorism in the sphere of information and telecommunication technologies. *Gaps in Russian legislation=Probely v rossijskom zakonodatel'stve*. 2023;16(4):258–262. (In Russ.)].
59. Никипорец-Такигава Г. Ю. Молодёжь и молодёжная политика в Великобритании // Современная Европа. 2018. № 1 (80). С. 47–58. DOI [10.15211/soveurope120184758](https://doi.org/10.15211/soveurope120184758). EDN [YULCWH](https://elibrary.ru/yulcwh). [Nikiporets-Takigava G. Yu. Youth and youth policy in Great Britain. *Modern Europe=Sovremennaya Evropa*. 2018;(1):47–8. (In Russ.). DOI [10.15211/soveurope120184758](https://doi.org/10.15211/soveurope120184758)].
60. Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей: логико-категориальный анализ / И. Н. Погожина, А. И. Подольский,

- О. А. Идобаева, Т. А. Подольская // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 60–94. DOI [10.17323/1814-9545-2020-3-60-94](#). EDN [IBZGEA](#). [Pogozhina I. N., Podolsky A. I., Idobaeva O. A. [et al.]. Digital behavior and features of the motivational sphere of Internet users: logical and categorical analysis. *Education Issues=Voprosy obrazovaniya*. 2020;(3):60–94. (In Russ.). DOI [10.17323/1814-9545-2020-3-60-94](#)].
61. Сенюшкина Т. А. Воссоединение Крыма с Россией как этнополитический процесс // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2015. Т. 11, № 4. С. 75–91. EDN [WFEVFH](#). [Senyushkina T. A. Crimea's reunification with Russia as an ethno-political process. *Political Expertise: POLITEX=Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2015;11(4):75–91. (In Russ.)].
62. Силантьев Р. А., Мальцев В. В., Саввин А. В. Основные причины вовлечения новообращённых мусульман России в экстремистскую и террористическую деятельность // Исламоведение. 2016. Т. 7, № 2 (28). С. 39–45. EDN [WHHODL](#). [Silantiev R. A., Maltsev V. V., Savvin A. The main reasons for the involvement of newly converted Muslims in Russia in extremist and terrorist activities. *Islamology=Islamovedenie*. 2016;7(2):39–45. (In Russ.)].
63. Сиражудинова С. В. Неофиты в структуре радикального ислама // Информационные войны. 2015. № 4 (36). С. 94–99. EDN [UXQDSJ](#). [Sirazhudinova S. V. Neophytes in the structure of radical Islam. *Information Wars=Informacionnye vojny*. 2015;4(36):94–99. (In Russ.)].
64. Стародубровская И. В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 1. С. 39–56. DOI [10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56](#). EDN [YOWMMF](#). [Starodubrovskaya I. V. The crisis of the traditional North Caucasian family in the post-Soviet period and its social consequences. *Journal of Social Policy Research=Zhurnal issledovanij social'noj politiki*. 2019;17(1):39–56. (In Russ.). DOI [10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56](#)].
65. Интернет-механизмы вовлечения в экстремистские сообщества / Ю. Р. Тагильцева, И. В. Воробьева, О. В. Кружкова [и др.] // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 189–218. DOI [10.21702/rpj.2019.1.9](#). EDN [ZYUSTS](#). [Tagiltseva Y. R., Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V. [et al.] Internet mechanisms of involvement in extremist communities. *Russian Psychological Journal=Rossiiskij psihologicheskij zhurnal*. 2019;16(1):189–218. (In Russ.). DOI [10.21702/rpj.2019.1.9](#)].
66. Тихонов В. В. «Революция повторяется!» (Образ Революции 1917 года в эпоху перестройки) // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 205–216. EDN [WGHTRX](#). [Tikhonov V. V. “The Revolution is repeating itself!” (Image of the Revolution of 1917 in the era of perestroika). *The New Past=Novoe proshloe*. 2016;(2):205–216. (In Russ.)].
67. Усманов И. М. Исламская радикализация осуждённых к лишению свободы — миф или реальность? // Право и безопасность. 2014. № 2. С. 52–55. EDN [TBIZLP](#). [Usmanov I. M. Islamic radicalization of prisoners sentenced to imprisonment — myth or reality?. *Law and Security=Pravo I bezopasnost'*. 2014;(2):52–55. (In Russ.)].
68. Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы, прогнозы // Современная Европа. 2017. № 4 (76). С. 5–16. EDN [ZULYQX](#). [Fituni L. L., Abramova I. O. The phenomenon of “Eastern society” in modern Europe: paradigms, challenges, forecasts. *Modern Europe=Sovremennaya Evropa*. 2017;(4):5–16. (In Russ.)].

69. Лощаков Д. Г. Радикализация молодёжи в современном российском обществе и её факторы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 35–39. EDN [UJVCIJ](#). [Loshchakov D. G. Radicalization of youth in modern Russian society and its factors. *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*=*Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii*. 2015;(6):35–39. (In Russ.)].
70. Изучение процесса онлайн-радикализации молодёжи в социальных медиа (междисциплинарный подход) / А. Ю. Карпова, А. О. Савельев, А. Д. Вильнин, Д. В. Чайковский // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 159–181. DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1585](#). EDN [CXJJUW](#). [Karpova A. Y., Savelev A. O., Vilnin A. D., Chaykovskiy D. V. Studying online radicalization of youth through social media (interdisciplinary approach). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*=*Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2020;(3):159–181. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1585](#)].
71. Радикализация в подростково-молодёжной среде: в поисках объяснительной схемы / А. Д. Тихонова, Н. В. Дворянчиков, А. Эрнст-Винтила, И. Б. Бовина // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 3. С. 32–40. DOI [10.17759/chp.2017130305](#). EDN [ZHAVXX](#). [Tikhonova A. D., Dvoryanchikov N. V., Ernst-Vintila A., Bovina I. B. Radicalization in the adolescent-youth environment: in search of an explanatory scheme. *Cultural-Historical Psychology*=*Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*. 2017;13(3):32–40. (In Russ.). DOI [10.17759/chp.2017130305](#)].
72. Правовые основы противодействия кибертерроризму в России и за рубежом с позиции общественно-политического измерения / Г. П. Кулешова, Е. А. Капитонова, Г. Б. Романовский // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 156–165. DOI [10.17150/2500-4255.2020.14\(1\).156-165](#). EDN [GMWAWG](#). [Kuleshova G. P., Kapitonova E. A., Romanovsky G. B. Legal foundations of countering cyberterrorism in Russia and abroad from the position of socio-political dimension. *All-Russian Journal of Criminology*=*Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 2020;14(1):156–165. (In Russ.). DOI [10.17150/2500-4255.2020.14\(1\).156-165](#)].
73. Курдина-Чэндлер С. Г. Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9, № 4. С. 6–15. DOI [10.17835/2076-6297.2017.9.4.006-015](#). EDN [YMUSOJ](#). [Kirdina-Chandler S. G. Radical Institutionalism and Fake Economics in the 21st Century. *Journal of Institutional Research*=*ZHurnal institucional'nyh issledovaniy*. 2017;9(4):6–15. (In Russ.). DOI [10.17835/2076-6297.2017.9.4.006-015](#)].
74. Кучмезов Р. А. Синергетический эффект глобализации и его проявление в радикализации молодёжи // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 3. С. 60–63. EDN [EOFFSG](#). [Kuchmezov R. A. Synergetic effect of globalization and its manifestation in the radicalization of youth. *Gaps in Russian legislation*=*Probely v rossijskom zakonodatel'stve*. 2021;14(3):60–63. (In Russ.)].
75. Do Machines Replicate Humans? Toward a Unified Understanding of Radicalizing Content on the Open Social Web / M. Hall, M. Logan, G. S. Ligon, D. C. Derrick // *Policy & Internet*. 2019. Vol. 12, № 1. P. 109–138. DOI [10.1002/poi3.223](#).
76. Merton R. K. Sociological ambivalence and other essays. N. Y. : The Free Press, 1976. 287 p. ISBN 978-0029211205.

Сведения об авторах

А. Ю. Карпова

доктор социологических наук,

профессор

SPIN-код: 9274-2660

А. О. Савельев

кандидат технических наук,

доцент

SPIN-код: 7576-7564

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024; одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 15.07.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.4

TRENDS IN THE DYNAMICS OF RADICALIZATION PHENOMENON RESEARCHES: SCIENTOMETRIC ANALYSIS

Anna Yurievna Karpova¹

Aleksei Olegovich Savelev²

^{1, 2} National Research Tomsk Polytechnic University

Tomsk, Russia,

¹ belts@tpu.ru,

ORCID 0000-0001-7854-1438

² sava@tpu.ru,

ORCID 0000-0002-7466-6142

For citation: Karpova A. Yu, Savelev A. O. Trends in the dynamics of radicalization phenomenon researches: scientometric analysis. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(3):76–107. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.4.

Abstract. In an attempt to explain “who, how and why comes to terrorism?”, the research hypothesis that radicalisation is a predictor of terrorism emerged at the beginning of the 21st century. From this moment, the formation of a new scientific research direction on the phenomenon of radicalisation began and dynamically developing interdisciplinary field of study in the second decade of the 21st century. The article presents the results of radicalisation research current state scientometric analysis the in the Russian and foreign research field, identifies trends and directions, outlines the opportunities and limitations of the development of scientific direction in Russia. The choice of the time period for the analysis (2014–2023) is due to the fact that the second decade of radicalisation research is the most active and productive. In Russia, radicalisation

studies appeared only in this period. Based on the results of quantitative and qualitative analysis of Russian and foreign publications, the specific characteristics of the research current state are outlined. The key conclusion is that in the study of radicalisation, Russian researchers lag behind by at least a decade, the reasons for the lag and opportunities for the development of scientific direction in Russia are outlined.

Keywords: radicalization, extremism, terrorism, youth, media, Internet, social networks, data mining

Acknowledgments: the study is funded by the Science State Program as part of the project No FSWW-2024-0023.

Information about the Authors

A. Yu. Karpova

Doctor of Sociology,
Professor

ResearcherID: **R-4472-2016**

Scopus AuthorID: **57195979782**

A. O. Savelev

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor

ResearcherID: **E-9905-2017**

Scopus AuthorID: **57221834098**

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 22.03.2024; approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 15.07.2024.

ДИНАМИКА ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК ГОРОДСКИХ РОДИТЕЛЕЙ

Татьяна Александровна Гурко

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

tgurko@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-3804-0924

Для цитирования: Гурко Т. А. Динамика повседневных практик городских родителей // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 108–124. DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.5. EDN DZTFAW.

Аннотация. В целях дальнейшего совершенствования семейной политики в статье поставлена задача проанализировать динамику повседневных практик родителей. Эмпирической основой являются базы данных по индивидам Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ-2011, 2016, 2018, 2020, 2022 гг.), которое проводится Федеральной службой государственной статистики. Сформированы подвыборки отцов и матерей, проживающих в городе с детьми в возрасте до 15 лет. Повседневные практики родителей анализируются на основе содержащихся в базе данных индикаторов работы, досуга, занятий спортом, здоровья, курения и употребления алкоголя в зависимости от пола, уровня образования и числа детей. В статье представлен анализ российских и зарубежных исследований о трансляции детям конструктивных и деструктивных родительских практик. Показано, что в течение анализируемого периода стабильна доля родителей, работающих по специальности, посещающих различные учреждения досуга, участвующих в деятельности политических и общественных организаций, занимающихся спортом и употребляющих алкоголь. Почти в два раза сократилась пропорция матерей, посещающих религиозные учреждения и встречи верующих. Позитивные тенденции значительного увеличения доли и отцов, и матерей, удовлетворённых профессией и заработной платой, совершающих туристические поездки, положительно оценивающих своё здоровье и уменьшение доли курящих отцов. Согласно анализу КОУЖ-2022 больше родителей с высшим образованием работают по специальности, удовлетворены заработной платой, имеют возможность работать дистанционно через Интернет, практикуют покупки продуктов питания и товаров через Интернет, совершают туристические поездки, посещают театр, музеи, выставки, рестораны, участвуют в общественной деятельности, не курят, занимаются спортом или активными видами отдыха в сравнении с родителями без высшего образования. Многодетные родители схожи по типам профессиональных занятий и уровню образования с одно-двухдетными. Безусловное преимущество многодетных родителей — значительная доля верующих отцов и наименьший уровень потребления алкоголя отцами и матерями. Позитивные тенденции в повседнев-

ной жизнедеятельности родителей внушают оптимизм в отношении перспектив рождаемости и качества родительства.

Ключевые слова: повседневные практики родителей, дети, город, работа, досуг, спорт, здоровье, курение, употребление алкоголя, уровень образования

Введение

Благополучие детей является приоритетом российской семейной политики. В числе главных целей Плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства на период до 2027 года, «создание благоприятных условий для гармоничного развития детей»¹. В свою очередь, реализация такой цели предполагает наличие условий для успешного родительства. Анализ динамики повседневных практик актуален как с точки зрения благополучия самих родителей, так и детей.

В России ещё до революции считалось, что пример родителей гораздо важнее, «нежели устные их наставления. Поэтому родители обязаны наблюдать за своим поведением, чтобы оно служило примером добра, внушаемого ими детям» [1, с. 131]. И российские, и зарубежные данные свидетельствуют, что привычки и стили жизни родителей как конструктивные, так и деструктивные транслируются детям. В тоже время и сами дети в условиях префигуративной культуры в процессе освоения нового опыта также могут передавать своим родителям определённые знания и навыки.

Исследования, проведённые в разных странах, подтверждают влияние употребления алкоголя родителями на употребление алкоголя в подростковом возрасте и во взрослой жизни. Помимо действия генетических факторов, дети воспроизводят образцы поведения родителей, связанные с употреблением алкоголя. На выборке английских родителей и детей из базы данных когортного исследования установлено, что курение, употребление алкоголя и физическая активность родителей влияют на употребление алкоголя, курение и физическую активность шестнадцатилетних мальчиков и девочек вне зависимости от структуры и материального уровня семьи [2]. Исследования австралийских подростков показали, что риск употребления алкоголя выше, если матери и отцы увеличивали употребление алкоголя в раннем подростковом возрасте детей [3]. У тайваньских школьников, поддерживающих близкие отношения с пьющими родителями, вероятность употребления алкоголя намного больше в сравнении с подростками, которые дистанцированы от них

¹ Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 23 января 2021 г. № 122-р. : URL: <http://static.government.ru/media/files/3WkqE4GAwQXaIGxpAipFLmqCYZ361Kj0.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

[4]. Согласно исследованию шведских старшеклассников, подростки, которые считают, что у родителей были проблемы из-за алкоголя, тем не менее сами склонны к его употреблению [5]. На выборке российских школьников было показано, что дети тех родителей, которые употребляют алкоголь и курят, также рано начинают потреблять алкогольные напитки и курить [6, с. 45]. По данным репрезентативного исследования также установлено, что доля российской молодёжи, которая потребляет алкоголь, выше в семьях, где пьют оба родителя. «В подгруппе 14–17 лет таких около 20%, в подгруппе 18–22 лет — почти 70% ... Данные по полу отличаются незначительно» [7, с. 167].

Зависимость от никотина также передаётся от поколения к поколению [8; 9]. Подростки, чьи родители курят, курили в четыре раза чаще в сравнении с подростками, родители которых не курят [10, с. 987]. Пример курящих родителей статистически более значим в сравнении с влиянием сверстников [11, с. 685]. От родителей детям транслируется антисоциальное поведение вне зависимости от пола детей и родителей [12, с. 161]. Высока вероятность попадания в тюрьму как сыновей, так и дочерей родителей, попавших в тюрьму, дочери таких родителей обычно сами не совершают противоправных поступков, но для сожительства или брака выбирают антисоциального партнёра [13, с. 463]. На выборке испанской молодёжи показано, что транслируется весь шаблон поведения родителей: курение сигарет или наркотиков и противоправное поведение [14, с. 428].

Родители выступают и образцом позитивных практик. На материале биографических интервью с собственниками российского малого бизнеса показана трансляция формальных и неформальных норм профессиональной деятельности в бизнес-династиях [15, с. 132]. Российских данных о трансляции от родителей детям привычки вести здоровый образ жизни практически нет. Согласно данным зарубежных исследований занятия родителей спортом и физкультурой воспроизводятся детьми. Учёные из Нидерландов установили, что физическая активность матерей во время досуга связана с регулярными занятиями физическими упражнениями дочерей дошкольного возраста, а физическая активность отцов — с физическими упражнениями сыновей. Склонность к сидячему образу жизни родителей также транслируется детям [16, с. 28]. На основе вторичного анализа данных крупномасштабного опроса в Японии было показано, что на интенсивность занятия спортом школьников младших классов влияет не только вовлечённость родителей в занятия спортом, но и занятия матерей спортом в детстве [17, с. 16]. В исследовании норвежских подростков установлена положительная взаимосвязь между занятиями

спортом родителей и детей, участием юношей и девушек в спортивных соревнованиях [18, с. 943]. В три раза больше среди тайваньских учащихся старших классов тех, чьи родители регулярно занимались физическими упражнениями, выполняли физические упражнения в сравнении с учащимися, чьи родители этого не делали [19, с. 2].

Согласно анализу зарубежных исследований, к факторам, оказывающим значимое влияние на воспроизводство религиозности, относятся ценностные ориентации родителей, характер религиозности, отношения между супругами, отношение к детям, используемые стили воспитания и стратегии взаимодействия [20, с. 87]. По данным исследовательского центра Пью (Pew Research Center), родители предпочитают передать детям прежде всего свои религиозные взгляды, нежели политические. Тем не менее сравнение взглядов родителей и их детей-подростков в возрасте от 13 до 17 лет свидетельствует о передаче и религиозных, и политических убеждений. У более чем 80% родителей, которые разделяли те или иные религиозные или политические взгляды, подростки идентифицировали себя таким же образом. У родителей, не выбирающих никакую политическую партию, подростки были аполитичны, у родителей атеистов дети также были атеистами. Практически такая же закономерность сохраняется в отношении трансляции религиозных взглядов взрослым детям [21]. Согласно российским данным трансляция религиозности родителей детям зависит от отношения к ребёнку как к субъекту или объекту. В семьях с субъектным типом взаимодействия родители с уважением относились к позиции ребёнка и создавали условия для сотрудничества, партнёрства, в том числе и в процессе освоения ребёнком религиозного мира. В авторитарных семьях трансляция религиозности происходит реже [22, с. 111].

В меняющихся условиях социализации новых поколений требуются данные о трансляции родительских практик в российском контексте. Такие лонгитюдные исследования могли бы выявлять факторы и адаптивные стратегии, которые позволяют детям выстраивать собственные жизненные траектории и не повторять негативный родительский опыт.

Научную проблему можно обозначить как неполное знание о трансляции жизненных стилей родителей детям в российских социокультурных условиях и незнанием о направлении изменения повседневных практик родителей, проживающих с несовершеннолетними детьми. Результаты анализа такой динамики могут быть востребованы при разработке программ повышения родительской компетентности.

Основная цель статьи — проанализировать динамику повседневных родительских практик и их дифференциацию в зависимости от пола родителей, уровня образования и числа детей.

Эмпирическая база

Для анализа динамики повседневных практик родителей использовались базы данных по индивидам Комплексного наблюдения условий жизни населения — КОУЖ-2011, 2016, 2018, 2020, 2022 гг.¹. КОУЖ проводится Федеральной службой государственной статистики с интервалами в несколько лет по выборкам около 60 тыс. домохозяйств. Поскольку образ жизни родителей в городе и сельской местности различается, по каждому срезу формировались подвыборки городских отцов и матерей, проживающих с детьми в возрасте до 15 лет. Данные обработаны в IBM SPSS Statistics-26.

Объектом анализа выступили городские родители, проживающие с детьми в возрасте до 15 лет. Предмет исследования верифицируется на основе имеющихся в базе данных КОУЖ индикаторов.

В выборке КОУЖ-2022 г. 40,2% отцов и 48,8% матерей имели высшее образование, 47,0% и 39,1% соответственно — среднее профессиональное, 12,8% и 12,1% — среднее. 69,9% отцов и 65,4% матерей проживали с одним ребёнком до 15 лет, 32,1% отцов и 28,7% матерей — с двумя детьми, 6,9% и 5,9% — с тремя и более.

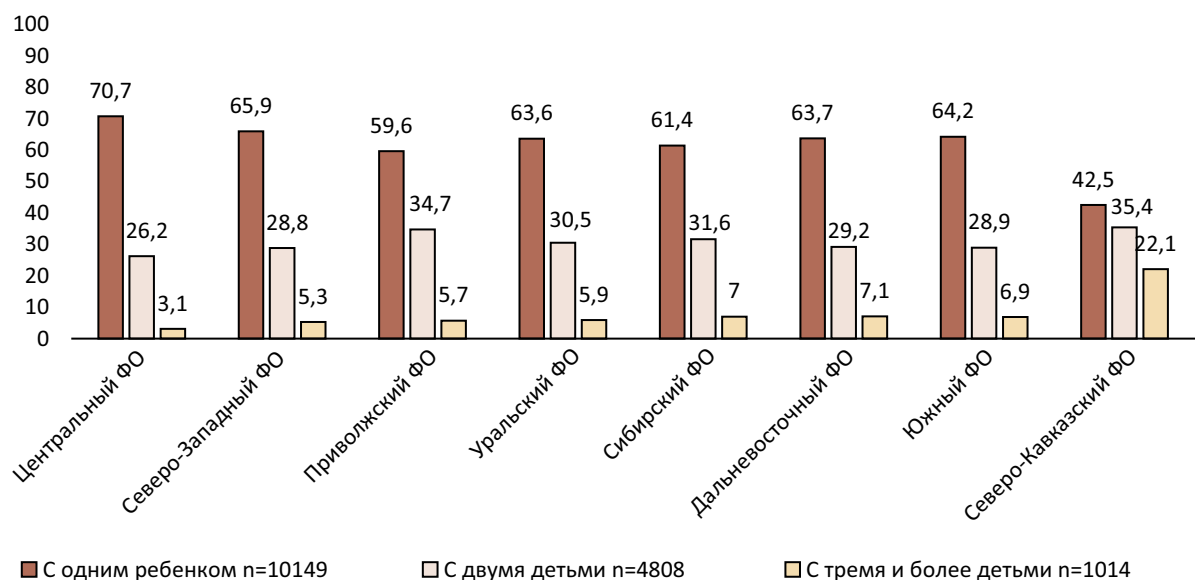

Рис. 1. Распределение городских родителей, проживающих с детьми до 15 лет, по числу детей по Федеральным округам РФ, КОУЖ-2022, %

¹ Комплексное наблюдение условий жизни населения-2011, 2016, 2018, 2020, 2022 // Федеральная служба государственной статистики РФ : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html; https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html; https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html; https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 12.03.2024).

Представленные данные о родителях, проживающих с детьми до 15 лет, дают не совсем полную картину многодетности по регионам (см. рис. 1). Очевидно, у родителей могут быть и дети более старшего возраста, и взрослые дети, проживающие отдельно. Тем не менее можно видеть, что существенно больше многодетных (22,1%) и меньше всего однопородных (42,5%) родителей проживает в Северо-Кавказском ФО. Больше всего многодетных (42%) — в Чеченской республике, в Республике Ингушетия — (36,0%). Меньше всего многодетных (3,1%) и больше однопородных (70,7%) родителей — в Центральном ФО. В Белгородской, Брянской, Владимирской областях — менее 2% многодетных родителей.

Результаты анализа

Безопасность и комфортность окружающей городской инфраструктуры имеет важное значение с точки зрения успешного функционирования семей, качества родительства и репродуктивных намерений. Судя по оценкам родителей за период 2011–2022 гг. условия окружающей среды существенно изменились в лучшую сторону (см. рис. 2).

Рис. 2. Динамика оценки городскими родителями наличия проблем по месту жительства (ранжировано по данным 2011 года), КОУЖ-2011, 2016, 2022, %

Более чем в два раза в населённом пункте проживания уменьшились проблемы, связанные с распространённостью алкоголизма (отметили в 2011 году 48,5 и 22,8% в 2022 году), наркомании (29,6 и 15,2% соответственно), вандализма, умышленного разрушения в общественных местах и жилых домах (28,6 и 16,7% соответственно), меньше родителей стали считать проблемой высокий уровень преступности (17,5 и 5,9%). Недоступность дошкольного и школьного образования в 2011 году отмечали 17,6% родителей, в 2022 году — 7,5%. Сократились проблемы из-за плохого состояния дорог, улучшилась безопасность дорожного движения (61,2 и 47,0%), состояние окружающей среды (52,3 и 28,8%), работа жилищно-коммунальных служб (43,6 и 26,2%). Медленнее, но решаются и такие проблемы, как большая отдалённость мест проведения отдыха и досуга (31,7 и 22,9%), объектов для занятий физкультурой и спортом (28,0 и 18,9%) и учреждений культуры (25,5 и 18,9%).

Незначительные различия между округами в 2022 году зафиксированы в отношении проблем, связанных с состоянием дорог, безопасностью дорожного движения (коэффициент Крамера $V=0,18^1$), загрязнённостью окружающей среды ($V=0,13$), недоступностью государственных и муниципальных услуг в сфере медицинского обслуживания ($V=0,12$), распространённостью алкоголизма ($V=0,12$). Меньше всего родителей отмечали наличие таких проблем в Северо-Кавказском ФО. Возможно, на наличие наибольшей доли многодетных городских родителей именно в этом округе влияет не только этноконфессиональный фактор, но и удовлетворённость родителей качеством городской инфраструктуры.

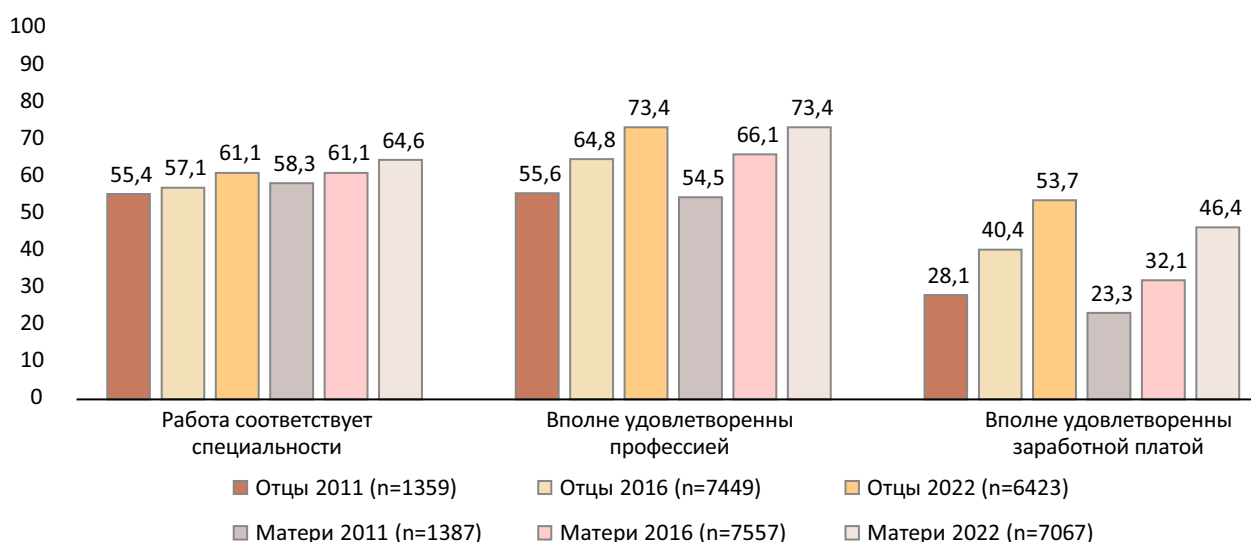

Рис. 3. Динамика отдельных индикаторов профессиональной сферы родителей, КОУЖ-2011, 2016, 2022, %

¹ Здесь и далее приводятся коэффициенты Крамера, значимые на уровне $p=0,000$.

Доля и отцов, и матерей, основная работа которых полностью соответствует полученной специальности (согласно выданному диплому, свидетельству об образовании) или которые работают по близкой специальности, с 2011 года по 2022 год увеличилась незначительно (см. рис. 3). Эта доля больше у родителей с высшим уровнем образования — 76,1%, средним профессиональным — 63,1% и незначительна у родителей со средним уровнем — 2,9%.

Существенно возросла пропорция родителей, которые удовлетворены профессией, имеют возможности для профессионального роста (см. рис. 3). По данным КОУЖ-2022 родители с высшим и средним профессиональным образованием удовлетворены профессией практически в равной мере. Значима зависимость между работой по специальности и профессиональной удовлетворённостью ($V=0,23$). То есть больше родителей, работающих по специальности, удовлетворены профессией, что, безусловно, влияет и на удовлетворённость в других сферах жизнедеятельности.

Практически в два раза возросла пропорция как отцов, так и матерей, удовлетворённых заработной платой (см. рис. 3). В 2022 году больше родителей с высшим образованием были удовлетворены заработной платой ($V=0,23$) в сравнении с родителями без высшего образования. Родители с разным числом детей не различаются по индикаторам на рисунке 3.

В период коронавирусной инфекции и глобальной цифровизации широкое распространение получила дистанционная занятость. В 2022 году 44,1% отцов и 57,1% матерей с высшим образованием, 12,5% отцов и 22,3% матерей со средним профессиональным образованием указали, что характер работы позволяет выполнять её дистанционно, через Интернет. Воспользовались таким ресурсом 35,5% отцов и 45,3% матерей с высшим образованием и 7,4 и 15,5% соответственно со средним профессиональным. Возможность работать удалённо создаёт условия для совмещения профессиональных и родительских ролей, что, в свою очередь, является одним из факторов повышения рождаемости среди образованных групп. По крайней мере, среднее число детей в расчёте на одну женщину не уменьшается среди городских матерей с высшим образованием в сравнении с городскими матерями без высшего образования [23, с. 73]. Гипотеза, согласно которой родители с несколькими детьми чаще работают дистанционно, не подтвердилась. Воспользовались таким ресурсом в 2022 году 16,4% отцов и 28,2% матерей вне зависимости от числа детей.

Меняются ли досуговые практики городских родителей? На рисунке 4 представлены только те индикаторы, по которым установлена заметная динамика. Увеличилась доля отцов и матерей, которые совершают тури-

стические поездки (см. рис. 4). Эта тенденция особенно выражена среди родителей с высшим образованием, в 2022 году бывали в туристических поездках 72,2%, что значительно больше в сравнении с родителями без высшего образования ($V=0,21$). Новые поколения городских родителей мобильны и много путешествуют вне зависимости от числа детей.

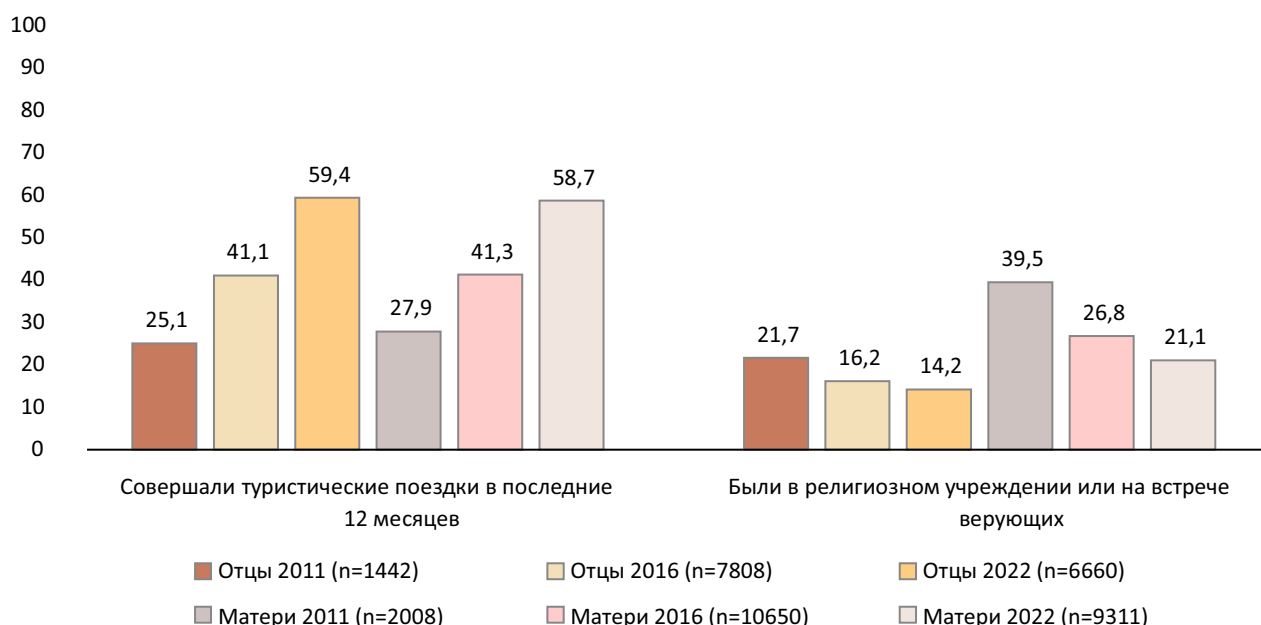

Рис. 4. Динамика доли родителей, совершавших туристические поездки и посещающих религиозные учреждения, КОУЖ-2011, 2016, 2022, %

Сокращается доля родителей, посещающих религиозные учреждения и встречи верующих, причём доля матерей уменьшилась почти в два раза, что, очевидно, отражается и на трансляции религиозности детям. Больше всего отцов (54,0%), а не матерей (13,2%), посещающих религиозные учреждения или встречи верующих, в Северо-Кавказском ФО. Уровень образования родителей не связан с посещением религиозных учреждений. В то же время более чем в два раза многодетных отцов (28,4%), в сравнении с одно-двуухдетными (13,1%), посещают религиозные учреждения, причём 58,8% многодетных отцов делают это регулярно.

В период с 2011 по 2022 гг. мало изменилась доля родителей, которые посещали различные места проведения досуга в течение последнего года (см. рис. 5). В 2022 году в два раза больше матерей нежели отцов бывали в театре, музее, на выставке, почти в два раза больше отцов, в свою очередь, посещали спортивные мероприятия в качестве зрителя. Больше матерей (19,3%), нежели отцов (4,9%), занимаются в свободное время каким-либо творчеством (живописью, кино-, фото- и видеосъёмкой, музыкой, пением, танцами). Родители с высшим образованием чаще проводят

досуг вне дома. В 2022 году больше их бывали в театре ($V=0,23$), музее на выставке ($V=0,21$), ресторане ($V=0,19$), на концерте ($V=0,14$) в сравнении с родителями без высшего образования. Число детей не влияет на досуговые практики родителей. Лишь меньше многодетных родителей бывали в кино (33,4%) и ресторанах (44,3%).

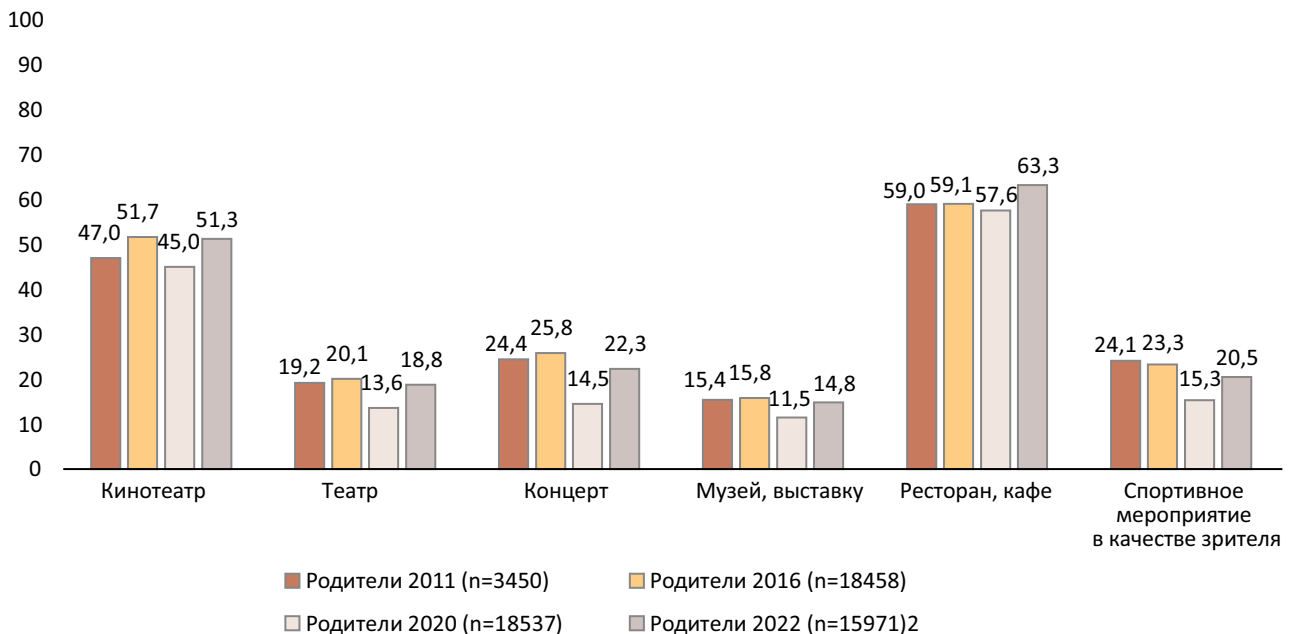

Рис. 5. Посещение родителями различных мест проведения досуга в течение последнего года, КОУЖ-2011, 2016, 2020, 2022, %

Имеющиеся данные позволяют видеть и процесс изменения повседневного образа жизни до и после периода пандемии. Так, например, в 2020 году уменьшилась доля родителей, посещающих различные места проведения досуга, после снятия ограничений родители вернулись к привычным повседневным практикам (см. рис. 5).

В то же время в период вынужденной изоляции распространилась относительно новая дистанционная практика покупок без посещения магазинов. Явился ли фактор изоляции основным, с уверенностью утверждать нельзя. Тем не менее, с 2018 по 2022 гг. в разы увеличилась доля родителей, которые постоянно использовали почту или Интернет для покупки продуктов питания, одежды, обуви, бытовой техники и др. (см. табл. 1). Более чем в два раза больше родителей с высшим образованием практикуют покупки через Интернет в сравнении с родителями без высшего образования.

На протяжении анализируемого периода стабильно мала доля родителей, которые являются членами каких-либо профсоюзных, общественных, добровольных или благотворительных организаций, принимают уча-

Таблица 1

Динамика доли городских отцов и матерей, использующих почту или Интернет для покупок, КОУЖ-2018, 2022, в %

Использовали в этом году почту или Интернет для...	Отцы, (2018, n=7728)	Матери, (2018, n=10659)	Отцы, (2022, n=6660)	Матери, (2022, n=9311)
<i>покупки продуктов питания, средства личной гигиены</i>				
<i>постоянно</i>	1,8	2,2	10,1	13,9
<i>в отдельных случаях</i>	13,5	16,6	31,5	40,2
<i>покупки одежды, обуви</i>				
<i>постоянно</i>	5,1	8,4	12,9	20,8
<i>в отдельных случаях</i>	29,7	34,5	45,9	57,7
<i>покупки бытовой техники, радиоэлектронной аппаратуры, средств связи</i>				
<i>постоянно</i>	5,0	4,5	11,7	13,0
<i>в отдельных случаях</i>	28,6	26,1	44,8	46,2

стие в общественных движениях — 2% в 2011 году, 6% в 2016–2022 гг. Более активны матери с высшим образованием, их доля — 3,8 и 9% соответственно. В 2022 году лишь 0,4% родителей принимали участие в деятельности волонтерских движений, организаций, 0,4% — в деятельности политических партий, массовых молодежных объединений, женских союзов, 0,3% — неформальных объединений по любительским увлечениям, интересам. Новые поколения родителей погружены в профессиональную и частную сферы жизни и социально пассивны.

Подробно описать динамику занятий городских родителей спортом и активными видами отдыха с 2011 года нет возможности, поскольку в срезах КОУЖ разных лет менялись индикаторы таких занятий. В 2022 году занимались спортом или активными видами отдыха 33,7% отцов и 26,3% матерей, больше родителей с высшим образованием ($V=0,19$). Так, например, занимались силовыми тренировками, спортивными танцами, играли в хоккей, футбол 27,9% отцов с высшим образованием, 18,8% со средним профессиональным и 13,8% со средним уровнем образования (соответственно 8,3, 5,7 и 3,5% матерей). Посещали абонементные занятия по плаванию, фитнесу 7,8% отцов с высшим, 6,6% — со средним профессиональным и 2,9% — со средним уровнем образования (соответственно 24,7, 15,5 и 6,7% матерей). И с точки зрения физического здоровья самих родителей, и полезного примера для своих детей эта доля невелика. Причины, по которым родители не занимаются спортом вне зависимости от пола родителей, числа детей и уровня образования преимущественно субъективные: «не хватает времени» — 68,6%, «нет желания» — 18,5%, «высокая стоимость занятий» — 5,7%, «нет рядом с домом мест для за-

нятий» — 2,7%, другие причины — 4,5%. Такое отношение родителей к собственным занятиям спортом не способствует и формированию у детей привычки вести здоровый образ жизни.

Тем не менее увеличилась доля родителей, положительно оценивающих своё здоровье. Доля отцов, которые считают своё здоровье очень хорошим и хорошим (на рисунке 6 — «оценивают здоровье как хорошее»), увеличилась с 57 до 71,8%, а матерей с 52,2 до 69,7%. В 2022 году больше отцов с высшим образованием положительно оценили своё здоровье в сравнении с отцами без высшего образования ($V=0,17$), различий между матерями по уровню образования и по числу детей между родителями не установлено. Наметилась позитивная тенденция уменьшения доли курящих отцов с 64,1 до 51,1%, причём доля курящих отцов с высшим образованием сокращается значительно быстрее. Курящих матерей значительно меньше, нежели отцов — в 2022 году соответственно 15,1 и 51,1%. Курят меньше родителей с высшим образованием ($V=0,18$). Число детей не связано с курением родителей.

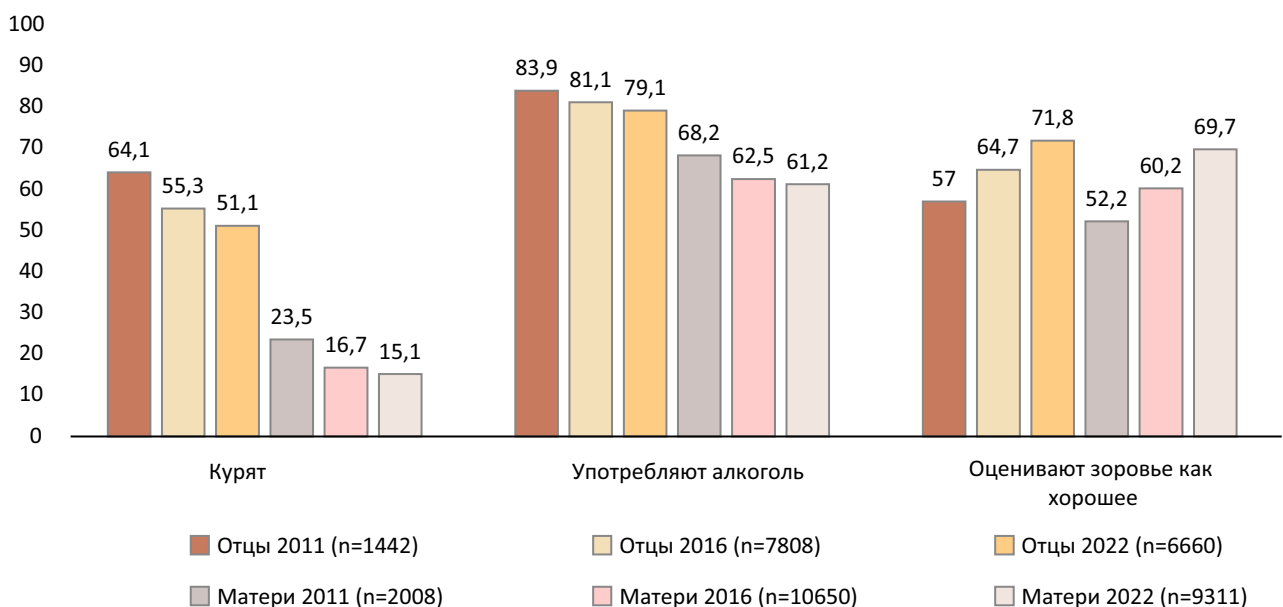

Рис. 6. Динамика курения, употребления алкоголя и оценок здоровья родителями, КОУЖ-2011, 2016, 2022, %

Доля отцов и матерей, употребляющих алкоголь, уменьшается незначительно (см. рис. 6). В 2022 году доля родителей, употребляющих алкоголь, а также крепкие напитки, вино или пиво только по праздникам не зависит от уровня образования. Статистически значимо меньше многодетных родителей употребляют алкоголь в сравнении с одно-двухдетными родителями ($V=0,23$).

Таким образом, по имеющимся индикаторам повседневные практики родителей различаются прежде всего в зависимости от уровня образования и в меньшей мере от числа детей.

Больше родителей с высшим образованием работают по специальности, удовлетворены заработной платой, имеют возможность работать дистанционно, практикуют покупки продуктов питания и товаров через Интернет, совершают туристические поездки, посещают театр, музеи, выставки, рестораны, участвуют в общественной деятельности, не курят, занимаются спортом или активными видами отдыха в сравнении с родителями без высшего образования.

Данные КОУЖ-2022 подтверждают и утверждение о том, что многодетность не является неблагополучной, как это считалось несколько десятилетий назад [24, с. 122]. Многодетные родители схожи по типам профессиональных занятий с одно-двухдетными, более того, среди них незначительно выше доля и отцов, и матерей руководителей органов власти и управления. Доля многодетных с высшим образованием отцов такая же, как у одно-двухдетных, доля многодетных матерей ненамного меньше. Досуговые практики многодетных родителей также разнообразны как у одно-двухдетных родителей, они лишь реже бывают в кино и ресторанах. Безусловное преимущество многодетных родителей — значительная доля верующих отцов, регулярно посещающих церковь, и наименьший уровень потребления алкоголя отцами и матерями. Несмотря на наличие множества ассоциаций многодетных родителей как на федеральном, так и региональном уровнях, участие в их деятельности многодетных родителей незначительно.

Заключение

Можно считать, что за период 2011–2022 гг. социально-экономические условия жизни родителей существенно улучшились. Стала более безопасной и комфортной окружающая городская инфраструктура. В первую очередь это касается проблем, связанных с распространённостью алкоголизма, наркомании, хулиганства и высокого уровня преступности. Практически не увеличилась, но и не уменьшилась доля и отцов, и матерей, основная работа которых полностью соответствует полученной специальности или работающих по близкой специальности. В тоже время существенно возросла доля и отцов, и матерей, которые удовлетворены своей профессией, почти в два раза больше стали удовлетворены заработной платой.

Почти в два раза больше и отцов, и матерей стали совершать туристические поездки, новые поколения городских родителей мобильны и путешествуют с детьми. Практически не изменилась доля родителей, которые бывают в местах проведения досуга. По-прежнему больше матерей, нежели отцов бывают в театре, музее, на выставке, отцы, в свою очередь, чаще

посещают спортивные мероприятия. Почти в два раза сократилась доля матерей, посещающих религиозные учреждения. Стабильно мала доля родителей, которые принимают участие в деятельности политических партий и общественных организаций.

Заметно возросла доля родителей, положительно оценивающих своё здоровье, уменьшается доля курящих отцов. В то же время стабильно высока доля и отцов, и матерей, употребляющих алкоголь. Не увеличивается доля родителей, которые занимаются спортом и активными видами отдыха. В этой связи важна популяризация данных исследований о трансляции от родителей детям вредных привычек и малоподвижного образа жизни. Тем не менее ряд позитивных тенденций в повседневной жизнедеятельности родителей внушает оптимизм в отношении перспектив рождаемости и качества родительства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. *Бажанов В. Б.* Об обязанностях христианина. СПб. : Издание И. Л. Тузова, Гостиный двор, 1913. 161 с. [Bazhanov V. B. On the duties of a Christian (Ob obyazannostyakh xristianina). I. L. Tuzov's edition. St. Petersburg: Gostiny'y dvor; 1913. 161 p. (In Russ.)].
2. *Abbafati C.* Parental Influence on Children's Unhealthy Lifestyle Activities in UK. Working Papers 7/10, 2010. Sapienza University of Rome // IDEAS : [сайт]. URL: <https://ideas.repec.org/p/saq/wpaper/7-10.html> (дата обращения: 15.04.2024).
3. The Role of Parental Alcohol Use, Parental Discipline and Antisocial Behaviour on Adolescent Drinking Trajectories / R. Alati, P. Baker, K. S. Betts [et al.] // Drug and Alcohol Dependence. 2014. Vol. 134. P. 178–184. DOI [10.1016/j.drugalcdep.2013.09.030](https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2013.09.030).
4. Parent-Youth Relationships and Youth Alcohol Use: The Moderating Role of Parental Alcohol Use / C. Yang, A. C. Shen, Y. Hsieh [et al.] // International Journal of Mental Health and Addiction. Published online: 20 October 2023. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11469-023-01177-w> (дата обращения: 15.04.2024).
5. Perceived Parental Alcohol Problems and Drinking Patterns Among Adolescents in Sweden / H. M. Workie, J. Wahlström, J. Svensson, S. B. Låftman // Addictive Behaviors Reports. Published online: 2024. Vol. 19. June. Art. 100535. DOI [10.1016/j.abrep.2024.100535](https://doi.org/10.1016/j.abrep.2024.100535). EDN **TOURXT**.
6. *Жегусов Ю. И., Корякина З. И.* Деструктивные явления в семье как факторы, препятствующие формированию ответственного родительства // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 12 (56). С. 44–49. DOI [10.24158/spp.2018.12.6](https://doi.org/10.24158/spp.2018.12.6). EDN **PMASSL**. [Zhegusov Yu. I., Koryakina Z. I. Destructive phenomena in the family as factors hindering the formation of responsible parenthood. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy=Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika*. 2018;(12):44–49. (In Russ.). DOI [10.24158/spp.2018.12.6](https://doi.org/10.24158/spp.2018.12.6)].
7. *Кондратенко В. А.* Структура и типы потребления алкоголя российской молодёжью и их родителями в 2006–2019 гг. // Вестник Российского мониторинга

- экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 12 : сб. науч. ст. / Отв. ред. П. М. Козырева. М. : Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2022. С. 150–177. DOI [10.19181/rlms-hse.2022.5](https://doi.org/10.19181/rlms-hse.2022.5). EDN [ZGRTCK](https://www.edn.ru/ZGRTCK). [Kondratenko V. A. Structure and types of alcohol consumption by Russian youth and their parents in 2006–2019. In: Bulletin of Russian longitudinal monitoring survey of the Higher School of Economics (RLMS-HSE). Issue 12: collection of scientific articles P. M. Kozyreva ed. Moscow: Nac. issled. un-t «Vy'sshaya shkola e'konomiki»; 2022: P. 150–177. (In Russ.). DOI [10.19181/rlms-hse.2022.5](https://doi.org/10.19181/rlms-hse.2022.5)].
8. Intergenerational Transfer of Smoking Across Three Generations and Forty-five years / E. A. Vandewater, S. E. Park, F. R. Carey, A. V. Wilkinson // *Nicotine and Tobacco Research*. 2013. Vol. 16, № 1. P. 11–17. DOI [10.1093/ntr/ntt112](https://doi.org/10.1093/ntr/ntt112).
 9. Escario J. J., Wilkinson A. V. The Intergenerational Transmission of Smoking Across Three Cohabitant Generations: A Count Data Approach // *Journal of Community Health*. 2015. Vol. 40, № 5. P. 912–919. DOI [10.1007/s10900-015-0013-5](https://doi.org/10.1007/s10900-015-0013-5). EDN [ZXECSA](https://www.edn.ru/ZXECSA).
 10. Parental Smoking Exposure and Adolescent Smoking Trajectories / D. Mays, S. E. Gilman, R. Rende [et al.] // *Pediatrics*. 2014. Vol. 133, № 6. P. 983–991. DOI [10.1542/peds.2013-3003](https://doi.org/10.1542/peds.2013-3003).
 11. Parents, Peers, and Trajectories of Cigarette Smoking: A Group-Based Approach / M. Bradshaw, B. V. Kent, J. C. Davidson, S. De Leon // *Youth and Society*. 2021. Vol. 53, № 4. P. 676–694. DOI [10.1177/0044118x19862450](https://doi.org/10.1177/0044118x19862450).
 12. A Systematic Review and Meta-analysis of the Intergenerational Transmission of Criminal Behavior / S. Besemer, S. I. Ahmad, S. P. Hinshaw, D. P. Farrington // *Aggression and Violent Behavior*. 2017. Vol. 37, November. P. 161–178. DOI [10.1016/j.avb.2017.10.004](https://doi.org/10.1016/j.avb.2017.10.004).
 13. Andersen L. H. Assortative Mating and the Intergenerational Transmission of Parental Incarceration Risks // *Journal of Marriage and Family*. 2018. Vol. 80, № 2. P. 463–467. DOI [10.1111/jomf.12459](https://doi.org/10.1111/jomf.12459).
 14. Gomis-Pomares A., Villanueva L., Prado-Gascó V. Does It Run in the Family? Intergenerational Transmission of Household Dysfunctions // *Child and Adolescent Social Work Journal*. 2023. Vol. 40, № 3. P. 419–432. DOI [10.1007/s10560-021-00766-9](https://doi.org/10.1007/s10560-021-00766-9).
 15. Панфилова Ю. С. Межпоколенческая трансляция формальных и неформальных норм профессиональной деятельности в бизнес-династиях (на примере российского малого бизнеса) // *Гуманитарий Юга России*. 2020. Т. 9, № 5. С. 125–134. DOI [10.18522/2227-8656.2020.5.10](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.5.10). EDN [VVHHQD](https://www.edn.ru/VVHHQD). [Panfilova Y. S. Formal and informal professional norms transfer within generation of business dynasties (Russian small business case). *Gumanitarij Yuga Rossii=Humanities of the South of Russia*. 2020;9(5):125–134. (In Russ.). DOI [10.18522/2227-8656.2020.5.10](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.5.10)].
 16. Parental Physical Activity is Associated with Objectively Measured Physical Activity in Young Children in a Sex-specific Manner: the GECKO Drenthe cohort / S. I. Brouwer, L. K. K pers, L. Kors [et al.] // *BMC Public Health*. 2018. Vol. 18, № 1. P. 1–10. DOI [10.1186/s12889-018-5883-x](https://doi.org/10.1186/s12889-018-5883-x). EDN [JEZYKL](https://www.edn.ru/JEZYKL).
 17. Ohashi M. M. Factors Determining the Frequency of Sports Activities in Children and Mothers' Positive Attitudes Toward These Activities: Secondary Analysis of a Survey of Mothers of Children under Twelve // *Japanese Journal of Motivational Studies: IMSAR Annual Report*. 2020. Vol. 7. P. 10–22.
 18. Strandbu Å., Bakken A., Stefansen K. The Continued Importance of Family Sport Culture for Sport Participation During the Teenage years // *Sport, Education and*

- Society. 2020. Vol. 25, № 8. P. 931–945. DOI [10.1080/13573322.2019.1676221](https://doi.org/10.1080/13573322.2019.1676221).
19. *Ngangbam S. M.* Parent Role in Student's Exercise Habits and Academic Performance // *European Journal of Physical Education and Sport Science*. 2024. Vol. 10, № 6. P. 1–29. DOI [10.46827/ejpe.v10i6.5217](https://doi.org/10.46827/ejpe.v10i6.5217).
20. *Дивисенко К. С., Белов А. Э., Дивисенко О. В.* Трансляция религиозности в семье от родителей к детям: аналитический обзор исследований // *Социологический журнал*. 2018. Т. 24, № 4. С. 75–92. DOI [10.19181/socjour.2018.24.4.6098](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.4.6098). EDN [YROUHB](https://www.edn.ru/EDN/YROUHB). [Divisenko K. S., Belov A. E., Divisenko O. V. Transmission of religiousness in the family from parents to children: An analytical review of studies. *Sotsiologicheskiiy zhurnal=Sociological Journal*. 2018;24(4):75–92. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2018.24.4.6098](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.4.6098)].
21. *Cooperman A.* Most U.S. Parents Pass Along their Religion and Politics to their Children // *Pew Research Center* : [сайт]. May 10, 2023. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/05/10/most-us-parents-pass-along-their-religion-and-politics-to-their-children/> (дата обращения: 25.05.2024).
22. *Малявина С. С.* Родительское отношение как фактор формирования религиозности личности // *Сибирский психологический журнал*. 2016. № 61. С. 109–122. DOI [10.17223/17267080/61/8](https://doi.org/10.17223/17267080/61/8). EDN [WLZZLP](https://www.edn.ru/EDN/WLZZLP). [Malyavina S. S. Parental attitude as a factor in the formation of personality religiosity. *Sibirskiy psikhologicheskiiy zhurnal=Siberian Journal of Psychology*. 2016;(61):109–122. (In Russ.). DOI [10.17223/17267080/61/8](https://doi.org/10.17223/17267080/61/8)].
23. *Гурко Т. А.* Семейные факторы репродуктивного поведения // *Социологические исследования*. 2023. № 12. С. 72–82. DOI [10.31857/S013216250029338-4](https://doi.org/10.31857/S013216250029338-4). EDN [WGTVDW](https://www.edn.ru/EDN/WGTVDW). [Gurko T. A. Family factors of reproductive behavior. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2023;(12):72–82. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250029338-4](https://doi.org/10.31857/S013216250029338-4)].
24. *Дорофеева З. Е.* Особенности жизненных практик многодетных семей // *Социологические исследования*. 2019. № 7. С. 114–124. DOI [10.31857/S013216250005798-0](https://doi.org/10.31857/S013216250005798-0). EDN [UEDKMA](https://www.edn.ru/EDN/UEDKMA). [Dorofeeva Z. Y. Characteristics of large families' life practices. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2019;(7):114–124. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250005798-0](https://doi.org/10.31857/S013216250005798-0)].

Сведения об авторах

Т. А. Гурко

доктор социологических наук,
главный научный сотрудник
SPIN-код: [1986-5400](https://www.edn.ru/EDN/1986-5400)

Статья поступила в редакцию 14.06.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024; принята к публикации 03.07.2024.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2024.12.3.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.3.5)

DYNAMICS OF EVERYDAY PRACTICES OF URBAN PARENTS

Tatiana Aleksandrovna Gurko

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

tgurko@yandex.ru

ORCID [0000-0003-3804-0924](https://orcid.org/0000-0003-3804-0924)

For citation: Gurko T. A. Dynamics of everyday practices of urban parents. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(3):108–124. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.3.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.3.5).

Abstract. In order to further improve family policy, the article aims to analyze the dynamics of everyday practices of parents. The empirical basis is the databases on individuals of the Comprehensive monitoring of living conditions (GKS-KOUZH — 2011, 2016, 2018, 2020, 2022 years), which is conducted by the Federal State Statistics Service. Subsamples of urban fathers and mothers living with children under the age of 15 have been formed. The daily practices of parents are analyzed based on the indicators of work, leisure, sports, health, smoking and alcohol consumption contained in the database, depending on gender, educational level and number of children. The article presents an analysis of studies on the transmission of constructive and destructive parenting practices to children. It is shown that during the analyzed period, the proportion of parents who work in their specialty, attend various leisure facilities, participate in the activities of political and public organizations, engage in sports and drink alcohol is stable. The proportion of mothers attending religious institutions and meetings of believers has decreased. There are positive trends in a significant increase in the proportion of both fathers and mothers who are satisfied with their profession and salary, who make tourist trips, who positively assess their health and a decrease in the proportion of fathers who smoke. According to the analysis of the KOUZH-2022, more parents with higher education work in their specialty, are satisfied with wages, have the opportunity to work distantly via the Internet, practice buying food and goods over the Internet, make tourist trips, visit the theater, museums, exhibitions, restaurants, participate in social activities, do not smoke, play sports or active recreation compared to parents without higher education. Parents with many children are similar in terms of types of professional activities and level of education to one- and two-child parents. The absolute advantage of parents with many children is a significant proportion of religious fathers and the lowest level of alcohol consumption by fathers and mothers. Positive trends in the daily activities of parents inspire optimism about the prospects for fertility and the quality of parenthood.

Keywords: parents, children, city, work, leisure, sports, health, smoking, alcohol consumption, education level

Information about the Author

T. A. Gurko

Doctor of Sociology,

Main Researcher

ResearcherID: [E-8104-2017](https://orcid.org/E-8104-2017)

Scopus AuthorID: [6508216408](https://orcid.org/6508216408)

The article was submitted 14.06.2024; approved after reviewing 20.06.2024; accepted for publication 03.07.2024

УДК 316.346.32-053.6; 303.447.22

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.6

EDN: OONHMX

Научная статья

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО: ПОИСК ИНФОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЫ ПРИЗНАКОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОБЫТИЙНОСТИ

Анна Владимировна Кученкова¹

Светлана Николаевна Майорова-Щеглова²

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

¹ a.v.kuchenkova@gmail.com,

ORCID 0000-0002-5554-7009

² Московский государственный

психолого-педагогический университет

Москва, Россия,

² sheglova-s@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-4935-9148

Для цитирования: Кученкова А. В., Майорова-Щеглова С. Н. Счастливое детство: поиск информативной системы признаков сквозь призму событийности // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 125–149. DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.6. EDN OONHMX.

Аннотация. Представлены результаты исследования, посвящённого выявлению потенциала использования сведений о событиях детства для объяснения формирующегося впоследствии восприятия детства как счастливого. Исходя из предположения, что специфика событийности самого первого этапа жизненного пути может детерминировать существование групп со счастливым и несчастливым, по субъективным оценкам, детством, произведён отбор событий детства, которые в наибольшей степени позволяют дифференцировать оценивающих своё детство как счастливое и несчастливое. В качестве эмпирической базы используются результаты опроса представителей молодёжной группы, перешагнувших рубеж совершеннолетия или находящихся на его границе. Среди 100 исходных для анализа событий детства выделены группы жизненных эпизодов, наличие и возраст наступления которых связаны с ретроспективной оценкой детства как счастливого. Это события, касающиеся проявления субъектности и её признания со стороны взрослых, потребительской и финансовой социализации; налаживания отношений со сверстниками и с родителями; самостоятельных передвижений и мобильности; разнообразия досуговых практик и просоциального поведения; некоторых проявлений инфантильности; отсутствия или более позднего наступления отдельных травмирующих событий, практик девиантного поведения, действий по изменению внешнего вида. Перечисленные группы жизненных эпизодов составляют основу информативной системы признаков субъективно благополучного детства и могут быть использованы в дальнейшем для реализации моделей многомерного анализа.

Ключевые слова: детство, дети, событие, счастье, субъективное благополучие, информативная система признаков

Введение

Существуют разные направления изучения детства. Зачастую профиль детей как социальной общности описывается на основе социально-экономических, социально-демографических и иных характеристик семьи, где проживают дети. Например, в исследованиях проблемы интерсекциональности детства, активно обсуждаемой в зарубежной западной социологии детства, учитывают сочетание именно объективных характеристик семьи (полнота / неполнота, монолитность / лоскутность (мозаичность) структуры), место проживания, статус семьи и др.) [1]. Однако новые выдвигаемые теоретические идеи о субъектности детей в современном обществе, развитие идей участия детей в принятии решений, где затрагиваются их непосредственные интересы, приводят к обсуждению возможности перехода к учёту их мнений, потребностей, желаний [2; 3]. В частности, для изучения благополучия/неблагополучия детства [4; 5; 6] важным становится измерение текущих и ретроспективных субъективных оценок детства как счастливого/несчастливого, а также выявление факторов, детерминирующих это восприятие.

Возможным основанием для поиска факторов, обуславливающих субъективные оценки благополучия собственного детства, является *событийность детства*, под которой мы понимаем проживание отдельных событий как реальных эпизодов этого периода жизни и одновременный последовательный непрерывный процесс взросления. Именно событийность отражает специфику прохождения социализации ребёнка в различных сферах и аспектах жизнедеятельности [7].

Событийность детства может рассматриваться как та структурированная во времени целостность, которая за счёт своеобразного взаимодействия её составляющих, возможно, приводит к отличиям в восприятии и оценках собственного детства. Изучение характера этих отличий требует обращения к конструированию многомерных моделей, в том числе в концептуальных рамках типологического анализа [8] для выявления в изучаемой совокупности типологических групп по разным основаниям, включая дифференциацию по характеру протекания событийности в детстве. Однако для реализации подобных моделей необходимо среди всего многообразия событий отобрать те, которые будут теснее связаны с субъективными оценками детства, тем самым демонстрируя бóльшую информативность и претендуя на роль показателей счастливого/несчастливого детства.

В данной статье представляем результаты разведывательного анализа, целью которого было выявление событий детства, которые в наибольшей степени позволяют дифференцировать оценивающих своё детство как счастливое и несчастливое, создавая основу для введения информативного перечня признаков субъективно благополучного детства и последующего их использования в рамках реализации моделей многомерного анализа. Эмпирической базой послужили результаты опроса представителей молодёжной группы, находящихся на границе 18-летия между легитимным детством и взрослостью и перешагнувших этот рубеж ($n = 1210$, 2023 г.).

Счастливое детство: обзор теоретико-прикладных исследований

Установление индикаторов благополучия и формирование некоторых нормативов для мониторинга положения населения в России являются в настоящее время актуальными на пересечении полей социологии и социальной психологии, экономики и управленческих концепций, теорий социальной работы. При этом довольно часто происходит отождествление понятий благополучного и счастливого, происходит их подмена либо они выводятся друг из друга. Благополучие — это спокойная, счастливая жизнь в довольстве, полная обеспеченность, а неблагополучие — это тягостная, несчастливая жизнь с лишениями, с недостатками чего-либо [9]. Вместе с тем психологи описывают счастье как эмоциональное состояние с максимально выраженной положительной окраской [10, с. 18–19]. Примечательно, что при акценте в трактовках этого феномена на позитивных эмоциях остаётся открытым вопрос: что первично для ощущения счастья? Психотип, характеристики личности как результат воспитания, условия жизни личности или что-то другое?

Подходы в оценках взрослого и детского благополучия, по нашему мнению, во многом схожи. Основное различие скорее состоит в дополнительных индикаторах оценки детского благополучия для перспективы развития биологических организмов и личностей детей, а также совмещения аудита объективных условий, мнений многочисленных социализаторов и субъективных оценок удовлетворённости своей жизнью самих детей, начиная, как показывает современная практика исследований [4; 5; 6], с подросткового возраста.

По многочисленным данным последнего десятилетия, состояние счастья приносит в жизнь взрослых людей дополнительные внутренние характеристики. Нам важно, что эти характеристики влияют на их социальное поведение и сознание: позитивное взаимодействие в группах, стабильные регуляция и контроль своей деятельности, проявление эмпатии

тии, отсутствие враждебности и девиантных действий, лидерские качества достижительности, продуцирования социальных идей и др. [11]. Китайские специалисты фиксируют взаимозависимость определения себя как счастливого и просоциального поведения, школьных успехов и контактов с группой сверстников [12].

Современная социология и социальная психология уделяют достаточное внимание ретроспективным оценкам взрослого населения своего детского периода жизни [13; 14]. Российскими исследователями приводятся эмпирические доказательства, что самоидентификация себя как ребёнка, счастливого в детстве в семье, выступает как стимулирующий фактор, воздействующий на персональное родительство (повышает желание иметь детей, прогнозируемое их количество, способствует формированию оптимистичной самооценки себя как будущего воспитателя) [15]. Однако большим интересом пользуется исследовательский вектор определения негативных проекций от событий детства ко взрослой жизни [16; 17].

Если же мы говорим о детском счастье, то здесь картина с его изучением совершенно иная, в основном изучается благополучие детей [18; 19], но присутствуют единичные работы, затрагивающие специфический аспект противопоставления детского и взрослого счастья (см., напр.: [20]). Интересно, что в социуме в обыденном сознании присутствует в определённой степени оппозиция по иным основаниям: дети «завидуют» взрослым, рассматривая их жизнь как самостоятельную, независимую, а значит — счастливую, а взрослые склонны считать детей счастливыми при отсутствии у них ответственности и забот.

При изучении феномена счастья и счастливого детства необходимо различать острое переживание счастья в моменте или эпизоде [10] и пролонгированное во времени ощущение счастья и субъективного благополучия. В этом плане, по свидетельствам недавнего исследования [20], «детское» и «взрослое» счастье действительно серьёзно отличаются: так, пожилые склонны оценивать счастье как продолжительное комфортное, спокойное состояние, они реже переживают счастье как явление событийное. Удовольствие, радость, веселье, хорошая погода, близость к природе, подарок — вот некоторые ситуативные важные характеристики счастливого детства. Эти данные натолкнули нас на идею проверить наличие взаимосвязи оценки респондентами своего детства как счастливого, пролонгированного во времени и некоторых реальных (моментальных) событий детства. Одной из наших первичных гипотез стало предположение, что отдельные события в детском периоде и связанные с ними последствия могут выступать стимулами для конструирования счастливого детства.

Эмпирическая база исследования

Изучение посредством эмпирических социологических исследований событийных практик, возраста их первичного появления и превращения в стабильные поведенческие конструкторы в детстве сегодня нам представляется крайне актуальным из-за необходимости выявления ключевых особенностей нового поколения в образовании, информатизации, освоении гендерных ролей, девиации и многих других аспектов.

Для выполнения этой задачи был проведён онлайн-опрос по формализованной анкете. Инструментарий, разработанный и апробированный в 2018 году [21], был дополнен и в современном варианте включал вопросы о возрасте начала 100 событий. Авторы изначально рассматривают молодёжную аудиторию как группу интенсивной интернет-включённости и исходят из предпосылки высокой степени «скопления» представителей молодёжи в учебных заведениях в силу решения приоритетной на данном этапе жизни образовательной задачи. Именно поэтому для распространения анкеты была избрана следующая тактика: анонсы на онлайн-сервисах молодёжных сообществ, учебных заведений уровня среднего профессионального и высшего образования, обращения к профессорско-преподавательскому составу этих учреждений с призывом о помощи в организации опроса среди их обучающихся. Все привлечённые респонденты заполняли общедоступный онлайн-опросник, но окончательный отбор респондентов корректировался на основе нескольких процедур. Основной подход при формировании неслучайной потоковой выборки был ориентирован: 1) на представленность интересующего нас возраста вхождения в молодёжную группу (17–23 года, с ядром 18-летних), 2) на охват разных типов поселения и регионов проживания респондентов в детстве.

Необходимо подчеркнуть, что при заполнении анкеты была исключена возможность избирательного внесения ответов, принимались только полностью заполненные бланки. Респонденты должны были не выбирать события детства, выделяя значимое для них, хорошее или плохое, а давать ответы по заданному набору жизненных эпизодов, так как одной из задач исследования было создание научно-исследовательской конструкции событийности как последовательного ряда определённого набора событий в период детства.

Полевой этап проводился апреле — ноябре 2023 г. После сбора анкет был проведён отсев тех, которые содержали заведомо искажённую информацию. В качестве контрольных вопросов выступали два: о возрасте овладения навыком чтения и начала освоения информационных технологий (были исключены 5 анкет, в которых респонденты сообщили, что эти события ещё не произошли). Второй фильтр был настроен на выявление

анкет, где респонденты выбирали стратегию выставления одинакового возраста в абсолютном большинстве событий (12 анкет). В результате просеивания в базу для анализа было включено 1210 анкет. Охвачены все административные округа РФ. У 24,4% респондентов детство прошло в сельской местности, местом проживания в детстве 23,3% и 30,4% опрошенных были крупные и небольшие города соответственно, каждый пятый опрошенный (21%) являлся с рождения жителем города-миллионника. По самооценкам респондентов, 14,7% из них проживали в семьях с низкими доходами, 28% опрошенных — в семьях с высокими доходами, 57,3% сообщили о среднем доходе родительских семей. 4/5 опрошенных были студентами вузов, что соотносится со статистическими данными для этого возраста, ещё одна большая группа — обучающиеся в системе СПО — 12,6%. Основная масса (около 3/4) респондентов жила в полных семьях хотя бы часть детства, пятая часть — с бабушками и дедушками. Распределение респондентов по возрасту: 10% — 17 лет, 46% — 18 лет, 44% — 19–23 года.

76% опрошенных женского пола, четверть — юноши. И это распределение по полу требует отдельного пояснения. Экспериментальные проекты российских учёных констатируют более высокий уровень нарративной памяти, способность и желание давать детальные, подробные описания событий жизни у женщин [22; 23]. Специфика памяти молодых девушек состоит в том, что они, начиная с подросткового возраста, могут вербализовать большее количество фрагментов и фактов биографии, так как имеют опыт рефлексии в общении с родителями и группами ровесников. Проявление этих гендерных особенностей на уровне памяти именно личностных событий были интерпретированы подробнее при анализе данных по первой волне (2018 г.) проекта изучения событий детства [7]. Принуждение или стимулирование мужчин к 100-процентному заполнению анкет не приводит к нужному результату выполнения задач исследования — изучения событийности детства обычной молодёжи, т. к., скорее всего, итогом такой стратегии стало бы включение в число респондентов мужчин с нестандартными особенностями памяти и жизненных перипетий. Вместе с тем необходимо учитывать, что если существуют значительные гендерные отличия в наступлении событий детства, то собранные данные (с преобладанием в выборке девушек) в большей степени отражают особенности именно «девчачьего» детства. Проверка гендерных отличий требует дополнительного изучения и остаётся за рамками данной статьи.

Произведены замеры возраста наступления событий в различных сферах: образование и освоение культуры, информатизация, мобильность, трудовая и экономическая социализация, досуговые и коммуникативные практики, девиация и другие.

Результаты исследования

Субъективные оценки детства как счастливого/несчастливого. В анкете был предусмотрен вопрос о субъективном восприятии собственного детства. В связи с тем, что респондентов, точно, однозначно определивших своё детство как «несчастливое», оказалось совсем мало (менее 50 чел.), мы приняли решение объединить их с теми, кто не смог определиться и не захотел ответить на этот вопрос. Таким образом, мы имеем для сравнения две группы — те, кто определил своё детство как счастливое (84,6%), и те, кто точно детские годы не смог/не захотел маркировать как счастливые (15,4%). Отметим, что существенное преобладание позитивных оценок личного благополучия над негативными встречается достаточно часто в массовых опросах на уровне населения страны (и известно как «парадокс счастья» [24]), а наиболее высокий уровень удовлетворённости жизнью и счастья фиксируется, как правило, именно среди молодёжи [25]. В целом подобные одиночные индикаторы субъективного благополучия, используемые в качестве его обобщённых показателей, демонстрируют слабую чувствительность и невысокую дифференцирующую силу, требуя привлечения нескольких индикаторов для конструирования индексов [26], перехода к многомерным моделям.

Рассмотрим кратко, как варьируются субъективные оценки детства в зависимости от социально-демографических характеристик (см. табл. 1).

Таблица 1

*Оценки детства как счастливого/несчастливого в разрезе
социально-демографических характеристик*

Социально-демографические характеристики респондентов	Считают детство счастливым, %	Не считают детство счастливым, %	Критерий Хи-квадрат, коэффициент V Крамера
По выборке в целом	84,6	15,4	–
Пол			
Юноши	87,2	12,8	$\chi^2=2$, df=1, p=0,16
Девушки	83,8	16,2	
Основное занятие			
Учатся в вузе	85,6	14,4	$\chi^2=3,6$, df=2, p=0,17
Получают СПО	80,9	19,1	
Другое	80,4	19,6	
Где прошло детство			
Город-миллионник	83 _a	17 _a	$\chi^2=8,3$, df=3, p=0,04, V=0,08
Крупный город (200 тыс. — 1 млн)	80,9 _a	19,1 _a	
Небольшой город (до 200 тыс.)	85,1 _{a,b}	14,9 _{a,b}	
Сельская местность	89,2 _b	10,8 _b	

Окончание таблицы 1

Социально-демографические характеристики респондентов	Считают детство счастливым, %	Не считают детство счастливым, %	Критерий Хи-квадрат, коэффициент V Крамера
Материальное положение семьи во время детства респондента			
Низкое, ниже среднего	65,2 _a	34,8 _a	$\chi^2=75,2$, df=2, p<0,001, V=0,25
Среднее	85 _b	15 _b	
Выше среднего, высокое	94,1 _c	5,9 _c	
Проживали в семье с			
С обоими родителями	87,5	12,5	$\chi^2=27,1$, df=1, p<0,001, V=0,15
Только с матерью	80,8	19,2	$\chi^2=2,9$, df=1, p=0,09
С бабушками-дедушками	76,3	23,7	$\chi^2=17,7$, df=1, p<0,001, V=0,12
С младшими братьями/сёстрами	86,2	13,8	$\chi^2=0,98$, df=1, p=0,32
Со старшими братьями/сёстрами	83,6	16,4	$\chi^2=0,39$, df=1, p=0,53
Проблемы со здоровьем в детстве			
Были серьёзные	78,2 _b	21,8 _b	$\chi^2=41,6$, df=2, p<0,001, V=0,19
Не помнят, не уверены, затруднились ответить	68,8 _b	31,2 _b	
Не было	88,4 _a	11,6 _a	

Примечание. Одни и те же буквенные индексы (a, b, c) для разных групп респондентов означают, что доли в соседних сверху/снизу ячейках не отличаются статистически значимо друг от друга на уровне 0,05 (по критерию Z с поправкой Бонферрони).

По выборке, немного больше счастливых в детстве среди юношей, чем среди девушек, среди обучающихся в вузах, чем в системе СПО (но отличия не являются статистически значимыми). Для остальных социально-демографических характеристик установлена статистически значимая взаимосвязь между ними и оценкой своего детства как счастливого/несчастливого. Это относится, например, к месту проживания в детстве: немного выше доля счастливых среди тех, кто провёл детство в сельской местности. Состав семьи также мы можем определить как фактор самоощущения счастья/несчастья. Выше доля счастливых среди проживающих в полных семьях с обоими родителями — 87,5%. Отсутствие родителей, проживание без них, даже с бабушками-дедушками, «снижает» долю счастливых до 76,3% и, соответственно, повышает долю несчастливых. Данные свидетельствуют, что признание респондентами наличия у них в детстве серьёзных проблем со здоровьем взаимосвязано со снижением самоощущения счастья на 10%, а затруднение с ответом на вопрос о состоянии здоровья в детстве — со снижением доли счастливых на 20%. Из всех рассматриваемых характеристик теснее всего с позитивным/негативным восприятием детства связана субъективная оценка материального положения семьи (при повышении последней доля счастливых увеличивается с 65,2% до 94,1%).

Наступление событий и субъективные оценки детства как счастливого/несчастливого. Из 100 событий, анализируемых в данном исследовании, наступление 50 связано статистически значимо с оценкой детства как счастливого/несчастливого, однако для 23 событий коэффициент связи V Крамера не превышает 0,1, для остальных 27 — варьируется от 0,1 до 0,23. Далее рассмотрим подробнее именно те события, которые теснее связаны с восприятием и субъективной оценкой собственного детства (см. табл. 2), при необходимости дополняя сведениями о менее значимых событиях.

Таблица 2

Взаимосвязь между наступлением событий и оценкой детства как счастливого

События детства	Индивиды со счастливым детством, %		Разница в долях, %	Коэф. V Крамера
	среди тех, у кого событие произошло	среди тех, у кого событие не произошло		
Признание/осознание субъектности: самостоятельности и независимости				
Личное мнение стало учитываться при покупке крупных вещей для дома	88,4	65,8	22,6	0,23
Стал(а) обустривать собственную комнату, часть жилища по личному вкусу и правилам	86,2	75,7	10,5	0,1
Понял(а), чем хочет заниматься в будущем (по какой специальности учиться, кем стать по профессии и т. п.)	88,4	73,7	14,7	0,18
Самостоятельно выбрал(а), в каком кружке, секции, клубе заниматься	86,4	69,9	16,5	0,14
Доверили помочь с младшими братьями/сёстрами/другим родственниками и т. п.	86,9	74,7	12,2	0,13
Реально, по-настоящему помогал(а) родителям в их работе	87,1	78,9	8,2	0,11
Подростковая субкультура, отношения со сверстниками				
Появились самостоятельно снятые фотографии с друзьями	85,5	65,4	20,1	0,11
Впервые всерьёз поцеловался (поцеловалась)	87,1	79,3	7,8	0,1
Гулял(а) ночью с друзьями, любимым(ой)	86,8	74,0	12,8	0,13

Продолжение таблицы 2

События детства	Индивиды со счастливым детством, %		Разница в долях, %	Коэф. V Крамера
	среди тех, у кого событие произошло	среди тех, у кого событие не произошло		
Входил(а) в неформальное субкультурное сообщество, в реальной жизни или в интернете	75,8	86,5	-10,7	0,11
<i>Самостоятельные передвижения, мобильность</i>				
Появилось собственное средство передвижения (велосипед/самокат/скутер и др.), чтобы ездить по местности, где проходило детство	87,6	73,9	13,8	0,16
Самостоятельно водил(а) небольшое транспортное средство (мотоцикл, скутер, моторную лодку и т. п.)	90,5	80,1	10,3	0,14
Разрешили самостоятельно вести машину (автомобиль)	90,9	78,0	12,9	0,18
Самостоятельно ходил(а) на спортивные мероприятия	87,8	74,7	13,0	0,16
<i>Просоциальное поведение</i>				
Участвовал(а) в волонтерском проекте (помогал(а), организовывал(а) что-то без оплаты, от души)	88,8	78,3	10,5	0,14
Впервые получил(а) ответственное задание (например, стал(а) старостой класса, ведущим какого-то мероприятия и т. д.)	86,9	73,5	13,3	0,14
Стал(а) членом каких-то официальных детских/ молодёжных организаций, объединений, сообществ (волонтеров, юнармии и пр.)	89,4	81,2	8,2	0,11
<i>Национально-этническая, религиозная идентичность</i>				
Впервые осознал(а) принадлежность к определённой конфессии (христианство, мусульманство, буддизм и т. п.)	86,8	75,6	11,2	0,12
Узнал(а) о собственной национальной принадлежности	85,7	70,9	14,7	0,11
<i>Вхождение в цифровое общество и общество потребления</i>				
Стал(а) получать карманные деньги от взрослых	86,7	52,1	34,5	0,23

Окончание таблицы 2

События детства	Индивиды со счастливым детством, %		Разница в долях, %	Коэф. V Крамера
	среди тех, у кого событие произошло	среди тех, у кого событие не произошло		
Появился собственный компьютер, ноутбук	85,9	72,0	13,9	0,11
Появились интернет-друзья	81,9	89,9	-8,0	0,11
<i>Напряжённость отношений с родителями</i>				
Впервые не рассказал(а) родителям что-то важное (появились тайны от взрослых)	81,8	90,9	-9,1	0,12
Обманул(а) родителей	81,5	92,6	-11,1	0,14
Начались серьёзные конфликты с родителями	79,1	93,1	-14,0	0,19
<i>Травмирующие события</i>				
Сталкивался/сталкивалась с сексуальными домогательствами в отношении себя, с насилием	71,7	89,0	-17,3	0,21
<i>Другое</i>				
Посещал(а) психотерапевта	74,3	86,8	-12,5	0,13

Примечание. Все значения коэффициента V Крамера статистически значимы на уровне $p \leq 0,001$.

Среди всех событий (табл. 2) самая многочисленная группа *связана с собственным осознанием и/или принятием взрослыми субъектности ребёнка, проявления им самостоятельности, ответственности за важные аспекты жизни семьи*. Доля респондентов, считающих своё детство счастливым, выше на 8,2 и 12,2% среди тех, кто по-настоящему помогал родителям в их работе или в уходе за родственниками соответственно, в том числе за младшими братьями/сёстрами (хотя, как свидетельствуют данные табл. 1, сам факт наличия сиблингов и совместного проживания с ними не является значимым фактором). Положительные оценки детства встречаются на 22,6% чаще в тех случаях, когда мнение ребёнка учитывалось по разнообразным аспектам, например — при покупке крупных вещей для дома; на 16,5% чаще, если в детстве была возможность самостоятельно принимать решения по выбору досуговой деятельности — кружка, секции; на 10,5% — при наличии возможности обустроить свою часть жилища по своему вкусу.

Именно опыт *самостоятельности и доверия в решении посильных для ребёнка повседневных, бытовых задач* крайне важен для получения эмоционально окрашенной оценки счастья в детстве. Поясним на примере сравнения двух событий, казалось бы, близких по значению. Соци-

ально-психологические исследования выявляли значимость животного, домашнего питомца для ребёнка и подростка. Но наш анализ уточняет: на счастье, благополучие в детстве влияет не наличие/отсутствие домашнего питомца у ребёнка (доля оценивающих своё детство как счастливое в обоих случаях практически одинакова — 83,9 и 85% соответственно), а именно возможность проявить себя в деятельности по уходу за ним (те, кому в детстве доверили следить, убирать за домашним животным, например — гулять с собакой, демонстрируют чуть более высокий уровень счастья — 86% против 80% у тех, кому в этом доверии было отказано).

Позитивное восприятие детства связано и с первичными шагами в области профессионального самоопределения: «счастливых» на 14,7% больше среди тех, кто понял, чем хочет заниматься в будущем, по какой специальности получать образование — по сравнению с неопределившимися.

Другой важный аспект *самостоятельности*, характерный для ощущения детства счастливым, связан с освоением различных видов *личного* транспорта — от самоката до автомобиля — средств для свободного, автономного пространственного *перемещения, мобильности*. Наличие в детстве собственного средства передвижения и опыта вождения повышает долю «счастливых» на 10,3 и 13,8% соответственно.

Самостоятельное посещение развлекательных мероприятий и наличие разнообразных досуговых практик также связаны с ростом распространённости позитивных оценок своего детства. Наблюдается повышение доли «счастливых» на 13% при посещении респондентами в детстве спортивных мероприятий, на 14% — кинотеатров, на 8,6% — театров, на 11,3% — занятий в секциях, кружках.

Как известно, в подростковом возрасте особую ценность имеет *общение, налаживание взаимоотношений со сверстниками*. Данные нашего исследования подтверждают, что наличие друзей, завязывание романтических отношений взаимосвязаны с последующими оценками детства как счастливого. Позитивное восприятие собственного детства наблюдается чаще среди тех, у кого были фотографии со своими друзьями (на 20,1%), гулявших ночью с друзьями, возлюбленными (на 12,8%), целовавшихся всерьёз (на 7,8%). Кроме событий, упомянутых в таблице 2, слабо, но статистически значимо связаны с самоощущением детства как счастливого: участие в вечеринке без взрослых (повышает долю счастливых на 9,7%), походы на свидание (на 6,6%), опыт влюблённости (на 6,8%), появление своей компании (на 6,1%). Одновременно участие в драке, например, снижает уровень положительного восприятия детства на 7,1%, а вхождение в неформальное субкультурное сообщество — на 10,7%.

Регуляция отношений с родителями также оказывается значимым критерием для оценки собственного детства. Уровень положительных

оценок этого периода жизни повышается в случае отсутствия тайн от родителей на 9,1%, целенаправленных обманов — на 11,1%, серьёзных конфликтов с ними — на 14%.

Проявления *просоциального поведения* в обществе взаимосвязаны с оценками детства как счастливого, которые встречаются чаще на 8,2% при наличии у респондентов в детстве опыта членства в официальных детских/молодёжных объединениях, на 10,5% — в случае участия в волонтерских проектах, на 13,3% — при выполнении ответственного задания.

С ретроспективными оценками детства связаны и практики вхождения в *модернизирующееся общество цифровизации и потребления*, специфика протекания финансовой социализации. Положительные оценки детства более распространены среди тех, у кого были карманные деньги, полученные от взрослых (на 34,5%), был свой компьютер/ноутбук (на 13,9%). Помимо событий, представленных в таблице 2, ещё несколько, касающихся опыта самостоятельного распоряжения деньгами, повышают долю считающих своё детство счастливым: трата денег по собственному желанию (на 20,2%), самостоятельная покупка себе одежды (на 11%), поход на свои деньги в кафе (на 12,1%).

Вместе с тем наличие в детстве интернет-друзей связано со снижением доли счастливых на 8%, что в очередной раз подтверждает, что онлайн-общение не может в полной мере заменить взаимодействия в реальной жизни. Как было продемонстрировано выше, для субъективного ощущения благополучия в детстве важно наличие своей компании и непосредственное, «живое» общение со сверстниками.

Важным с точки зрения укрепления позитивных оценок собственного детства является формирование представлений о *национально-этнической и религиозной идентичности*. Осознание собственной принадлежности к определённой конфессии и национальности повышает на 11,2% и 14,7% соответственно долю считающих своё детство счастливым. Это наблюдение подкрепляется и конфессиональными практиками: посещение церкви, храма, мечети или других религиозных учреждений в детстве повышает долю счастливых на 5,5%, и эти данные подтверждают исследования других российских социологов, выделяющих это событие, особенно в мужской подростковой аудитории (см., напр.: [27]).

Вклад в оценку детства вносит и опыт *травмирующих событий*. Опрошенные подтвердили, что сталкивались с сексуальными приставаниями, домогательствами, такие эпизоды вспомнили и смогли обозначить возраст такого морального или физического испытания 17,4% респондентов, 7,8% отказались ответить на этот вопрос. Среди тех, у кого в жизни таких событий не было, — 89% назвали себя счастливыми, а среди тех,

кто пережил подобные события, — уже только 71,7% смогли обозначить свои воспоминания о детстве как позитивные. Среди других травмирующих событий переживание смерти родного/близкого человека не связано с субъективными оценками детства, а развод родителей и их последующее вступление в новые отношения снижают долю считающих своё детство счастливым лишь на 5,8 и 6% соответственно, не выступая для современной молодёжной группы существенными стимуляторами положительной оценки детства. Последний факт соотносится с данными, полученными другими учёными (см., напр.: [27]).

Вместе с тем при наличии опыта посещения психотерапевта (как возможного следствия переживания травмирующих инцидентов) распространённость позитивных оценок детства снижается на 12,5%. Что вновь косвенно свидетельствует о важности для личного благополучия не только наличия/отсутствия тех или иных эпизодов/событий, но и их субъективной значимости, интерпретации со стороны индивида.

Статистически значимо, но слабо связано с восприятием детства как счастливого наступление событий, касающихся *телесных практик, изменения собственной внешности*. Доля «счастливых» выше на 5,9% при наличии опыта обращения к специалистам (поход к косметологу) и ниже среди тех, кто сделал в детстве татуировку и прибегал к диетам (на 4,5 и 6,5% соответственно), что может быть индикатором наличия неудовлетворённости собственной внешностью и значимым аспектом жизнедеятельности с точки зрения формирования субъективного благополучия.

Возраст наступления событий в группах со счастливым и несчастливym детством. Наступление многих из рассматриваемых 100 событий оказалось не связано с ретроспективными субъективными оценками детства среди прочего из-за того, что эти события распространены повсеместно, наступают у всех (или практически у всех), но могут происходить в разном возрасте. В связи с этим в основу формирования совокупности признаков счастливого детства могут быть положены сведения не только о наличии/отсутствии тех или иных событий детства, но и возраст их первого появления.

Из 100 событий по 30 установлена статистически значимая разница между средним возрастом их наступления в группах молодёжи, оценивающих своё детство как счастливое, и среди не считающих его таковым (см. табл. 3). Наиболее существенная разница (около года и более) прослеживается по 14 событиям, связанным в первую очередь с признанием субъектности ребёнка со стороны взрослых, взаимоотношениями с родителями, аспектами потребительской социализации. Обратим внимание, это значимая совокупность практик, которую социологи относят к новым ролям юного поколения [28].

Таблица 3

**Возраст наступления событий в группах со счастливым
и несчастливым детством, годы**

События детства	Возраст наступления события, среднее арифм. (станд. откл.)		Разница в средних
	счастливое детство	несчастливое детство	
Признание/осознание субъектности: самостоятельности и независимости			
Самостоятельно выбрал(а), в каком кружке, секции, клубе заниматься	9,3 (3,6)	10,2 (4)	-0,9**
Стал(а) строить планы на будущую взрослую жизнь (семья, место проживания, образ жизни)	15,9 (2,5)	15,4 (2,8)	0,5*
Реально, по-настоящему помогал(а) родителям в их работе	12,7 (3,1)	12 (3,5)	0,7*
Доверили помочь с младшими братьями / сёстрами / другим родственниками и т. п.	11,3 (3,1)	10,6 (3)	0,7*
Личное мнение стало учитываться при покупке крупных вещей для дома	13,1 (2,9)	14 (3,1)	-0,9***
Личное мнение стало учитываться при покупке одежды	9,4 (3,3)	11,2 (3,8)	-1,8***
Начал(а) самостоятельно выбирать, какую одежду надеть	9,9 (3,3)	11,3 (3,7)	-1,4***
Подростковая субкультура, отношения со сверстниками			
Появились самостоятельно снятые фотографии с друзьями	10,1 (3,3)	11 (3,6)	-0,9**
Стал(а) самостоятельно выбирать себе друзей, подруг	7,4 (3,8)	7,9 (4,1)	-0,5**
Начал(а) самостоятельно без помощи родителей решать возникающие у проблемы с ровесниками	11,5 (3,1)	10,9 (3,2)	0,6**
Самостоятельные передвижения, мобильность			
Появилось собственное средство передвижения (велосипед/самокат/скутер и др.), чтобы ездить по местности, где проходило детство	8,7 (3,3)	9,5 (3,2)	-0,8**
Напряжённость отношений с родителями			
Начались серьёзные конфликты с родителями	13,2 (2,5)	12,2 (3)	1***
Обманул(а) родителей	10,1 (3,6)	8,7 (3,5)	1,4***
Впервые не рассказал(а) родителям что-то важное (появились тайны от взрослых)	13,5 (2,7)	11,5 (3,2)	2***
Национально-этническая, религиозная идентичность			
Узнал(а) о собственной национальной принадлежности	5,4 (2,5)	6,4 (3,9)	-1**
Вхождение в цифровое общество и общество потребления			
Стал(а) получать карманные деньги от взрослых	10,3 (3,2)	11,3 (3,3)	-1***
Стал(а) тратить собственные деньги по личному желанию	11,9 (3,5)	13,2 (3,5)	-1,3***
Ходил(а) на собственные деньги в кафе, ресторан	14,5 (2,4)	15,1 (2,3)	-0,6**
Появился собственный мобильный телефон	8,6 (2,6)	9,2 (2,8)	-0,6**

Окончание таблицы 3

События детства	Возраст наступления события, среднее арифм. (станд. откл.)		Разница в средних
	счастливое детство	несчастливое детство	
Появился планшет (или другой собственный гаджет) для выхода в интернет	10,2 (2,8)	10,8 (3,2)	-0,6***
Стал(а) самостоятельно покупать себе одежду, без родителей	14,7 (2)	15,4 (2)	-0,7***
<i>Травмирующие события</i>			
Подвергался/подвергалась сексуальным домогательствам, насилию	13,5 (3,5)	12,4 (3,5)	1,1*
<i>Другое</i>			
Садился/садилась на диету	13,8 (2,5)	13,2 (2,7)	0,6**
Стал(а) коллекционировать (автографы, карточки, аниме-фигурки и т. п.)	9,7 (3,7)	10,6 (3,8)	-0,9*
Впервые ругался/ругалась матом	11,8 (3,5)	10,8 (3,3)	1***
Узнал(а), откуда берутся дети	10,3 (2,9)	9,2 (3,1)	1,1***
Начал(а) один/одна оставаться дома при болезни	12 (3)	11,5 (3,3)	0,5*
Впервые пошёл/пошла за грибами, на рыбалку, охоту без родителей	13 (3,1)	11,7 (3,4)	1,3**

Примечание. Статистическая значимость разницы в средних приведена по критерию t: * — $p \leq 0,05$, ** — $p \leq 0,01$, *** — $p \leq 0,001$.

В очередной раз нами были зафиксированы парадоксы современного детства: с одной стороны, для счастья детей нужно, чтобы они пережили ситуации *проявления независимости и самостоятельности* в довольно раннем возрасте в аспектах потребления, но, с другой стороны, они в большей степени *окружены заботой, опекой*. Например, оценивающие своё детство как счастливое позже остаются одни дома при болезни (в среднем на полгода, чем «несчастливые»), у них позже возникает *непонимание с родителями* (серьёзные конфликты, тайны появляются в среднем на 1–2 года позднее), в том числе из-за их вранья, закрытости в подростковом возрасте и у них почти на 2 года позже завершается само детство, по их самооценке.

Конструирование ретроспективных оценок детства взаимосвязано с потребностью в *признании субъектности* ребёнка и одновременно с определённой его инфантильностью. У «счастливых» респондентов их мнение в детстве стало учитываться раньше, чем у «несчастливых» (почти на год — по крупным покупкам, выбору кружков), но опыт реальной помощи родителям наступал позже (на 0,7 года), строить планы на будущую взрослую жизнь они тоже начинали позже (в среднем на полгода).

Осознание своего детства как несчастливого связано с более поздними по срокам наступления *материальными приобретениями* и возможно-

стями. Например, «несчастливые» получают карманные деньги на год позже, у них появляется возможность их тратить на 1,3 года позже, такая же картина вырисовывается в отношении трёх эпизодов с одеждой («несчастливые» позже начинают осуществлять самостоятельный выбор и покупку одежды, их мнение позже начинает учитываться в этом вопросе), что является значимым аспектом подростковой жизни. У «несчастливых» отодвинуты по возрасту наступления покупки онлайн, получение в пользование собственных гаджетов (мобильного телефона, планшета — на 0,6 года позже). Они в среднем на год раньше, чем их сверстники, обозначившие своё детство как эмоционально позитивное, осваивают некоторые *практики девиации* (например, начинают ругаться матом в 10,8 года, а «счастливые» в 11,8 года). Они раньше, чем остальные, пережили сексуализированные эпизоды в отношении себя — средний возраст 12,4 года («счастливые» в 13,5 года).

Анализируемые данные позволяют выделить группы событий, *не связанных* с ощущением детства счастливым или несчастливым, т. е. не обладающих *информативным потенциалом* с точки зрения объяснения субъективных оценок благополучия в детстве. К таковым относятся события и практики, касающиеся *обслуживания себя в быту* (уборка своей комнаты или части жилища, приготовление пищи, гигиенические процедуры и др.), *самостоятельного выполнения обязанностей и обязательств по учёбе* (выполнение домашних заданий без контроля родителей, преодоление пути до школы). А также — *опыт самостоятельного зарабатывания денег*. В то время как самостоятельные траты — один из существенных факторов позитивного восприятия детства, как было показано выше: многие события и жизненные эпизоды, раскрывающие практики самостоятельного распоряжения деньгами, значимо связаны с субъективно благополучным детством.

Несмотря на потребность представителей младшей возрастной группы в признании субъектности, принятии во внимание их мнения по самому широкому спектру вопросов, в необходимости наличия «права выбора» и «права голоса», доверия со стороны взрослых, такой шаг на пути сепарации от родителей, как *переезд в другое жилище*, начало отдельного проживания, не связан с оценками детства как счастливого/несчастливого. Что вновь свидетельствует о том, что для субъективно благополучного детства в первую очередь важно внимание к личному мнению, предпочтениям, материальное благополучие, в меньшей степени — принятие на себя обязанностей и реальной ответственности.

Не продемонстрировали дифференцирующую силу несколько отдельных событий, относящихся к уже рассмотренным в таблицах 2–3 содержательным блокам, а также эпизоды, характеризующие *опыт освоения*

и использования гаджетов, цифровых информационных технологий (компьютерные игры, просмотр видео на электронном носителе, самостоятельный поиск информации в интернете, появление собственного аккаунта в сети интернет, блога/страницы/канала), хотя возраст появления собственных гаджетов был значим, и *опыт путешествий за пределы места проживания* (в другой город, за границу). Вероятно, не все ситуации в моменте, даже принося положительные эмоции, оказываются связанными с общим пролонгированным восприятием детства впоследствии.

Выводы и направления дальнейших исследований

Проведённый анализ демонстрирует различия между группами представителей молодёжи, оценивающих своё детство как счастливое или несчастливое по ряду событий. При этом степень выраженности этих отличий варьируется. В связи с этим необходимо сравнение данных групп не только по отдельным ситуативным эпизодам, но и по внутренней дифференциации, типологической структуре, выделенной на основе специфики протекания социализации в отдельных областях и аспектах жизнедеятельности. Для этого на основе сведений о значимых событиях детства необходимо конструирование показателей, отражающих искомую специфику.

На роль факторов, детерминирующих ретроспективные оценки детства как счастливое, претендуют фрагменты событийности, связанные с проявлением субъектности и её признанием взрослыми через предоставление самостоятельности в решении посильных для детей бытовых задач, с потребительской и финансовой социализацией, с более ранним получением в пользование собственных гаджетов, с позитивными отношениями с родителями и со сверстниками, с самостоятельными передвижениями и мобильностью, с разнообразием досуговых практик и просоциального поведения, с некоторыми проявлениями инфантильности, с отсутствием или более поздним наступлением отдельных травмирующих событий, практик девиантного поведения, действий по изменению внешнего вида.

Вектор будущих научных исследований может быть направлен на изучение того, как будет изменяться характер взаимосвязи между событиями детства и его последующими оценками как счастливое или несчастливое в разных социально-демографических группах (мальчики/девочки, жители города/села и др.), а также на выявление различных «путей» к формированию представлений о счастливом детстве посредством поиска типологических групп среди «счастливых» и «несчастливых», отличающихся по характеру протекания событийности детства.

Перспективы и практическая польза исследования нам видятся в его использовании для принятия управленческих решений по поддержке тех

или иных групп детей, исходя не только из интегрального индекса благополучия по итогам замеров оценок родителей, специалистов, но и субъективного ощущения благополучия/неблагополучия проживающих этот период детей и подростков. Социальные условия, ситуации взросления и связанные с ними события влияют на черты счастливого детства каждого поколения, т. е. счастливые дети разных поколений счастливы по-разному, поэтому и необходимо насыщать исследовательское поле современного детства изучением юношеской, предмолодёжной группы. Оперативные количественные онлайн-опросы реализуют ретроспективный жизненно-событийный подход [29] и, как показал наш опыт, позволяют нивелировать многие затруднения, отмечаемые специалистами-методологами в общем автобиографическом анализе при использовании качественной свободной стратегии: лакуны по исключённым эпизодам, избыточность упоминаний ощущений и эмоций, оправдание причин и мотивов действий в прошлом с позиции сегодняшнего статуса, уход от личного повествования в историческую реконструкцию.

В перспективе изучение субъективного восприятия периода детства может способствовать поиску управляемых факторов для улучшения качества жизни, субъективной эмоциональной стабилизации, повышения самостоятельности и снижения инфантилизации молодого поколения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Alanen L.* “Intersectionality” and other challenges to theorizing childhood // *Childhood*. 2016. Vol. 23, № 2. P. 157–161. DOI [10.1177/0907568216631055](https://doi.org/10.1177/0907568216631055).
2. Бессчетнова О. В., Майорова-Щеглова С. Н. Участие несовершеннолетних пациентов в обсуждении и решении вопросов их здоровья и пребывания в медицинских учреждениях: социальный аспект // *Социальные науки и детство*. 2023. Т. 4, № 2. С. 7–22. DOI [10.17759/ssc.2023040201](https://doi.org/10.17759/ssc.2023040201). EDN [PBRUUL](#).
3. Филипова А. Г., Бухтиярова И. Н. О смыслах, барьерах и практиках участия детей: размышления над седьмым разделом национальной стратегии действий в интересах детей // *Журнал исследований социальной политики*. 2022. № 1. С. 23–26. DOI [10.17323/727-0634-2022-20-1-23-36](https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-1-23-36). EDN [ARJMPA](#).
4. Авалуева Н. Б., Алексеева А. С., Алиева Э. Ф. Система оценивания субъективного благополучия российских школьников: теоретико-методологическое обоснование // *Сибирский психологический журнал*. 2022. № 83. С. 100–121. DOI [10.17223/17267080/83/6](https://doi.org/10.17223/17267080/83/6). EDN [ZTPHXO](#).
5. Как измерить благополучие детей в российских регионах: методические материалы / И. Е. Калабахина, О. В. Кучмаева, З. Г. Казбекова [и др.] ; под ред. И. Е. Калабахиной. М. : МАКС Пресс, 2023. 98 с. ISBN 978-5-317-07104-2. EDN [SYUNPY](#).
6. Телицына А. Ю. Оценка детского благополучия: международный и российский опыт в рамках теории новой социологии детства // *Социальные науки и детство*. 2022. Т. 3, № 2. С. 120–131. DOI [10.17759/ssc.2022030208](https://doi.org/10.17759/ssc.2022030208). EDN [GCILHQ](#).

7. Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А., Губанова А. Ю. Событийность детства: к вопросу об эмпирических доказательствах теории генераций // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 3–15. DOI [10.31857/S013216250008796-8](https://doi.org/10.31857/S013216250008796-8). EDN [HFGNTT](#).
8. Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / Г. Г. Татарова, Н. С. Бабич [и др.] ; отв. ред. Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 358 с. ISBN 978-5-89697-408-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023). EDN [LSRSFV](#).
9. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; РАН ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; 4 изд., доп. М. : ЛД ИНВЕСТ: Азбуковник, 2003. 939 с. ISBN 5-89285-003-X.
10. Леонтьев Д. А. К антропологии счастья: состояние благополучия и путь радости // Человек. 2011. № 5. С. 34–46. EDN [OIXRTN](#).
11. Лысухо А. С. Обзор российских исследований по теме «социальное благополучие»: основные исследования и результаты // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2020. № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. С. 7–18. DOI [10.19181/INAB.2020.1.1](https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1.1). EDN [YAGTMJ](#).
12. Growing up happy: Longitudinal relations between children's happiness and their social and academic functioning / Y. Yanwen, Ch. Xinyin, L. Dan [et al.] // The Journal of Positive Psychology. 2023. Vol. 18. P. 531–546. DOI [10.1080/17439760.2022.2093783](https://doi.org/10.1080/17439760.2022.2093783).
13. Beaujouan E., Berghammer C. The gap between lifetime fertility intentions and completed fertility in Europe and the United States: a cohort approach // Population research and policy review. 2019. Vol. 38, № 1. P. 507–535. DOI [10.1553/0x003ccff4](https://doi.org/10.1553/0x003ccff4).
14. Beaujouan E., Solaz A. Is the family size of parents and children still related? Revisiting the cross-generational relationship over the last century // Demography. 2019. Vol. 56, № 2. P. 595–619. DOI [10.1007/s13524-019-00767-5](https://doi.org/10.1007/s13524-019-00767-5).
15. Ашихмина О. А., Половинко Д. О. Методика измерения репродуктивной установки взрослых // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2023. № 2. С. 39–48. DOI [10.24147/2410-6364.2023.2.39-48](https://doi.org/10.24147/2410-6364.2023.2.39-48). EDN [SQJXRA](#).
16. Гарифулина Э. Ш., Телицына А. Ю. Уязвимое детство в контексте детского благополучия // Психология и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 72–88. DOI [10.17759/psylaw.2024140105](https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140105). EDN [RXDQGP](#).
17. «Чтобы не болтался»: внешкольная деятельность как мера профилактики девиантного поведения детей / А. П. Пунгина, А. О. Зайнаготдинова, М. А. Сеникова [и др.] // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25, № 1. С. 132–167. DOI [10.31119/jssa.2022.25.1.5](https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.5). EDN [VFBVKZ](#).
18. Urbina-Garcia A. Do We Listen to What Makes Children Happy? A Systematic Literature Review of Voices of Children Aged 3–7 Years in Educational Research // Journal of Happiness and Health. 2024. Vol. 4, № 2. P. 46–62. DOI [10.47602/johah.v4i2.74](https://doi.org/10.47602/johah.v4i2.74). EDN [RRKMQA](#).
19. Handbook of Child Well-Being: Theories, Methods and Policies in Global Perspective / Eds. A. Ben-Arieh, F. Casas, I. Fr nes, J. E. Korbin. Springer Netherlands, 2013. 3258 p. ISBN 978-90-481-9063-8. DOI [10.1007/978-90-481-9063-8](https://doi.org/10.1007/978-90-481-9063-8).
20. Булкина Н. А. Особенности представлений о счастье в детском и пожилом возрасте // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, № 4 (92). С. 440–445. DOI [10.21603/2078-8975-2022-24-4-440-445](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-440-445). EDN [JAOIIN](#).

21. Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А., Губанова А. Ю. Социокультурное воспроизводство поколения через событийность детства // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, № 5. С. 452–466. DOI [10.25281/2072-3156-2021-18-5-452-466](#). EDN [URZHVE](#).
22. Ключко О. И. Концепция гендерной ментальности как методологическое основание гендерного подхода в социально-психологическом исследовании // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13, № 4. С. 13–29. DOI [10.17759/sps.2022130402](#). EDN [KGYQNG](#).
23. Осипова И. С., Никишов С. Н., Андриянова А. В. Особенности функционирования автобиографической памяти студентов с различным уровнем социального интеллекта // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/87PSMN119.pdf> (дата обращения: 04.04.2024). EDN [HGYUGA](#).
24. Diener E., Diener C. Most people are happy // Psychological science. 1996. Vol. 7, № 3. P. 181–185. DOI [10.1111/j.1467-9280.1996.tb00354.x](#).
25. Кученкова А. В., Татарова Г. Г. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 30–43. DOI [10.31857/S013216250006135-1](#). EDN [NVRSHV](#).
26. Татарова Г. Г., Кученкова А. В. «Удовлетворенность жизнью» и «личное счастье» в социологическом измерении субъективного благополучия // Россия реформирующаяся. 2020. № 18. С. 565–589. DOI [10.19181/ezheg.2020.24](#). EDN [FRWRDQ](#).
27. Гурко Т. А. Динамика жизнедеятельности и факторы благополучия подростков // Мир России. 2023. Т. 32, № 4. С. 119–137. DOI [10.17323/1811-038X-2023-32-4-119-137](#). EDN [WFALLR](#).
28. Митрофанова С. Ю. Дети-потребители: новая роль нового поколения // Вестник ВЭГУ. 2018. № 2 (94). С. 56–62. EDN [YWLKBM](#).
29. Андрееenkova А. В. Исследования жизненного пути — концептуальные и методологические подходы и решения // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 1. С. 6–24. DOI [10.19181/snsp.2024.12.1.1](#). EDN [ADRPNA](#).

Сведения об авторах

А. В. Кученкова

кандидат социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
SPIN-код: [8603-7421](#)

С. Н. Майорова-Щеглова

доктор социологических наук, профессор,
профессор
SPIN-код: [8853-6817](#)

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024; принята к публикации 03.07.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.6

HAPPY CHILDHOOD: THE SEARCH FOR AN INFORMATIVE SYSTEM OF CHARACTERISTICS THROUGH THE PRISM OF EVENTFULNESS

Anna Vladimirovna Kuchenkova¹
Svetlana Nikolaevna Mayorova-Shcheglova²

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

¹ a.v.kuchenkova@gmail.com,
ORCID 0000-0002-5554-7009

² Moscow State University
of Psychology and Education,
Moscow, Russia,

² shcheglova-s@yandex.ru,
ORCID 0000-0003-4935-9148

For citation: Kuchenkova A. V., Mayorova-Shcheglova S. N. Happy childhood: the search for an informative system of characteristics through the prism of eventfulness. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(3):125–149. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.6.

Abstract. The results of a study devoted to identifying the potential of using information about childhood events to explain the subsequent perception of childhood as a happy one are presented. Based on the assumption that the specificity of the eventfulness of the very first stage of life can determine the existence of groups with happy and unhappy childhood according to subjective estimates, a selection of childhood events has been made that most allow differentiating those who evaluate their childhood as happy and unhappy. As an empirical basis, the results of a survey of representatives of a youth group who have crossed the age of majority or are on its border are used. Among the 100 initial childhood events for analysis, groups of life episodes were identified, the presence and age of occurrence of which are associated with a retrospective assessment of childhood as happy. These are events related to the manifestation of subjectivity and its recognition by adults; consumer and financial socialization; establishing relationships with peers and parents; independent movements and mobility; a variety of leisure practices and prosocial behavior; some manifestations of infantilism; the absence or later onset of certain traumatic events, deviant behavior practices, actions to change appearance. The listed groups of life episodes form the basis of an informative system of characteristics of a subjectively prosperous childhood and can be used in the future to implement models of multidimensional analysis.

Keywords: childhood, children, event, happiness, subjective well-being, an informative system of characteristics

REFERENCES

1. Alanen L. “Intersectionality” and other challenges to theorizing childhood. *Childhood*. 2016;23(2):157–161. DOI 10.1177/0907568216631055.

2. Besschetnova O. V., Mayorova-Shcheglova S. N. Participation of underage patients in the discussion-making process regarding their health and stay in hospital: social aspect. *Sotsial'nye nauki i detstvo*=*Social sciences and childhood*. 2023;4(2):7–22. (In Russ.). DOI [10.17759/ssc.2023040201](https://doi.org/10.17759/ssc.2023040201).
3. Filipova A., Bukhtiyarova I. About the meanings, barriers and practices of child participation: reflections on the seventh section of the national strategy for children. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*=*The journal of social policy studies*. 2022;20(1):23–36. (In Russ.). DOI [10.17323/727-0634-2022-20-1-23-36](https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-1-23-36).
4. Avalueva N. B., Alekseeva A. S., Alieva E. F. Assessment system for subjective well-being of russian schoolchildren: a theoretical and methodological rationale. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal*=*Siberian journal of psychology*. 2022;(83):100–121. (In Russ.). DOI [10.17223/17267080/83/6](https://doi.org/10.17223/17267080/83/6).
5. Kalabikhina I. E. ed. How to measure the well-being of children in Russian regions: methodological materials. Moscow: MAKS Press, 2023. 98 p. (In Russ.). ISBN 978-5-317-07104-2.
6. Telitsyna A. Yu. Evaluation of children's well-being: international and Russian experience in the framework of the theory of the new sociology of childhood. *Sotsial'nye nauki i detstvo*=*Social sciences and childhood*. 2022;3(2-3):120–131. (In Russ.). DOI [10.17759/ssc.2022030208](https://doi.org/10.17759/ssc.2022030208).
7. Mayorova-Shcheglova S. N., Kolosova E. A., Gubanova A. Yu. The eventfulness of childhood: the question of empirical evidence of the generations theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya*=*Sociological studies*. 2020;(3):3–15. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250008796-8](https://doi.org/10.31857/S013216250008796-8).
8. Tatarova G. G., Kuchenkova A. V. eds. Typological analysis in sociology as a diagnostic procedure. Moscow: FNISC RAN; 2023. 358 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-408-6.
9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phrases. expressions. 4th ed., add. Moscow: LD INVEST: Azbukovnik, 2003. 939 p. (In Russ.). ISBN 5-89285-003-X.
10. Leontyev D. A. Toward the anthropology of happiness: the state of well-being and the path of joy. *Chelovek*=*Human*. 2011;(5):34–46. (In Russ.).
11. Lysuho A. S. Review of Russian research on the topic “social well-being”: main studies and results. *Informatsionno-analiticheskiy byulleten' (INAB)*=*Information and analytical bulletin (INAB)*. 2020;(1):7–18. (In Russ.). DOI [10.19181/INAB.2020.1.1](https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1.1). Available at: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=9089 (accessed: 04.24.2024).
12. Yanwen Y., Xinyin Ch., Dan L., Jungsheng L., Fan Y. [et al.]. Growing up happy: Longitudinal relations between children's happiness and their social and academic functioning. *The Journal of Positive Psychology*. 2023;(18):531–546. DOI [10.1080/17439760.2022.2093783](https://doi.org/10.1080/17439760.2022.2093783).
13. Beaujouan E., Berghammer C. The gap between lifetime fertility intentions and completed fertility in Europe and the United States: a cohort approach. *Population research and policy review*. 2019;38(1):507–535. DOI [10.1553/0x003ccff4](https://doi.org/10.1553/0x003ccff4).
14. Beaujouan E., Solaz A. Is the family size of parents and children still related? Revisiting the cross-generational relationship over the last century. *Demography*. 2019;56(2):595–619. DOI [10.1007/s13524-019-00767-5](https://doi.org/10.1007/s13524-019-00767-5).
15. Ashikhmina O. A., Polovinko D. O. Methodology for measuring the reproductive attitude of adults. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psikhologiya"*=*Herald of Omsk university. Series "Psychology"*. 2023;(2):39–48. (In Russ.). DOI [10.24147/2410-6364.2023.2.39-48](https://doi.org/10.24147/2410-6364.2023.2.39-48).

16. Garifulina E. Sh., Telitsyna A. Yu. Vulnerable childhood in the context of children's well-being. *Psikhologiya i pravo=Psychology and law*. 2024;14(1):72–88. (In Russ.). DOI [10.17759/psylaw.2024140105](https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140105).
17. Pungina A., Zainagotdinova A., Sennikova M., Avdeeva V. [et al.] Extracurricular activities as a preventive measure of children's deviant behavior. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii=The journal of sociology and social anthropology*. 2022;25(1):132–167. (In Russ.). DOI [10.31119/jssa.2022.25.1.5](https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.5).
18. Urbina-Garcia A. Do We Listen to What Makes Children Happy? A Systematic Literature Review of Voices of Children Aged 3–7 Years in Educational Research. *Journal of Happiness and Health*. 2024;4(2):46–62. DOI [10.47602/johah.v4i2.74](https://doi.org/10.47602/johah.v4i2.74).
19. Ben-Arieh A., Casas F., Frønes I., Korbin J. E. eds. Handbook of Child Well-Being: Theories, Methods and Policies in Global Perspective. Springer Netherlands, 2013. 3258 p. ISBN 9048190622, 978904819062. DOI [10.1007/978-90-481-9063-8](https://doi.org/10.1007/978-90-481-9063-8).
20. Bulkina N. A. Concept of happiness in children and older adults. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Kemerovo State University*. 2022;24(4): 440–445. (In Russ.). DOI [10.21603/2078-8975-2022-24-4-440-445](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-440-445).
21. Mayorova-Shcheglova S. N., Kolosova E. A., Gubanova A. Yu. Socio-cultural reproduction of a generation through the eventfulness of childhood. *Observatoriya kul'tury=Observatory of culture*. 2021;18(5):452–466. (In Russ.). DOI [10.25281/2072-3156-2021-18-5-452-466](https://doi.org/10.25281/2072-3156-2021-18-5-452-466).
22. Klyuchko O. I. The concept of gender mentality as a methodological basis for the gender approach in social-psychological research. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo=Social psychology and society*. 2022;13(4):13–29. (In Russ.). DOI [10.17759/sps.2022130402](https://doi.org/10.17759/sps.2022130402).
23. Osipova I. S., Nikishov S. N., Andriyanova A. V. Features of autobiographical memory functioning of students with different levels of social intelligence. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya=World of science. Pedagogy and psychology*. 2019;7(1). (In Russ.). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/87PSMN119.pdf> (accessed: 04.24.2024).
24. Diener E., Diener C. Most people are happy. *Psychological science*. 1996;7(3):181–185. DOI [10.1111/j.1467-9280.1996.tb00354.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.1996.tb00354.x).
25. Kuchenkova A. V., Tatarova G. G. «Life-cycle stage» as a determinant of personal subjective wellbeing. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological studies*. 2019;(8):30–43. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250006135-1](https://doi.org/10.31857/S013216250006135-1).
26. Tatarova G. G., Kuchenkova A. V. “Life satisfaction” and “personal happiness” in the sociological studies of subjective well-being. *Reforming Russia: yearbook=Rossiia reformiruyushhayasya. Ezhegodnik*. 2020;(18):565–589. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2020.24](https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.24).
27. Gurko T. A. The dynamics of life activity and factors of teenagers' well-being. *Mir Rossii=Universe of Russia*. 2023;32(4):119–137. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2023-32-4-119-137](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-119-137).
28. Mitrofanova S. Yu. Children-consumers: a new role of the modern generation. *Vestnik VEGU=Bulletin of Academy VEGU*. 2018;94(2):56–62. (In Russ.).
29. Andreenkova A. V. Life course studies — conceptual and methodological approaches and solution. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika=Sociological science and social practice*. 2024;12(1):6–24. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.1.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1).

Information about the Authors

A. V. Kuchenkova

Candidate of Sociology, Associate Professor

Senior Researcher

Scopus AuthorID: **55907762000**

S. N. Mayorova-Shcheglova

Doctor of Sociology, Professor

Professor

Scopus AuthorID: **57190566458**

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 25.04.2024; approved after reviewing 20.06.2024; accepted for publication 03.07.2024.

УДК 316.4

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.7

EDN: PHPLRZ

Научная статья

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ РАБОТЫ ПО ДОМУ В ДОМОХОЗЯЙСТВАХ, СОСТОЯЩИХ ИЗ БРАЧНЫХ ПАР

Полина Михайловна Козырева¹

Алфия Энварьевна Низамова²

Александр Ильич Смирнов³

^{1, 2, 3} Институт социологии ФНИСЦ РАН,

¹ Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия,

¹ pkozyreva@isras.ru,

ORCID 0000-0002-3034-8521

² anizamova@hse.ru,

ORCID 0000-0002-0607-0638

³ smir_al@bk.ru,

ORCID 0000-0001-7078-6203

Для цитирования: Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Распределение и продолжительность работы по дому в домохозяйствах, состоящих из брачных пар // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 150–172. DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.7. EDN PHPLRZ.

Аннотация. На основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» 1994–2021 гг. осуществлён анализ гендерных различий и тенденций, характеризующих изменение структуры распределения и продолжительности работы по дому в домохозяйствах, состоящих только из брачных пар. Выяснено, что в таких домохозяйствах женщины продолжают выполнять гораздо больше работы по дому, чем мужчины. При этом и мужчины, и женщины стали больше трудиться на оплачиваемой работе за пределами домохозяйства, но одновременно сократились общие затраты времени, которое они расходуют на работу вне дома и домашний труд. Выявленные изменения сопровождались более чем двукратным снижением затрат времени у мужчин и женщин на работу по дому и менее значительным сокращением разницы в затратах на домашний труд между женщинами и мужчинами. Гендерное разделение труда по дому за рассматриваемый период стало более равным главным образом потому, что женщины значительно, чем мужчины, сократили время, затрачиваемое на эту деятельность. Результаты исследования указывают также на вариабельность и существенное снижение времени на выполнение различных домашних обязанностей у женщин и мужчин в семьях, состоящих из брачных пар. Значимым является гендерный разрыв в затратах времени при выполнении рутинных домашних обязанностей, требующих однообразного, скучного и утомительного труда.

© Козырева П. М., 2024

© Низамова А. Э., 2024

© Смирнов А. И., 2024

Ключевые слова: домохозяйство, бюджет времени, домашний труд, мониторинг, рабочее время, семья, социальная адаптация

Благодарности: в статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Домашний труд, являющийся важнейшей сферой жизнедеятельности человека, непосредственно связан с уровнем благосостояния семьи и влияет на качество жизни людей. С домашним трудом, который выполняется в домашнем хозяйстве и для домашнего хозяйства, сопряжены формирование и использование ресурсов домохозяйства, соотношение семейных и внесемейных ориентаций, структура семейных ролей и распределение обязанностей между супругами, поиск баланса между временем, проведённым на работе и дома. Главной особенностью домашнего труда является то, что он имеет ярко выраженную специфику, воспроизводящую гендерное неравенство.

Социально-экономические преобразования 1990-х гг. привели, с одной стороны, к существенным, нередко противоречивым переменам в жизни российских семей, положении мужчин и женщин, с другой стороны, к реструктуризации домашнего труда, перераспределению домашних обязанностей. Рост уровня занятости женщин, активизация их участия в различных сферах деятельности, проникновение на прежде не доступные им этажи должностной иерархии, а также увеличение числа разводов и неполных семей, стали активно воздействовать на гендерное разделение труда не только в рыночной, но и в домашней сфере [1, с. 154].

Теоретические предпосылки исследования

Проблемы, связанные с домашним трудом, не остаются без внимания западных и отечественных учёных. При этом в центре изучения социологов находится исследование затрат времени на домашний труд, структуры распределения обязанностей между членами семьи и времени на выполнение этих обязанностей. Несмотря на различия подходов западной науки к изучению указанных проблем, исследования неизменно фиксировали повышенную или чрезмерную загруженность женщин домашней работой [2; 3; 4; 5; 6; 7], которая существует независимо от того, находятся супруги в официальных отношениях или сожительствуют, есть у них дети или нет [8], работают супруги вне дома или не работают [9]. И в то же время было доказано, что работающая женщина тратит меньше времени на домашний труд, чем неработающая [10]. Но в целом гендерный разрыв в работе по дому сохраняется и в настоящее время, несмотря на рост занятости и доходов женщин на рынке труда [11].

Подробно были проанализированы детерминанты внутрисемейного распределения времени [12], в том числе с точки зрения ресурсного под-

хода (образование, профессиональный статус, доходы, владение жильём и др.) [13; 14]. Выявлено также, что увеличение трудовой нагрузки у жены за пределами семьи приумножает затраты времени на домашний труд у мужа [15], тогда как занятость и высокий профессиональный статус мужа сокращают у него затраты времени на работу в домашнем хозяйстве [16]. На основе анализа затрат времени на различные виды домашнего труда установлена связь между распределением времени на труд и отдых [17], принятием решений в семье и внутрисемейным распределением времени [18], влиянием изменений в семейном положении на выполнение мужчинами работы по дому [19]. Выявлено, что в течение брака вклад мужа в работу по дому значительно снижается независимо от дохода супругов или рабочего времени [20].

Анализ тенденций, характеризующих изменение затрат времени в сфере домашнего труда, показал, что усиление позиций женщин на рынке труда привело к увеличению затрат времени мужчин на работу по дому [21; 22], но несмотря на это, женщины, как и прежде, выполняют большую часть домашней работы [23]. Позже было показано, что с начала второй половины XX века разница в затратах времени на основную работу и на домашний труд между мужчинами и женщинами существенно сократилась. Это было достигнуто как за счёт снижения роли женщин, так и за счёт повышения роли мужчин в распределении домашних обязанностей [24]. При изучении влияния переходов между сожительством и браком на время домашнего труда обнаружена исключительная стабильность у мужчин и значительные изменения у женщин [25].

С. М. Бьянки, Дж. П. Робинсон и М. А. Милки выяснили, что, несмотря на возросшую рабочую нагрузку вне дома, матери находят время и для работы, и для семьи, жертвуя временем, затрачиваемым на работу по дому. В результате сегодня в общей трудовой нагрузке существует примерное гендерное равенство, как это хорошо прослеживалось с 1965 г. [26]. И в то же время С. М. Бьянки пришла к выводу, что общее увеличение работы по дому как у мужчин, так и у женщин в сочетании с ростом двойной занятости оставляет им слишком мало свободного времени, времени на отдых [27]. Дж. Р. Пепин, Л. К. Сэйер и Л. М. Каспер обнаружили, что, хотя семейное положение дифференцирует работу по дому, досуг и время сна, это не влияет на количество времени, которое матери уделяют уходу за детьми. За вычетом количества рабочих часов замужние матери выполняют больше работы по дому, чем никогда не состоявшие в браке и разведённые матери [28].

Отечественные социологи тоже не одно десятилетие занимаются изучением затрат времени на домашний труд как неотъемлемой части жизнедеятельности людей. В фокусе внимания исследователей находятся общие

проблемы распределения домашнего труда в семье, с различных позиций рассматриваются особенности гендерной асимметрии в распределении домашних обязанностей. На основе анализа данных различных исследований было показано, что женщины, несмотря на рост их вовлечённости в оплачиваемый труд, несут большую общую трудовую нагрузку и гораздо больше заняты домашним трудом, чем мужчины [1; 29; 30; 31; 32; 33; 34, с. 40–46; 35; 36]. Вместе с тем С. Ю. Барсукова и В. В. Радаев пришли к выводу, что общая трудовая нагрузка у женщин только несколько больше, чем у мужчин, обратив внимание на асимметрию, касающуюся неравного распределения времени на выполнение работы в домохозяйстве и за его пределами, что нивелирует различия в общей трудовой нагрузке [37].

Внимание отечественных учёных привлекает изучение конкретных факторов, влияющих на распределение домашних обязанностей, оценка их вклада в формирование гендерного разрыва в объёмах домашнего труда. Было показано, что важнейшими факторами, определяющими затраты времени на ведение домашнего хозяйства, являются возраст, наличие и количество детей в семье [38; 39]. Далее было выяснено, что наряду с возрастом и количеством детей продолжительность работы по дому зависит от таких факторов, как социальное положение семьи, место проживания, уровень дохода [40; 41]. Значимое влияние на распределение домашних обязанностей между партнёрами оказывают также характеристики занятости, условия труда, состояние здоровья членов семьи [42], различия в представлениях мужчин и женщин о затратах времени на работу по дому [43].

М. А. Малкова и Я. М. Рощина, рассматривая особенности затрат времени на отдельные виды домашнего труда разными социально-экономическими группами россиян, выделили группы, характеризующиеся различным набором практик в домашнем хозяйстве и дифференциацией затрат времени на эти цели, а также построили типологию семей в зависимости от распределения домашних обязанностей между членами домохозяйства [44]. Изучается принципиально новый опыт распределения домашнего труда во время пандемии коронавируса. В частности, И. Е. Калабихина и С. М. Ребрей выявили ярко выраженную гендерную специфику домашнего труда на самоизоляции (у женщин нагрузка возросла значительно, чем у мужчин), а также детерминант, определяющих изменения в распределении времени на ведение домашнего хозяйства [45].

В целом направления и подходы отечественных и западных социологов по изучению проблем, связанных с распределением домашнего труда, как и сами проблемы, порождаемые работой в домохозяйстве, во многом совпадают, но по ряду направлений российские наработки существенно уступают наработкам учёных западных стран.

Эмпирическая база исследования

Несмотря на значительный теоретический багаж и объём эмпирических исследований, проблемы, связанные с распределением домашнего труда, требуют к себе постоянного внимания. В данной статье мы обратились к изучению гендерной специфики распределения домашнего труда в домохозяйствах, включающих только пары, состоящие в зарегистрированном или незарегистрированном браке. Внимание сфокусировано на анализе основных тенденций, характеризующих изменения в течение 1994–2021 гг. Анализируется меняющееся разделение домашней работы между мужьями и жёнами или сожителями. Это исследование выросло из потребности получить и проанализировать достоверную эмпирическую информацию, касающуюся малоизученной проблемы в отношении исследуемого объекта.

Решение поставленной задачи достигается посредством анализа затрат времени на домашний труд мужчинами и женщинами, состоящими в официальном или гражданском браке. Работа по дому означает деятельность, которая выполняется бесплатно для того, чтобы содержать домашнее хозяйство и обеспечивать повседневный быт семьи. В обследовании фиксировались затраты времени мужчин и женщин в последние семь дней, предшествующих опросу, на поиски и покупку продуктов питания, включая заказ продуктов через Интернет или по телефону; приготовление пищи и мытьё посуды; уборку квартиры; стирку и глажение белья, своей одежды или других членов семьи.

Эмпирическую базу исследования составляют данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)»¹. Объектом исследования являлись взрослые россияне в возрасте 18 лет и старше, выступающие членами домохозяйств, состоящих только из брачных пар. Анализ имеет определённые ограничения, обусловленные тем, что представляющие интерес вопросы включались в «Вопросник для взрослых» только в 1994–1996, 1998 гг. (5–8 волны), а затем после большого перерыва в 2021 году (30 волна). К данным применены веса выборки для типа населённого пункта и размера семьи. Объём выборочной совокупности составляет 3515 домохозяйств на взвешенном файле пяти волн. При анализе применялись как параметрические, так и непараметрические тесты. Для всех исходных переменных и каждого итогового

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>).

индекса, на основе которых формулировались выводы по статьям затрат времени, вычислялась нормальная аппроксимация (z-статистика), для количественных шкал использовались критерии Манна–Уитни и Краскела–Уоллиса (поскольку, будучи непараметрическими, последние не требуют обязательного нормального распределения), для таблиц сопряжённости с категориальными переменными рассчитывался χ^2 Пирсона.

Динамика продолжительности работы по дому

Анализ данных RLMS-HSE показал, что на протяжении 1994–2021 гг. уровень занятости мужчин и женщин из домохозяйств, включающих только брачные пары, был подвержен значительным колебаниям. Но в целом за эти годы доля занятых среди опрошенных мужчин сократилась с 49,3 до 46,5%, тогда как среди женщин увеличилась с 39 до 41,5%. В результате указанных изменений разница в уровне занятости между мужчинами и женщинами, составляющими рассматриваемые домохозяйства, упала до минимальных 5 п. п. При этом динамика процесса в разных возрастных группах была неодинаковой, но везде восходящей (см. табл. 1).

Таблица 1

*Уровень занятости на рынке труда мужчин и женщин по возрастным группам,
в % от числа респондентов в каждой группе*

Группы по полу и возрасту	Годы				
	1994	1995	1996	1998	2021
<i>Мужчины</i>					
18–44 года	91,7	93,2	81,3	89,0	91,2
45–59 лет	74,5	76,2	75,2	71,0	86,2
60 лет и больше	15,4	15,0	12,1	14,9	19,9
<i>Женщины</i>					
18–44 года	73,0	81,5	61,7	64,1	85,6
45–54 года	75,6	71,2	75,0	76,2	83,0
55 лет и старше	20,8	21,2	18,5	17,4	26,6

И в то же время на протяжении всех лет женщины были в разы чаще загружены домашними делами, чем мужчины. По данным за 2021 год, эта разница в отношении стирки, глажения белья, одежды (88,3% против 8,3%), уборки квартиры (94,5% против 24,3%) была существенно больше, чем в отношении приготовления пищи и мытья посуды (98,8% против 38,2%), поиска и покупки продуктов питания (79,7% против 47,3%). Подобная картина, но характеризующаяся большими ежегодными колебаниями, наблюдалась и в 1990-е гг., которые отличались колоссальной нестабильностью и неопределённостью, неясностью настоящего и непредсказуемостью будущего. Домашняя активность мужчин была больше

только тогда, когда в анализ включались затраты времени на такие домашние дела, как ремонт, починка мебели и бытовых приборов. Но этот вопрос встречается в вопросниках RLMS-HSE только один раз в 1994 году. Тогда же статья затрат времени на стирку и глажение белья включала починку или шитьё одежды для членов семьи (чем обычно занимаются женщины), что повышало показатели домашней активности женщин в начале обследуемого периода времени.

Несмотря на неоднозначность трактовки и содержательное наполнение термина «домашняя работа», неоспоримым фактом является то, что преобладающая часть домашней работы выполнялась и выполняется женщинами. Из таблицы 2 видно, что в рассматриваемых домохозяйствах мужчины неизменно существенно превосходят женщин по продолжительности оплачиваемого труда на производстве (в среднем на 5–6 часов) и гораздо меньше — по продолжительности работы в личном подсобном хозяйстве, на приусадебном (садовом, земельном) участке (в среднем на 1–2 часа). Но в то же время затраты времени на работу по дому у женщин втрое выше, чем у их партнёров мужчин.

Таблица 2

*Продолжительность оплачиваемого и неоплачиваемого труда
в неделю в домохозяйствах, состоящих из брачных пар,
в среднем на человека в часах за 7 дней недели*

Год	Виды оплачиваемого и неоплачиваемого труда (работа)					
	На производстве		В личном подсобном хозяйстве		По дому	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1994	44,4	38,7	19,6	19,6	13,5	34,5
1995	43,2	38,0	19,3	17,1	10,3	31,2
1996	44,4	37,9	19,1	17,9	9,5	29,5
1998	41,0	37,3	18,1	15,9	8,3	26,1
2021	45,7	40,3	12,0	11,4	6,0	19,0

Хорошо видно также, что в 2021 году по сравнению с 1990-ми гг. и мужчины, и женщины стали больше работать на производстве, но намного меньше в личном подсобном хозяйстве. Последняя тенденция объясняется заметным снижением роли личного подсобного хозяйства в продовольственном обеспечении населения. Сегодня производство сельхозпродукции концентрируется в руках всё меньшего числа крупных компаний, сетевые поставщики постоянно укрепляют свои позиции на рынке, а нынешние горожане уже не так сильно зависят от продукции, произведённой в личном подсобном хозяйстве, как прежде.

Что касается работы по дому, то сокращение продолжительности этого труда в домохозяйствах, состоящих только из брачных пар, началось уже в 1990-х гг. В 2021 году супруги и сожители из этих домохозяйств стали тратить на работу по дому вдвое меньше времени, чем в 1994 году. Учитывая рассмотренные выше тенденции, характеризующие динамику продолжительности работы на производстве и в личном подсобном хозяйстве, такое значительное сокращение нельзя объяснить ростом загруженности супругов и сожителей работой вне дома. Однако нельзя не признать, что увеличение участия женщин в рабочей силе и старение населения изменили семейную жизнь брачных пар.

Значительную роль в данном случае сыграли рост доходов населения и развитие сферы услуг в последние десятилетия, которые не затормозила даже пандемия коронавируса. Уровень развития сферы услуг стал важнейшим фактором экономического роста и повышения качества жизни населения. В настоящее время не нужно тратить так много времени, как в чрезвычайно трудные 1990-е гг., на поиск и покупку необходимых продуктов питания и непродовольственных товаров. Люди стали чаще пользоваться услугами предприятий общественного питания, не тратя время на покупку продовольствия, приготовление пищи и мытьё посуды.

Ввиду того, что в выборке значительную долю составляют лица пенсионного возраста, рассматривать совокупные затраты времени на работу на производстве и по дому целесообразно отдельно для респондентов, работавших и не работавших на производстве в течение недели, предшествующей опросу (см. табл. 3). Эти данные показывают, что общей тенденцией для почти всего рассматриваемого нами тридцатилетнего периода является снижение совокупных затрат времени на труд у всех категорий респондентов, за исключением работающих мужчин, что может свидетельствовать о росте их включённости как в работу на производстве, так и в вопросы семейного быта. У работающих женщин снижение за рассма-

Таблица 3

Совокупная продолжительность работы в неделю на производстве и по дому работающих и неработающих мужчин и женщин в домохозяйствах, состоящих из брачных пар, в среднем на человека в часах за 7 дней недели

Занятость	Годы				
	1994	1995	1996	1998	2021
<i>Работающие на производстве:</i>					
мужчины	53,1	48,1	49,1	44,7	48,5
женщины	68,5	66,1	61,5	59,7	56,9
<i>Не работающие на производстве:</i>					
мужчины	15,2	11,5	10,4	9,9	6,8
женщины	37,0	32,7	31,8	27,5	19,9

триваемый период совокупной трудовой нагрузки составило из расчёта в неделю на человека 11,6 часа или почти 17%. Что касается не работающих на производстве, то здесь совокупная продолжительность работы в неделю сократилась у мужчин в 2,2 раза — с 15,2 до 6,8 часа, тогда как у женщин почти в 2 раза — с 37 до 19,9 часа.

Очевидна также загруженность женщин, неизменно превалирующая как у занятых, так и у незанятых на производстве. Причём, как уже было установлено ранее, более значительная общая трудовая нагрузка женщин связана главным образом с домашним трудом, хотя частично этот разрыв компенсируется большей загруженностью мужчин на работе вне дома [37, с. 89]. Примечательно, что дистанция между мужчинами и женщинами из брачных пар по данному показателю за прошедшие годы заметно сократилась. У респондентов, занятых на производстве, уменьшение этой недельной разницы составило с 15,4 часа в 1994 году до 8,4 часа в 2021 году, тогда как у неработающих — соответственно с 21,8 до 13,1 часа.

Из таблицы 3 также видно, что наличие оплачиваемой работы на производстве повышает общую трудовую нагрузку у женщин менее значительно, хотя и ненамного, чем у мужчин. Об этом свидетельствует сравнительный анализ различий между работающими и неработающими респондентами по совокупной средней продолжительности работы в неделю на производстве и дома. При этом за 1994–2021 гг. данный разрыв увеличился у респондентов обоего пола, но у женщин более существенно (с 31,5 до 37 часов), чем у мужчин (с 37,9 до 41,7 часа).

Оплачиваемая работа на производстве, повышая общую трудовую нагрузку, в то же время сокращает время, которое женщина может использовать на работу по дому. Но нужно учитывать и то, что влияние оплачиваемой работы на продолжительность работы по дому имеет и другое измерение. Исследования показывают, что чем меньше доля женщины в доходах семьи, тем больше объём выполняемого ею домашнего труда [46, с. 50].

Данные о продолжительности работы по дому (в среднем на человека в часах в день) у мужчин и женщин из брачных пар по видам домашнего труда ещё раз подтверждают тот факт, что мужчины гораздо меньше загружены домашней работой, чем женщины (см. табл. 4). Согласно общим данным, в настоящее время женщины в брачных парах в среднем тратят менее 3 часов в день на выполнение всей работы по дому, тогда как в 1994 году эта статья составляла в их бюджете времени почти 5 часов. Из этого следует, что суточная бытовая нагрузка на женщин за всё время наблюдений упала более чем в 1,8 раза. Однако и у мужчин наблюдалось не менее значительное падение этого показателя, которое составило более двух раз. Поэтому в 2021 году мужчины тратили времени на ра-

Таблица 4

*Продолжительность работы по дому в день по видам домашнего труда мужчин и женщин из домохозяйств, состоящих из брачных пар, занятых и незанятых на рынке труда, на человека в часах в день — средняя, медиана, уровни значимости **

Виды домашней работы	Годы			Уровень значимости	
	1994	1998	2021	P^{**}	P_K^{***}
Поиск и покупка продуктов питания					
Мужчины не работает	1,0 (0,6)	0,6 (0,4)	0,4 (0,3)	<0,001	<0,001 — 1994, 1998, 2021
	1,1 (0,9)	0,7 (0,6)	0,5 (0,4)		
	0,8 (0,4)	0,5 (0,3)	0,3 (0,3)		
Женщины не работает	1,1 (0,7)	0,7 (0,4)	0,5 (0,4)	<0,001	<0,001 — 1994, <0,05 — 1998, >0,1 — 2021
	1,3 (1,0)	0,8 (0,6)	0,5 (0,4)		
	0,8 (0,6)	0,5 (0,4)	0,5 (0,4)		
Приготовление пищи и мытьё посуды					
Мужчины не работает	1,0 (0,6)	0,8 (0,4)	0,5 (0,3)	<0,001	<0,05 — 1994, <0,001 — 1998, 2021
	1,2 (0,9)	1,0 (0,6)	0,6 (0,4)		
	0,8 (0,5)	0,5 (0,4)	0,4 (0,3)		
Женщины не работает	2,5 (2,1)	2,2 (2,0)	1,4 (1,1)	<0,001	<0,05 — 2021, <0,001 — 1994, 1998
	2,8 (2,9)	2,4 (2,0)	1,5 (1,4)		
	2,2 (2,0)	1,8 (2,0)	1,3 (1,0)		
Уборка квартиры					
Мужчины не работает	1,0 (0,4)	0,4 (0,3)	0,3 (0,3)	<0,001	>0,05 — 1994, <0,5 — 1998, 2021
	0,9 (0,4)	0,5 (0,3)	0,4 (0,3)		
	1,0 (0,4)	0,4 (0,3)	0,3 (0,3)		
Женщины не работает	1,1 (1,0)	0,8 (0,6)	0,6 (0,4)	<0,001	<0,001 — 1994, 1998, >0,05 — 2021
	1,2 (1,0)	0,9 (0,7)	0,7 (0,4)		
	1,0 (0,7)	0,7 (0,4)	0,6 (0,4)		
Стирка, глажение одежды					
Мужчины не работает	0,4 (0,3)	0,3 (0,3)	0,2 (0,1)	>0,05	>0,05 — 1994, 2021, <0,05 — 1998
	0,5 (0,3)	0,5 (0,3)	0,3 (0,2)		
	0,4 (0,3)	0,2 (0,1)	0,2 (0,1)		
Женщины не работает	0,8 (0,6)	0,6 (0,4)	0,4 (0,3)	<0,001	<0,001 — 1994, >0,05 — 1998, 2021
	0,8 (0,7)	0,6 (0,4)	0,5 (0,3)		
	0,6 (0,6)	0,5 (0,4)	0,4 (0,3)		
Работа по дому в целом					
Мужчины не работает	1,9 (1,2)	1,2 (0,7)	0,8 (0,5)	<0,001	>0,05 — 1994, <0,001 — 1998, 2021
	2,0 (1,4)	1,5 (0,9)	0,9 (0,6)		
	1,9 (1,1)	0,8 (0,6)	0,6 (0,4)		
Женщины не работает	4,9 (4,6)	3,7 (3,5)	2,7 (2,4)	<0,001	<0,001 — 1994, 1998, <0,01 — 2021
	5,0 (4,9)	3,8 (3,6)	2,8 (2,6)		
	4,8 (4,3)	3,7 (3,4)	2,6 (2,3)		

* Здесь и далее результаты расчётов приводятся по семьям, где зафиксированы затраты времени по рассматриваемой статье работ по дому.

** P — уровень значимости различий, вычисленный с использованием критерия Краскела–Уоллиса для динамики по годам по данной категории опрошенных.

*** P — уровень значимости различий между категориями работающих и не работающих, вычисленный с использованием критерия U Манна–Уитни по каждому году.

боту по дому в среднем в день всё так же, как и в 1990-х гг. (например, в 1995 году), в три раза меньше своих партнёрш. Важно, что занятость на работе детерминирует различие затрат времени в быту как у мужчин, так и у женщин в парах, однако наличие работы не относится к факторам, серьёзно определяющим дифференциацию в бытовой загруженности мужей и жён. Следует также обратить внимание на тот факт, что сокращение суточных затрат времени в течение рассматриваемого периода отмечено как у мужчин, так и у женщин в отношении всех видов домашнего труда, но при этом на самом высоком уровне продолжает оставаться загруженность неработающих женщин.

Гендерная дифференциация затрат времени по видам работы по дому

Анализ данных мониторинга показывает, что женщины осуществляют более 4/5 общих затрат времени домохозяйств, состоящих из брачных пар, на работу по дому (см. табл. 5). При этом за годы мониторинга почти вдвое упала общая сумма затрат времени на домашнюю работу всех членов домохозяйства в день и в 1,6 раза сократилась абсолютная разница в рассматриваемых затратах времени партнёров в день. Наибольшие изменения этих показателей пришлось на 1990-е гг., кардинально изменившие жизнь российских семей.

Таблица 5

*Показатели общих затрат времени брачных пар на работу по дому
(N = 3232 домохозяйств)*

Показатели затрат времени по видам труда в д/х	Годы				
	1994	1995	1996	1998	2021
Общие затраты времени всех членов д/х в день, час.	6,20	5,24	4,84	4,43	3,13
Разница в затратах в день между жен. и муж., час.	3,52	3,56	3,37	2,94	2,18
Затраты женщин в общих затратах времени, %	81	85	84	83	85

Как видно из таблицы 6, по типам занятости партнёров на рынке труда статистически значимые отличия средних объёмов домашней работы обнаружены в каждом из годов наблюдения. Так, если оба супруга работают, то домохозяйство тратит в среднем наименьшее количество времени на удовлетворение бытовых потребностей. Если работает только супруг или оба супруга не работают, то времени на быт они тратят значительно больше.

Большинство домохозяйств сегодня составляют партнёрские домохозяйства, в которых вся работа по дому выполняется супругами и сожителями совместно. В 2021 году их доля составила 58,9% , что было, однако,

Таблица 6

Общие затраты времени на работу по дому всех членов домохозяйств в день в зависимости от занятости супругов/партнёров на рынке труда, на человека в часах в день — средняя, медиана, уровни значимости (N = 3232 домохозяйств)

Занятость на рынке труда <i>Р_к</i> *	Годы				
	1994	1995	1996	1998	2021
Оба супруга работают	5,79	4,71	4,16	3,92	2,75
	(5,14)	(4,48)	(4,14)	(3,86)	(2,57)
Работает только супруг	6,79	5,38	4,79	4,58	3,28
	(6,42)	(5,04)	(4,66)	(4,52)	(2,93)
Работает только супруга	5,75	5,56	4,39	4,32	3,38
	(5,57)	(5,36)	(4,36)	(4,19)	(3,09)
Оба супруга не работают	6,31	5,5	5,29	4,62	3,29
	(6,00)	(4,92)	(4,86)	(4,29)	(2,98)
<i>P</i> **	<0,01	<0,05	<0,01	<0,05	<0,05

* *Р_к* — согласно критерию U Манна–Уитни при достоверном уровне вероятности различий $p < 0,05$ (в динамике по годам) различия значимы между категориями домохозяйств, где оба супруга работают и оба супруга или только супруга не работают.

** *P* — уровень значимости различий после применения критерия Краскела–Уоллиса по каждому году.

значительно меньше, чем в 1994 году, когда к партнёрским относилось 67,7% всех обследованных домохозяйств. Вполне вероятно, что последнее обстоятельство было связано с тем, что в перечень работ по дому в первой волне обследования включались для мужчин ремонт, починка мебели или бытовых приборов, чем они занимаются чаще других членов семьи, а также починка или шитьё одежды для членов семьи, что обычно входит в обязанности женщин. Но в то же время значительным остаётся количество домохозяйств, в которых всю работу по дому выполняют только женщины. Доля таких домохозяйств, после роста в середине 1990-х гг., вскоре снизилась. В 2021 году она составила 39,1%, что было лишь немного больше зафиксированных в 1998 году (37,5%).

С выделением пар по участию партнёров в затратах времени домохозяйства на работу по дому выяснилось, что число семей, где этим занимались только мужчины, статистически незначимо, и потому при анализе взаимосвязи занятости опрошенных пар по дому и на рынке труда данная группа была исключена. Статистически значимые отличия между группами, где оба супруга занимались домашней работой или только женщина, но при этом по-разному проявляли себя на рынке труда, обнаружились для каждого года наблюдения с 1994 г. по 1998 г., но за исключением 2021 г. (см. табл. 7). В последней волне фактор занятости на рынке труда и участие супругов в работе по дому оказались не связанными друг с другом.

Таблица 7

Распределение брачных пар по участию в работе по дому по годам в зависимости от занятости супругов/партнёров на рынке труда, %

Занятость на рынке труда	Годы									
	1994		1995		1996		1998		2021	
	Оба	Только супруга	Оба	Только супруга	Оба	Только супруга	Оба	Только супруга	Оба	Только супруга
Оба супруга работают	79,1	20,9	62,4	37,6	65,1	34,9	75,2	24,8	64,1	35,9
Только супруг	64,9	35,1	44,9	55,1	41,7	58,3	54,6	45,4	61,8	38,2
Только супруга	73,8	26,2	80,8	19,2	63,0	37,0	77,0	23,0	57,1	42,9
Оба супруга не работают	61,7	38,3	52,5	47,5	48,4	51,6	55,2	44,8	57,0	43,0
Всего	68,8	31,2	56,4	43,6	52,5	47,5	62,0	38,0	60,0	40,0
P*	<0,001		<0,001		<0,001		<0,001		>0,05	

* P — уровень значимости различий по критерию χ^2 Пирсона для каждого года.

И ранее, и сегодня большинство семей составляют партнёрские домохозяйства, в которых вся работа по дому выполняется супругами/сожителями совместно. Однако доля таких домохозяйств выше среди пар, где оба супруга работают, а с 1994 года по 1998 год и среди пар, где работала только супруга. Если работает только супруг или оба супруга не работают, то оказывается значительной доля домохозяйств, в которых всю работу по дому выполняют только женщины: с 1994 года по 1998 год она была выше средней и только в 2021 году стала ближе к уровню 1994 года.

При рассмотрении групп домохозяйств, разделённых по возрасту супруги/партнёрши, обнаруживается (см. табл. 8), что в 2021 году возраст женщины значимо влиял на то, заняты ли работой по дому оба супруга или только женщина. Такая тенденция отмечалась с самого начала наблюдений, за исключением 1996 года. Чем старше возрастная группа женщин, тем больше доля домохозяйств, где только супруга выполняла домашнюю работу, — можно сделать вывод по данным таблицы 8. Однако разница между группами женщин по возрасту была не столь большая в 1996 году. В 2021 году исключительно супруга/партнёрша занималась работой по дому почти в половине домохозяйств, возраст женщин в которых 45–54 года, тогда как ранее их доля была ниже.

В таблице 9 представлена динамика показателей затрат времени брачных пар по видам работы по дому. Из данных видно, что в течение всех лет наблюдений в рамках мониторинга сумма затрат времени членов домохозяйства, состоящих из брачных пар, на покупки продуктов питания имела тенденцию к снижению и к концу 2021 года упала вдвое. За эти же годы не менее значительно сократилась абсолютная разница в затратах времени между женщинами и мужчинами по данной статье — с 0,42 до 0,25 часа

Таблица 8

Распределение брачных пар по участию в работе по дому по годам в зависимости от возраста супруги/партнёры, %

Возраст супруги, лет	Годы									
	1994		1995		1996		1998		2021	
	Оба	Только супруга	Оба	Только супруга	Оба	Только супруга	Оба	Только супруга	Оба	Только супруга
18–44	82,6	17,4	68,1	31,9	59,7	40,3	73,8	26,2	77,6	22,4
45–54	74,8	25,2	58,5	41,5	54,3	45,7	67,6	32,4	51,0	49,0
55 и старше	64,3	35,7	53,8	46,2	51,2	48,8	58,8	41,2	58,8	41,2
Всего	69,0	31,0	56,6	43,4	52,7	47,3	61,9	38,1	59,8	40,2
P*	<0,001		<0,05		>0,05		<0,05		<0,05	

* P — уровень значимости различий по критерию χ^2 Пирсона для каждого года.

в день. По затратам времени на покупки продовольствия женщины неизменно превосходили своих партнёров. Доля затрат времени, приходящаяся на женщин, в общих затратах времени на покупку продуктов питания варьировала в достаточно узких границах — от 69 до 74%.

Характерно, что доля имевших затраты времени на поиски и покупку продуктов питания в паре неизменно оставалась выше среди женщин. В 2021 году эта доля составила 91,4%, тогда как среди мужчин — только 55,8%. Обращает на себя внимание значительное увеличение доли домохозяйств, в которых поддерживаются партнёрские отношения при распределении времени на поиски и покупки продовольствия. В 2021 году по сравнению с 1998 годом доля таких домохозяйств выросла с 33,9 до 47,1%. Этот рост произошёл как за счёт сокращения доли домохозяйств, в которых покупками продуктов питания занимаются только женщины (с 50,4 до 44,2%), так и за счёт уменьшения доли домохозяйств, в которых покупками продовольствия занимаются только мужчины (с 15,7 до 8,7%).

Ежедневное приготовление пищи, а ещё в большей степени мытьё посуды традиционно относятся к сугубо «женским» обязанностям. Затраты времени женщин в общих затратах времени брачных пар на выполнение этих домашних обязанностей постоянно сохраняется на уровне 86–88%. К обнадёживающим тенденциям можно отнести только значительное сокращение за 1994–2021 гг. общих затрат времени обоих членов домохозяйств (с 2,91 до 1,56 часа в день), а также разницы в затратах времени между женщинами и мужчинами на приготовление пищи и мытьё посуды в домохозяйствах, где оба супруга или сожителя занимаются этой работой (с 2,04 до 1,19 часа в день).

Таблица 9

*Показатели затрат времени брачных пар по видам работы по дому **

Показатели затрат времени по видам труда в д/х	Годы				
	1994	1995	1996	1998	2021
<i>Поиски и покупка продуктов питания (N = 2896 домохозяйств)</i>					
Общие затраты времени всех членов д/х в день, час	1,45	1,11	1,00	0,89	0,71
Разница в затратах в день между жен. и муж., час	0,42	0,41	0,35	0,26	0,25
Затраты женщин в общих затратах времени в день, %	69	74	72	69	72
<i>Имели затраты времени по данному виду труда</i>					
Только мужчины, %	13,8	12,1	14,4	15,7	8,7
Только женщины, %	46,9	55,0	54,9	50,4	44,2
Оба партнёра, %	39,3	32,9	30,7	33,9	47,1
<i>Приготовление пищи и мытьё посуды (N = 3335 домохозяйств)</i>					
Общие затраты времени всех членов д/х в день, час	2,91	2,61	2,57	2,45	1,56
Разница в затратах в день между жен. и муж., час	2,04	1,97	1,96	1,78	1,19
Затраты женщин в общих затратах времени в день, %	86	88	87	86	87
<i>Имели затраты времени по данному виду труда</i>					
Только мужчины, %	2,4	2,1	3,1	2,0	2,9
Только женщины, %	55,7	63,1	63,3	57,0	60,8
Оба партнёра, %	41,9	34,8	33,6	41,0	36,3
<i>Уборка квартиры (N = 3241 домохозяйств)</i>					
Общие затраты времени всех членов д/х в день, час.	1,51	1,17	1,05	0,90	0,69
Разница в затратах в день между жен. и муж., час.	0,61	0,79	0,76	0,64	0,52
Затраты женщин в общих затратах времени в день, %	76	86	85	85	89
<i>Имели затраты времени по данному виду труда</i>					
Только мужчины, %	6,9	4,3	6,8	4,9	3,7
Только женщины, %	53,0	69,0	69,9	66,8	74,8
Оба партнёра, %	40,1	26,7	23,2	28,3	21,5
<i>Стирка, глажение белья, одежды (N = 2827 домохозяйств)</i>					
Общие затраты времени всех членов д/х в день, час.	0,78	0,74	0,69	0,59	0,43
Разница в затратах в день между жен. и муж., час.	0,67	0,64	0,61	0,50	0,39
Затраты женщин в общих затратах времени в день, %	93	94	93	93	95
<i>Имели затраты времени по данному виду труда</i>					
Только мужчины, %	3,7	2,6	3,8	3,3	2,3
Только женщины, %	85,8	87,6	86,8	86,9	91,2
Оба партнёра, %	10,5	9,8	9,4	9,8	6,5

* Средние показатели и проценты подсчитаны по семьям, где зафиксированы затраты времени по рассматриваемой статье работ по дому.

Но в целом, практически все женщины, за небольшим исключением, вынуждены ежедневно заниматься приготовлением пищи и мытьём посуды, тогда как среди мужчин доля тех, кто привлекается к этой домашней работе, составляет около 40%. При этом доля домохозяйств, в которых приготовлением пищи и мытьём посуды занимаются только женщины, достигает 60% и практически не снижается. Чаще всего этот труд носит рутинный, монотонный характер, поскольку быт многих российских семей плохо оснащён предметами, облегчающими домашнюю работу. В 2021 году жилища всего лишь 4,7% обследованных домохозяйств были оборудованы посудомоечными машинами, правда, при этом 76,7% имели современные микроволновые печи. К мерам, способствующим сокращению времени в семьях на приготовление пищи, следует отнести наряду с развитием сферы общественного питания, развитие сервисов по доставке еды, рост рынка замороженных продуктов и полуфабрикатов и т. п. Подавляющее большинство семей обеспечены холодильниками, а более трети имеют по два и более холодильника.

Женщины преобладают и тогда, когда решаются вопросы, связанные с поддержанием в чистоте своего жилища. В 1994 году формулировка вопроса в анкете мониторинга, касающегося уборки квартиры, включала статьи затрат времени на ремонт, починку мебели или бытовых приборов, то есть на то, чем чаще занимаются мужчины. Тогда 43,7% мужчин из домохозяйств, состоящих из брачных пар, указали, что тратили время на уборку квартиры. Начиная с 1995 года, когда формулировка вопроса изменилась, доля таких мужчин уже не поднималась выше трети опрошенных. Абсолютный минимум был установлен в 2021 году, когда их доля упала до 25,2%. Тогда же был зафиксирован максимум среди женщин: доля партнёрш, которые без помощи мужчин занимаются уборкой квартиры, выросла до 74,8%. При этом доля затрат времени, расходуемого женщинами, в общих затратах времени домохозяйства на уборку квартиры выросла до 89%.

К числу позитивных тенденций можно отнести существенное сокращение суммарных затрат времени домохозяйства на уборку квартиры, которое за рассматриваемый период составило более двух раз. Надо полагать, что свой вклад в формирование этой тенденции внёс рост обеспеченности домохозяйств бытовыми приборами, техническими и другими средствами, облегчающими домашний труд, в том числе уборку квартиры. Выявлено также сокращение разницы в затратах времени на уборку квартиры между женщинами и мужчинами, которое за 1998–2021 гг. составило с 0,64 до 0,52 часа в день.

Наименее партнёрскими оказываются отношения в семьях, состоящих только из брачных пар, когда дело касается стирки, глажения белья,

одежды своей или других членов семьи. Доля женщин, которые без помощи своих партнёров занимаются этой домашней работой, выросла с 85,8% в 1994 году до 91,2% в 2021 году, тогда как доля придерживающихся партнёрских отношений за этот же период сократилась с 10,5 до 6,5%. При этом доля затрат времени, которое расходуют женщины, в общих тратах брачной пары на такую работу колебалась в пределах 93–95%. Как и в других случаях наблюдалось значительное сокращение общих временных издержек всех членов домохозяйств на стирку, глажение белья и одежды (с 0,78 до 0,43 часа в день) и разницы в затратах времени на эту домашнюю работу между женщинами и мужчинами (с 0,67 до 0,39 часа в день). Можно предположить, что одной из причин такого значительного сокращения временных затрат по данной статье является рост обеспеченности домохозяйств соответствующей бытовой техникой. В 2021 году 92,2% опрошенных семейных пар использовали для стирки белья и одежды стиральные машины-автоматы.

Заключение

Таким образом, в домохозяйствах, состоящих только из брачных пар, женщины, как и 30 лет назад, тратят на работу по дому гораздо больше времени, чем их партнёры. При этом и мужчины, и женщины стали больше трудиться на производстве, но намного меньше в личном подсобном хозяйстве. Одновременно у них вдвое сократилась продолжительность работы по дому. В результате этих изменений как у мужчин, так и у женщин увеличилось время, которое можно использовать на досуг и другие занятия. Общие затраты времени, сочетающие затраты на неоплачиваемый труд по дому с продолжительностью оплачиваемой работы на рынке, оставались гендерно ориентированными, поскольку женщины тратили больше времени, чем мужчины на выполнение неоплачиваемых обязанностей по уходу за семьёй, тогда как мужчины по сравнению с женщинами — на оплачиваемую работу. Во всех ситуациях женщины тратят больше времени, чем мужчины, на работу по дому, но гендерный разрыв наиболее велик при выполнении рутинных домашних обязанностей, связанных со стиркой, глажением белья и одежды, тогда как наименее значителен при обеспечении семьи продуктами питания. Исследование также показало, что оценки гендерного неравенства зачастую оказываются неточными, если они не только отделяют работу по дому от другой работы мужчин и женщин, но и не учитывают, как меняются гендерные временные рамки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования / Н. М. Римашевская, Е. А. Баллаева, О. М. Здравомыслова [и др.] ; ред.-сост. : Н. М. Римашевская (науч. ред.), Л. Г. Лунякова. М. : Наука, 2009. 273 с. ISBN 978-5-02-036830-9. EDN **RDSWKT**. [Rimashevskaya N. M., Lunyakova L. G. ed. Gender stereotypes in a changing society: experience of complex social research (Genderny'e stereotipy' v menyayushhemsya obshhestve: opyt' kompleksnogo social'nogo issledovaniya). Moscow: Nauka; 2009. 273 p. (In Russ.). ISBN 978-5-02-036830-9.
2. Barnett R. C., Baruch G. K. Determinants of Father's Participation in Family Work // Journal of Marriage and Family. 1987. Vol. 49, № 1. P. 29–40. DOI **10.2307/352667**.
3. Intra-household specialization in housework in the United States and Denmark / J. Bonke, M. Deding, M. Lausten, L. S. Stratton // Social Science Quarterly. 2008. Vol. 89, № 4. P. 1023–1043. DOI **10.1111/j.1540-6237.2008.00597.x**.
4. Coverman S., Shelley J. F. Change in Men's Housework and Childcare-time, 1965–1975 // Journal of Marriage and the Family. 1986. Vol. 48, № 2. P. 413–422. DOI **10.2307/352409**.
5. Nickols S. Y., Fox K. D. Buying time and saving time: Strategies for managing household production // Journal of Consumer Research. 1983. Vol. 10, № 2. P. 197–208. DOI **10.1086/208959**.
6. Solberg E. J., Wong D. C. Family Time Use: Leisure, Home Production, Market Work and Work Related Travel // The Journal of Human Resources. 1992. Vol. 27, № 3. P. 485–510. DOI **10.2307/146173**. EDN **BLNADV**.
7. The division of labor in Dutch families with preschool children / L. W. Tavecchio, M. H. Van IJzendoorn, F. A. Goosens, M. M. Vergeer // Journal of Marriage and the Family. 1984. Vol. 46, № 1. P. 231–242. DOI **10.2307/351880**.
8. Stafford R., Backman E., Dibona P. The Division of Labor Among Cohabiting and Married Couples // Journal of Marriage and the Family. 1977. Vol. 39, № 1. P. 43–57. DOI **10.2307/351061**.
9. Maret E., Finlay B. The Distribution of Household Labor Among Women in Dual-earner Families // Journal of Marriage and the Family. 1984. Vol. 46, № 2. P. 357–364. DOI **10.2307/352467**.
10. Hafstrom J. L., Schram V. R. Housework Time of Wives: Pressure, Facilitators, Constraints // Home Economics Research Journal. 1983. Vol. 11, № 3. P. 245–254. DOI **10.1177/1077727X8301100306**.
11. Syrda J. Gendered Housework: Spousal Relative Income, Parenthood and Traditional Gender Identity Norms, Work // Employment and Society. 2022. Vol. 37, № 3. P. 794–813. DOI **10.1177/09500170211069780**. EDN **ZJWHTF**.
12. Gronau R. Home Production — A Survey // Handbook of Labor Economics. Vol. 1 / Ashenfelter O., Layard R. (ed.) Amsterdam : Elsevier Science Publishers, 1986. P. 273–304.
13. Presser H. B. Employment schedules among dual-earner spouses and the division of household labor by gender // American Sociological Review. 1994. Vol. 59, № 3. P. 348–364. DOI **10.2307/2095938**. EDN **HFANGX**.
14. Shelton B. A., John D. The Division of Household Labor // Annual review of sociology. 1996. Vol. 22. P. 299–322. DOI **10.1146/annurev.soc.22.1.299**. EDN **HEZYQD**.

15. Nickols S. Y., Metzen E. J. Impact of wife's employment upon husband's housework // *Journal of Family Issues*. 1982. Vol. 3, № 2. P. 199–216. DOI [10.1177/019251382003002005](#). EDN [JNIZGX](#).
16. South S. J., Spitze G. Housework in Marital and Nonmarital Households // *American Sociological Review*. 1994. Vol. 59, № 3. P. 327–347. DOI [10.2307/2095937](#). EDN [HFANGN](#).
17. Berk R. A., Berk S. F. Labor and leisure at home. London : Sage, Beverley Hills, 1979. 280 p. ISBN 978-0803911017.
18. Gronau R. The Intrafamily Allocation of Time: The Value of the Housewives' Time // *American Economic Review*. 1973. Vol. 63, № 4. P. 634–651.
19. Gupta S. The Effects of Transitions in Marital Status on Men's Performance of Housework // *Journal of Marriage and the Family*. 1999. Vol. 61, № 3. P. 700–711. DOI [10.2307/353571](#). EDN [DCHSFJ](#).
20. Grunow D., Schulz F., Blossfeld H-P. What determines change in the division of housework over the course of marriage? // *International Sociology*. 2012. Vol. 27, № 3. P. 289–307. DOI [10.1177/0268580911423056](#).
21. Housework: Who did, does or will do it, and how much does it matter? / S. M. Bianchi, L. C. Sayer, M. A. Milkie, J. P. Robinson // *Social Forces*. 2012. Vol. 91, № 1. P. 55–63. DOI [10.1093/sf/sos120](#).
22. Robinson J. P., Godbey G. Time for Life: The Surprising Ways Americans Use Their Time. University Park, PA : Pennsylvania State University Press, 1999. 424 p. ISBN 978-0-271-01970-3.
23. Shelton B. A. Women, Men and Time: Gender Differences in Paid Work, Housework and Leisure. New York : Greenwood Press, 1992. 182 p. DOI [10.1093/sf/71.4.1094](#).
24. Sayer L. C. Gender, Time and Inequality: Trends in Women's and Men's Paid Work, Unpaid Work and Free Time // *Social Forces*. 2005. Vol. 84, № 1. P. 285–303. DOI [10.1353/sof.2005.0126](#).
25. Baxter J., Hewitt B., Haynes M. Life course transitions and housework: Marriage, parenthood, and time on housework // *Journal of Marriage and Family*. 2008. Vol. 70, № 2. P. 259–272. DOI [10.1111/j.1741-3737.2008.00479.x](#).
26. Bianchi S. M., Robinson J. P., Milkie M. A. Changing Rhythms of American Family Life. New-York : Russell Sage Foundation, 2006. 272 p. ISBN 978-0-87154-093-5.
27. Bianchi S. M. Family change and time allocation in American families // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2011. Vol. 638, № 1. P. 21–44. DOI [10.1177/0002716211413731](#).
28. Pepin J. R., Sayer L. C., Casper L. M. Marital Status and Mothers' Time Use: Child-care, Housework, Leisure, and Sleep // *Demography*. 2018. Vol. 55, № 1. P. 107–133. DOI [10.1007/s13524-018-0647-x](#).
29. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек, после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М. : Наука, 1972. 366 с. [Gordon L. A., Klopov E. V. Man, after work. Social problems of everyday life and non-working hours (Chelovek, posle raboty'. Social'ny'e problemy' by'ta i vnerabochego vremeni). Moscow: Nauka; 1972. 366p. (In Russ.)].
30. Задворнова Ю. В. Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 1 (70). С. 51–58. EDN [RYLFJN](#). [Zadvornova J. V. Differentiation of domestic labour in the family: Gender stereotypes and cur-

- rent trends. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve=Woman in Russian society*. 2014;(1):51–58. (In Russ.)].
31. Караханова Т. М. Закономерности использования времени на бытовую деятельность // *Время населения: Динамика его использования* / Отв. ред. В. Д. Патрушев. М. : Институт социологии РАН, 1992. С. 112–134. [Karakhanova T. M. Patterns of time use for household activities (Zakonomernosti ispol'zovaniya vremeni na by'tovuyu deyatel'nost'). In: Time of the population: Dynamics of its use (Vremya naseleniya: Dinamika ego ispol'zovaniya). Moscow: Institut sotsiologii RAN; 1992. P. 112–134. (In Russ.)].
32. Караханова Т. М. Домашний труд и быт городских жителей: 1965–1998 гг. // *Социологический журнал*. 1999. № 3-4. С. 110–114. EDN **PZQKMV**. [Karakhanova T. M. Domestic work and life of urban residents: 1965–1998. *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological journal*. 1999;(3-4):110–114. (In Russ.)].
33. Клецин А. А. Распределение домашних обязанностей между супругами: факты, проблемы, интерпретации // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2003. Т. 6, № 2. С. 121–135. EDN **OUPEAV**. [Kletsin A. A. Distribution of household responsibilities between spouses: facts, problems, interpretations. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii=Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2003;6(2):121–135. (In Russ.)].
34. Патрушев В. Д. Труд и досуг рабочих (бюджет времени, ценности и мотивы). М. : Институт социологии РАН, 2006. 164 с. ISBN 5-89697-115-X. EDN **QRDAWL**. [Patrushev V. D. Labor and leisure of workers (time budget, values and motives). Moscow: Institut sotsiologii RAN; 2006. 164 p. (In Russ.). ISBN 5-89697-115-X].
35. Повседневная деятельность городских жителей в годы реформ: бюджет времени, ценности, тенденции (1986–2008) / Г. П. Бессокирная, О. А. Большакова, Т. М. Караханова ; под общ. ред. Т. М. Карахановой. М. : Институт социологии РАН, 2010. 344 с. ISBN 978-5-89697-185-6. EDN **QOMLAB**. [Karakhanova T. M. ed. Daily activity of urban residents in the years of reforms: time budget, values, trends (1986–2008). Moscow: Institut sotsiologii RAN; 2010. 344 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-185-6].
36. Труфанов И. П. Проблемы быта городского населения СССР. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 144 с. [Trufanov I. P. Problems of everyday life of the urban population of the USSR (Problemy' by'ta gorodskogo naseleniya SSSR). Leningrad: Izdatel'stvo leningradskogo universiteta; 1973. 144 p. (In Russ.)].
37. Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // *Мир России. Социология. Этнология*. 2000. № 4. С. 65–102. EDN **UBJJWD**. [Barsukova S. Yu., Radaev V. V. The legend of gender. Principles of labor distribution between spouses in a modern urban family. *Mir Rossii=World of Russia*. 2000;(4):65–102. (In Russ.)].
38. Гордон Л. А., Груздева Е. Б. Быт молодой семьи // *Молодая семья* / Ред. Д. И. Валентей. М. : Статистика, 1977. С. 34–46. [Gordon L. A., Gruzdeva E. B. Life of a young family (By't molodoj sem'i). In: Young family (Molodaya sem'ya). Moscow: Statistika; 1977. P. 34–46. (In Russ.)].
39. Харчев А. Г., Голод С. И. Профессиональная работа женщин и семья. Л. : Наука, 1971. 176 с. [Kharchev A. G., Golod S. I. Professional work of women and family (Professional'naya rabota zhenshhin i sem'ya). Leningrad: Nauka; 1971. 176 p. (In Russ.)].

40. Караханова Т. М. Домашний труд как потребительская деятельность // Вестник Института социологии. 2014. Т. 5, № 1 (8). С. 108–130. URL: <https://www.vestnik-isras.ru/article/259> (дата обращения: 12.01.2024). EDN SGJETD. [Karakhanova T. M. Domestic work as a consumer activity. *Vestnik Instituta sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2014;5(1):108–130. (In Russ.). Available at: <https://www.vestnik-isras.ru/article/259>].
41. Мезенцева Е. Б. Мужчины и женщины в сфере домашнего труда: логика экономической рациональности против логики гендерной идентичности? // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. М. : МОТ, 2003. С. 50–71. [Mezentseva E. B. Men and women in the sphere of domestic work: the logic of economic rationality versus the logic of gender identity? (Muzhchiny' i zhenzhiny' v sfere domashnego truda: logika e'konomicheskoy racional'nosti protiv logiki gendernoj identichnosti). In: Gender equality: searching for solutions to old problems (Genderное равенство: poiski resheniya stary'x problem). Moscow: МОТ; 2003. P. 50–71. (In Russ.)].
42. Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К. Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3 (151). С. 261–285. DOI [10.14515/monitoring.2019.3.15](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.15). EDN QJGHAO. [Kalabikhina I. Ye., Shaikenova Z. K. Time spent on household work: the determinants of gender inequality. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;(3):261–285. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2019.3.15](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.15)].
43. Макаренцева А. О., Бирюкова С. С., Третьякова Е. А. Представления мужчин и женщин о затратах времени на работу по дому // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2 (138). С. 97–114. DOI [10.14515/monitoring.2017.2.06](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.06). EDN ZMQAFL. [Makarentseva A. O., Biryukova S. S., Tretyakova E. A. Perceptions of time spent on housework among men and women. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017;(2):97–114. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2017.2.06](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.06)].
44. Малкова М. А., Рощина Я. М. Типологический анализ домашнего труда в современной российской семье // Мир России. 2011. Т. 20, № 1. С. 147–166. EDN MKJEKH. [Malkova M. A., Roshchina Ya. M. Typological analysis of domestic work in a modern Russian family. *Mir Rossii=World of Russia*. 2011;(1):147–166. (In Russ.)].
45. Калабихина И. Е., Ребрей С. М. Домашний труд во время пандемии: опыт России // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 65–77. DOI [10.21064/WinRS.2020.3.6](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.6). EDN UPXYZS. [Kalabikhina I. E., Rebrey S. M. Household chores amid pandemic: Russia's case. *Zhenshchina v Rossiyskom obshchestve=Woman in the Russian society*. 2020;(3):65–77. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2020.3.6](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.6)].
46. Доброхлеб В. Г., Баллаева Е. А. Региональная динамика рождаемости и соотношение демографической, семейной и гендерной политики // Народонаселение. 2017. № 4 (78). С. 44–55. DOI [10.26653/1561-7785-2017-4-3](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-4-3). EDN YSLFKV. [Dobrokhleb V. G., Ballaeva E. A. Regional dynamics of fertility and the relationship between demographic, family and gender policies. *Narodonaseleniye=Population*. 2017;(4):44–55. (In Russ.). DOI [10.26653/1561-7785-2017-4-3](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-4-3)].

Сведения об авторах

П. М. Козырева

доктор социологических наук,
первый заместитель директора
SPIN-код: 7548-7264

А. Э. Низамова

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: 6059-5446

А. И. Смирнов

доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: 2137-2735

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 09.05.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024;
принята к публикации 04.07.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.7

DISTRIBUTION AND DURATION OF CHORES IN MARRIED COUPLE HOUSEHOLDS

Polina Mikhailovna Kozyreva¹

Alfiya Envaryevna Nizamova²

Alexander Ilyich Smirnov³

^{1, 2, 3} Institute of Sociology of FCTAS RAS,

¹ HSE University

Москва, Россия

¹ pkozyreva@isras.ru,

ORCID 0000-0002-3034-8521

² anizamova@hse.ru,

ORCID 0000-0002-0607-0638

³ smir_al@bk.ru,

ORCID 0000-0001-7078-6203

For citation: Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnov A. I. Distribution and duration of chores in married couple households. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(3):150–172. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.7.

Abstract. Based on data from the “Russian Longitudinal Monitoring Survey” (RLMS-HSE), this article analyzes the gender distinctions and tendencies that characterize

changes in the structure of how chores are assigned, and how much time is allocated to them, in households that consist solely of married couples, during the years 1994–2021. As it turns out, in such households women tend to do much more work around the house than do men. However, both men and women have been spending more time working for pay outside of the home, though simultaneously the overall amount of time spent doing work outside of the home, as well as on household chores, has decreased. Other changes that were observed include a decrease of over twofold in the time spent on performing household chores by either men or women, and a somewhat less substantial reduction of the difference in time spent doing chores between women and men. Distribution of household chores by gender during the time period in question has become more equal mostly due to the fact that the time women used to spend performing household duties has been decreasing at a more rapid rate than in the case of their partners. The results of the study also point towards variability and a considerable decrease in the time spent on performing various household duties by the women and men who form families consisting of just the married couples. Where the discrepancy between genders is the greatest is when it comes to time spent on those chores that involve monotonous, tedious and exhausting work around the house.

Keywords: household, time management, household chores, monitoring, work hours, family, social adaptation

Acknowledgments: This article uses the results of projects carried out in the framework of Basic Research Program of the HSE University.

Information about the Authors

P. M. Kozyreva

Doctor of Sociology,
First Deputy Director
ResearcherID: **F-2538-2014**
Scopus AuthorID: **6505848584**

A. E. Nizamova

Candidate of Sociology,
Senior Researcher
ResearcherID: **I-3631-2015**
Scopus AuthorID: **40461897500**

A. I. Smirnov

Doctor of Sociology,
Leading Researcher
ResearcherID: **ABA-6123-2021**
Scopus AuthorID: **55574203282**

The authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 09.05.2024; approved after reviewing 20.06.2024; accepted for publication 04.07.2024.

УДК 316.4

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.8

EDN: QDXILZ

Научная статья

ГОРОДСКАЯ СЕМЬЯ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ДЕТЬМИ: РЕСУРСЫ, НРАВСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ РАБОТАЮЩИХ РОДИТЕЛЕЙ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Галина Петровна Бессокирная¹

Ольга Александровна Большакова²

Татьяна Муртазаевна Караханова³

^{1, 2, 3} Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

¹ gala@isras.ru,

ORCID 0000-0001-7099-7772

² baolga7@rambler.ru,

ORCID 0000-0003-2501-6001

³ patruhev@isras.ru,

ORCID 0000-0002-6497-9188

Для цитирования: Бессокирная Г. П., Большакова О. А., Караханова Т. М. Городская семья с несовершеннолетними детьми: ресурсы, нравственные ориентиры и социальная адаптация работающих родителей. Часть первая // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 173–197. DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.8. EDN QDXILZ.

Аннотация. В первой части статьи представлены результаты изучения повседневной деятельности работающих родителей в сфере ухода за несовершеннолетними детьми и их воспитания. Были использованы данные мониторинговых исследований повседневной деятельности и бюджета времени городских жителей за период 1986–2020 гг. Рассмотрен состав семей с детьми и проанализированы ресурсные характеристики родителей, которые оказались весьма схожими у отцов и матерей. Изучены связи затрат времени родителей на уход за детьми и их воспитание с гендерной принадлежностью (отец/мать), возрастом, уровнем образования, религиозной самоидентификацией и уровнем доходов, а также с некоторыми ценностными ориентирами отцов и матерей. установлено, что объективная картина использования работающими родителями времяресурса на занятия с детьми не согласуется с их субъективным мнением о том, что «занятия со своими детьми, их воспитание является самым главным в жизни обоих супругов». При этом большинство работающих отцов и матерей удовлетворены времязатратами и на уход за детьми, и на их воспитание как времяресурсами. Характеристики обеспеченности отцов и матерей другими ресурсами не влияют на их удовлетворённость времязатратами. Зафиксирована прямая связь между удовлетворённостью времязатратами на воспитание детей и удовлетворённостью родителей жизнью

© Бессокирная Г. П., 2024

© Большакова О. А., 2024

© Караханова Т. М., 2024

в целом. Анализ нравственных ориентиров родителей, являющихся нравственной базой для процесса социализации несовершеннолетних детей в семье, показал, что более половины качеств, относящихся к добродетелям, являются нормой для подавляющего большинства отцов и в несколько меньшей степени — для матерей. Вместе с тем формируется тенденция к размыванию представлений родителей о качествах-добродетелях и антидобродетелях как о норме и отступлении от неё. Кроме того, формируется тенденция, при которой немалая часть родителей, судя по оценкам, не видит положительной жизненной перспективы для своих детей с точки зрения их социальной адаптации, если дети будут руководствоваться теми же добродетелями, что и сами родители. В первой части статьи анализируются состав и ресурсный потенциал и использование времяресурса родителей по уходу за детьми и их воспитанию. Во второй — нравственные ориентиры и результаты социальной адаптации работающих родителей. Нумерация таблиц и рисунков сплошная в обеих частях.

Ключевые слова: семья с несовершеннолетними детьми, ресурсный потенциал, нравственные ориентиры, затраты времени на уход за детьми, затраты времени на воспитание детей, удовлетворённость жизнью в целом

Введение

Семья — один из важнейших объектов исследований демографов, экономистов, социологов и представителей других общественных наук. Особое внимание уделяется изучению эволюции современной российской семьи, происходящих изменений в семейной структуре и структуре домохозяйств [1], углублённому анализу семейных домохозяйств и семейной политики в современной России [2]. В контексте исследования «демографического благополучия России» подчёркивается «роль института семьи и брака в воспроизводстве населения и актуальность пропаганды традиционных семейных ценностей, основанной на благополучной детной (многодетной) семье» [3, с. 30]. Семейные ценности населения исследуются в последние годы весьма интенсивно. Опубликованы результаты изучения семейных ценностей как цели в жизни законных супругов и сожителей [4], ценностей семейно-детного образа жизни [5], сходства и различия ценностных ориентаций мужей и жён [6]. Учёными рассматриваются перспективы сохранения и развития традиционной русской семьи [7]. Важным в этом ключе является освещение жизненных стилей российских родителей [8], ценностей родительства, прав отцов и матерей в социокультурных установках россиян [9], вовлечённости родителей в жизнь детей [10], в целом вопросов развития института родительства в российском обществе [11]. Особое место среди научных работ занимают публикации, посвящённые анализу ролевых позиций отца в семье [12], вовлечённого отцовства в современной России [13], инфляции образа отца в российском обществе [14], проблемам воспитания мальчиков как будущих глав семей [15]. До-

статочны важными объектами исследований являются и неполные семьи [16], матери с детьми [17; 18] и отцы с детьми [19], а также всё чаще таким объектом становятся многодетные семьи [20; 21].

Репродуктивное поведение населения в России как одной из важнейших функций семьи исследуется в направлении обоснования и создания условий для улучшения количественных характеристик воспроизводства населения, в том числе рождаемости населения, так как сложившуюся в современной России демографическую ситуацию нельзя считать благополучной, о чём свидетельствуют данные государственной статистики. Приведём некоторые из них. Уже в доковидный период было зафиксировано снижение рождаемости: с 53,6 (2016 г.) до 41,8 (2020 г.) детей, родившихся живыми на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет [22, с. 63]. При этом каждый четвёртый ребёнок рождается вне зарегистрированного брака, и доля таких детей не уменьшается (27% в 2016 г. и 28% в 2020 г.) [22, с. 67]. В этот же период времени наблюдалось снижение числа абортс с 23,7 до 16,1 на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет. Однако число абортов на 100 родов по-прежнему велико (46,6 в 2016 г. и 38,8 в 2020 г.) [22, с. 71].

Общая численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в стране уменьшается, но остаётся достаточно высокой: 2020 год – 406,1 тыс. чел., 2021 год — 390,9 тыс. чел., 2022 год — 375,7 тыс. чел., 2023 год — 358 тыс. чел. За четыре года снизилась и численность детей, находящихся под надзором в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: с 37,4 тыс. чел. до 31,7 тыс. чел.¹

Улучшение количественных показателей воспроизводства населения во многом зависит от направленности процессов изменения качественных характеристик населения. Они формируются в результате внутрисемейного воспитания рождённых детей, их подготовки к взрослой жизни. В семье сознание детей наполняется смыслами, воспитываются все добродетели, однако в современном российском обществе сложилась и растёт детско-подростковая агрессия как форма девиантного поведения [23].

В данном контексте приобретают актуальность исследования повседневной деятельности родителей, имеющих несовершеннолетних детей. В ходе мониторинга повседневной деятельности и бюджета времени городского населения, регулярно проводимого сектором изучения повседневной деятельности и бюджета времени ИС ФНИСЦ РАН в течение полувека, фиксировался суточный и недельный бюджет времени населения (реальное поведение). В составе видов деятельности присутствовали затраты

¹ Поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Минпросвещения России : [сайт]. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans (дата обращения: 08.05.2024).

времени на группу видов занятий по уходу за детьми и их воспитанию, в т. ч. структура конкретных занятий. Результаты анализа данных о времязатратах работающих родителей на занятия с детьми отражены в ряде публикаций за разные годы [24; 25; 26], в том числе городских рабочих [27]. Наряду с объективными данными анализировались и показатели значимости (ценности) занятий с детьми для городских жителей [28; 29; 30].

Объективная информация о затратах времени работающих городских жителей на уход и воспитание несовершеннолетних детей позволяет рассмотреть данную группу видов деятельности родителей не только в количественном, но и содержательном аспектах, в том числе исследовать нравственные ориентиры отцов и матерей. Кроме того, привлекая субъективные оценки родителей различных сторон занятий с детьми, можно выявить взаимосвязь данной сферы их повседневной деятельности с показателями социального самочувствия родителей.

Цель настоящей статьи — показать состояние повседневной деятельности работающих отцов и матерей по уходу за несовершеннолетними детьми и их воспитанию с учётом ресурсного потенциала родителей, их нравственных ориентиров и в контексте их социальной адаптации.

Основные задачи, вытекающие из цели статьи:

- проанализировать состав семей работающих горожан с несовершеннолетними детьми и ресурсный потенциал родителей;
- рассмотреть использование времяресурса отцов и матерей на занятия с детьми и связь его с другими ресурсными характеристиками родителей;
- определить взаимосвязи ресурсов, реального и вербального поведения родителей в контексте их социальной адаптации к условиям социальных вызовов;
- выявить нравственные ориентиры родителей, а также нравственные ориентиры, которые отцы и матери хотели бы привить своим несовершеннолетним детям.

Семьи работающих городских жителей с несовершеннолетними детьми как объект социологического исследования

Сведения о числе и составе семейных домохозяйств городских жителей можно получить из данных статистики. В статистическом учёте семейные домохозяйства — это частные домохозяйства, в которых есть семейные ячейки: супружеские пары с детьми и без детей, матери с детьми, отцы с детьми. Семейная ячейка может составлять самостоятельное до-

мохозяйство или входить в состав домохозяйства, где имеются другие родственники или не родственники. Согласно Всероссийской переписи населения 2020 года, дети в возрасте до 18 лет присутствовали в 39% частных домохозяйств горожан. При этом в 58% из них был только один ребёнок, в каждом третьем (33%) домохозяйстве — двое детей и в 9% домохозяйств — трое и более детей. В семейных домохозяйствах городских жителей супружеские пары с детьми составляют 27%, матери с детьми — 14% и отцы с детьми — 3% [31].

В ходе мониторинга повседневной деятельности и бюджета времени городского населения, который осуществляется в ИС ФНИСЦ РАН, регулярно собиралась информация о семье опрашиваемого. В ходе анализа выделялись четыре типа семьи: супружеские пары с детьми до 18 лет; матери с несовершеннолетними детьми и отцы с несовершеннолетними детьми; супружеские пары без детей в возрасте до 18 лет и прочие семьи. Типы семей определялись по ответам респондентов на два вопроса: «Ваше семейное положение?» и «Есть ли у Вас дети в возрасте до 18 лет?».

В таблице 1 приводятся данные о численности семей с детьми среди работающего городского населения и среди рабочих на промышленных предприятиях из тех исследований, результаты которых будут использованы в настоящей статье.

Таблица 1

*Семьи с несовершеннолетними детьми в составе семей
работающих городских жителей, 2003–2020 гг.*

Объект исследования	Супружеские пары с детьми, (%)	Матери с детьми, отцы с детьми, (%)	Все семьи с детьми, (чел.)	Все опрошенные, (чел.)
<i>Работающее население</i>				
Города, 2003–2004	33	10	133	308
Города, 2007–2008	38	7	176	398
Псков, 2019–2020	35	8	131	300
в т. ч. рабочие	43	10	77	144
<i>Рабочие на промышленных предприятиях</i>				
Рабочие, 2003	42	11	217	408
Рабочие, 2007	32	13	161	360
Рабочие, 2014	35	7	367	881
в т. ч. рабочие в Пскове	30	9	78	203
в т. ч. рабочие в Омске	42	4	94	202
Рабочие в Омске, 2019–2020	41	6	76	163

Территориальные выборки. В 2003–2004 гг. и в 2007–2008 гг. исследования проведены в столицах трёх российских регионов, которые представляли Центральный (Смоленская область), Приволжский (Саратовская область) и Северо-Западный (Псковская область) федеральные округа. В 2019–2020 гг. исследование проведено в Пскове.

Производственные выборки. В 2003 и 2007 гг. исследования проходили на одних и тех же промышленных предприятиях в трёх областных центрах Центрального (Брянская область), Северо-Западного (Псковская область) и Приволжского (Кировская область) федеральных округов. В 2014 году исследование на промышленных предприятиях проведено в пяти областных центрах Центрального (Брянская и Владимирская области), Северо-Западного (Псковская область), Приволжского (Кировская область) и Сибирского (Омская область) федеральных округов. При этом в Брянске, Пскове и Кирове исследования в 2003, 2007 и 2014 гг. осуществлялись на одних и тех же предприятиях. В Омске в 2019–2020 гг. исследование проведено на том же промышленном предприятии, что и в 2014 году.

Данные территориальных выборок свидетельствуют о том, что в 2003–2020 гг. среди работающего городского населения семьи с детьми составляли 43–45%, в т. ч. супружеские пары с детьми — 33–38%, а матери с несовершеннолетними детьми и отцы с несовершеннолетними детьми — 7–10%. При этом в последнем исследовании в 50% семей был один ребёнок, в 40% — двое детей и в 10% домохозяйств — трое и более детей.

Судя по данным таблицы 1, в Пскове в 2019–2020 гг. семей с детьми до 18 лет среди рабочих было больше, чем среди всего работающего населения. У более половины (53%) рабочих в Пскове в 2019–2020 гг. были несовершеннолетние дети. Нельзя не отметить, что, согласно данным наших более ранних исследований, в Пскове в 55% семей рабочих в 1986 году и в 60% таких семей в 1995 году имелись дети до 18 лет [25, с. 50].

Анализ данных, полученных по производственным выборкам в трёх областных центрах на одних и тех же предприятиях, показал, что в 2003–2014 гг. среди рабочих доля семей с несовершеннолетними детьми постепенно снижалась (с 53 до 42%). В Омске в 2014–2020 гг. у рабочих доля таких семей практически не изменилась (46 и 47%).

Результаты анализа

1. Семьи работающих горожан с несовершеннолетними детьми: состав и ресурсный потенциал

Для анализа повседневной деятельности работающих родителей по уходу за несовершеннолетними детьми и их воспитанию использовался ресурсный подход. В качестве ресурсного потенциала рассматривались: уро-

вень образования, самоидентификация родителей с религиозной верой, уровень доходов семьи, а также ценностная ориентированность отцов и матерей на занятия с детьми, их воспитание.

В таблице 2 представлены данные о составе и ресурсном потенциале семей работающего населения Пскова с детьми в возрасте до 18 лет в период 2019–2020 гг.

Таблица 2

Состав и ресурсный потенциал семей работающего населения с несовершеннолетними детьми, Псков, 2019–2020 гг.

Показатели	Все семьи		Семьи рабочих	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Размер семьи, чел.	3,7	3,5	3,7	3,5
1 ребёнок, %	52	46	61	44
2 ребёнка, %	38	43	30	41
3 ребёнка и более, %	10	11	9	15
Родители в возрасте до 35 лет, %	47	46	51	44
Родители в возрасте старше 35 лет, %	53	54	49	56
Средний возраст родителей, лет	35,9	35,6	35,0	35,4
Имеют высшее профессиональное образование, %	24	38	9	18
Не имеют высшего профессионального образования, %	76	62	91	82
Бедные люди, %	12	30	14	35
Люди со средними доходами, %	86	68	84	65
Верующие, %	30	35	34	31
Неверующие, %	70	65	66	69
Занятия со своими детьми, их воспитание являются самым главным в жизни обоих супругов, % <i>выбравших варианты ответа «Согласен(а) и «Отчасти согласен(а), отчасти нет»</i>	100	89	100	97

Состав семей с несовершеннолетними детьми у работающих мужчин и работающих женщин в Пскове практически идентичен. Средний размер семьи 3,7 человек у отцов и 3,5 человек у матерей. Примерно у половины семей только один ребёнок. Трое и более детей у каждой десятой семьи. Около половины родителей в возрасте до 35 лет и чуть более половины — старше 35 лет. Средний возраст отцов — 35,9 года, а матерей — 35,6 года.

Ресурсный потенциал родителей с несовершеннолетними детьми в Пскове несколько различается. Среди отцов меньше, чем среди матерей, тех, кто получил высшее профессиональное образование, однако большинство родителей не имеют такого образования. Отвечая на вопрос о религиозной вере: «Считаете ли Вы себя...» с вариантами ответа: «веру-

ющим»; «стремящимся к вере, но пока неверующим»; «совсем не верующим», только около трети родителей выбрали первый вариант ответа. Большинство родителей несовершеннолетних детей — неверующие (выбрали второй и третий варианты ответа). Отцы несколько чаще матерей относили свои семьи «к людям со средними доходами», чем к «бедным людям». Большинство родителей отнесли свои семьи к людям со средними доходами. Практически все отцы и матери с детьми в возрасте до 18 лет согласились с тем, что «занятия со своими детьми, их воспитание является самым главным в жизни обоих супругов».

Представление о динамике состава и ресурсном потенциале семей рабочих (наиболее массовой профессиональной группы работающего населения) с несовершеннолетними детьми в Пскове и Омске за 2014–2020 гг. можно получить при сравнении данных, которые имеются в таблице 2 и в таблице 3.

Таблица 3

*Состав и ресурсный потенциал семей рабочих
с несовершеннолетними детьми,
2014–2020 гг.*

Показатели	Псков, 2014		Омск, 2014		Омск, 2019–2020	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Размер семьи, чел.	3,2	3,4	3,7	4,0	3,5	3,6
Родители в возрасте до 35 лет, %	58	61	54	40	62	39
Родители в возрасте старше 35 лет, %	42	39	46	60	38	61
Средний возраст родителей, лет	35,4	34,2	35,5	37,4	35,9	36,7
Имеют высшее профессиональное образование, %	14	26	24	46	23	17
Не имеют высшего профессионального образования, %	86	74	76	54	77	83
Бедные люди, %	25	37	55	40	34	50
Люди со средними доходами, %	75	63	45	60	66	50
Верующие, %	42	67	49	52	28	49
Неверующие, %	58	33	51	48	72	51
Занятия со своими детьми, их воспитание являются самым главным в жизни обоих супругов, % выбравших варианты ответа «Согласен(а) и «Отчасти согласен(а), отчасти нет»	94	100	97	96	100	100

В Пскове за 2014–2020 гг. (см. табл. 2 и 3) наблюдался рост размера семей рабочих с несовершеннолетними детьми, особенно среди отцов. Доля родителей, имеющих высшее профессиональное образование, несколько снизилась и у отцов, и у матерей. Во втором исследовании высшее профессиональное образование было у 1 из 10 отцов и у 1 из 5 матерей. За анализируемый период времени снизилось и число верующих родителей, особенно среди матерей. В 2019–2020 гг. большинство родителей из рабочей среды не имели высшего профессионального образования и были неверующими. Численность бедных людей уменьшилась в семьях отцов и осталась прежней в семьях матерей. В 2019–2020 гг. треть матерей отнесли свои семьи к бедным людям, а среди отцов с детьми — только каждый седьмой. Большинство отцов и матерей причислили свои семьи к людям со средними доходами. Практически все родители в обоих исследованиях согласились с тем, что занятия со своими детьми, их воспитание являются самым главным в жизни обоих супругов.

В Омске за 2014–2020 гг. (см. табл. 3) произошли определённые изменения в составе и ресурсном потенциале семей рабочих с несовершеннолетними детьми. Уменьшился размер семьи и у отцов, и у матерей. По-прежнему среди отцов преобладают мужчины в возрасте до 35 лет, их доля даже выросла, а среди матерей, наоборот, преобладают женщины в возрасте старше 35 лет. Однако разница в среднем возрасте родителей уменьшилась. Доля родителей, имеющих высшее профессиональное образование, среди отцов осталась прежней, а среди матерей аналогичный показатель снизился почти втрое. Численность верующих сократилась с половины до одной четверти у отцов, а у матерей верующих и неверующих составляет примерно поровну в обоих исследованиях. Среди отцов уменьшилось число тех, кто причислил свои семьи к «бедным людям», и таких семей — треть. Среди матерей половина отнесли свои семьи к «бедным людям». Практически все родители в обоих исследованиях согласились с тем, что занятия со своими детьми, их воспитание являются самым главным в жизни обоих супругов.

Таким образом, и в 2014 году, и в 2019–2020 гг. большинство отцов в Омске, как и в Пскове, не имели высшего профессионального образования, являлись неверующими и относили свои семьи к людям со средними доходами. Большинству матерей в Пскове в 2019–2020 гг. свойственны аналогичные характеристики. В Омске в 2019–2020 гг. большинство матерей не имели высшего образования, а вот верующих и неверующих, а также бедных людей и людей со средними доходами среди них было примерно поровну. Практически все отцы и матери в Омске, как и в Пскове, в обоих исследованиях были согласны с тем, что занятия со своими детьми, их воспитание являются самым главным в жизни обоих супругов.

Далее рассмотрим реальное поведение работающих родителей с несовершеннолетними детьми в сфере ухода за детьми и их воспитания, а именно: фактическое использование времяресурса родителей на эти цели и наличие/отсутствие влияния ресурсного потенциала на временные характеристики данной группы их повседневной деятельности.

2. Использование времяресурса родителей по уходу за детьми и их воспитанию; связь с другими ресурсными характеристиками

Время, как ресурс особого рода, является и мерой человеческой деятельности. А время, расходуемое на занятия с детьми, — пространство для выполнения социально ответственного доведения репродуктивного действия родителей до его логического завершения, т. е. результата полноценной и всесторонней подготовки личности ребёнка (образовательной, культурной, нравственной и др.) ко взрослой жизни, его социализации, иначе говоря, — адаптации к условиям жизнедеятельности в разных средах.

Эмпирическая информация, которой мы располагаем, позволяет выделить и проанализировать составную часть структуры недельного бюджета времени (фонда времени), расходуемую горожанами на занятия с детьми, и оценить, в контексте сказанного выше, времядеятельностный вклад родителей и сферы ответственности матери и отца в границах располагаемых ими ресурсных возможностей. Для этого из массива данных о бюджете времени работающих жителей Пскова, а также рабочих, опрошенных в 2019–2020 гг. в Омске (всего 463 чел.), были выделены подмассивы данных об использовании времени всеми работающими горожанами с детьми до 18 лет, а также рабочими с детьми, включая матерей (отцов), живущих отдельно от своих детей (в других семьях), но общающихся с ними (254 чел.).

Базовой территорией для сбора данных об использовании времени горожанами являлся Псков, где мониторинг бюджета времени проводится с 1965 года. Динамика изменений затрат времени на уход за детьми и их воспитание анализируется за период с 1986 по 2020 гг. Подчеркнём, что результаты мониторинга не могут рассматриваться как фрагментарные сведения, благодаря сохраняющемуся более 50 лет подходу к выбору территориального объекта, применяемой методике сбора информации (ставшей уже классической методикой), её обработке и проверке результатов данных, полученных за один и тот же период в других городах и указывающих на сходство показателей времени по крупным агрегированным группам видов деятельности.

Все зафиксированные в 2019–2020 гг. в структуре бюджета времени работающих жителей занятия с детьми были агрегированы нами до семи групп

видов деятельности. Таким образом, в таблице 4 по группе «уход за детьми» (одевание, кормление, купание, приготовление пищи, уход за бельём, одеждой и т. п.) приведены только совокупные данные расхода времени, а по группе «воспитание детей» показана и структура входящих в неё занятий.

Работающие горожане, имеющие детей до 18 лет (супружеская пара с детьми и матери (отцы) с детьми), расходуют на уход за ними и их воспитание от 4 до 6% недельного фонда времени (мужчины — 7,4 часа, женщины — 10,4 часа в неделю). Для сравнения: времяресурс для занятий в свободное время (т. е. не посвящаемое детям) составляет у женщин и мужчин от 9 до 15% фонда времени. Данные, хотя и относятся к 2019–2020 гг., но характеризуют современную ситуацию, так как закономерности использования бюджета времени, по нашим многолетним наблюдениям, обладают некоторой инерционностью (см. об этом [26, с. 527]).

Таблица 4

*Затраты времени на занятия с несовершеннолетними детьми
у работающих родителей в зависимости от характеристик их ресурсов,
Псков, 2019–2020 гг., в среднем на одного опрошенного в неделю, часы **

Группа родителей, выделенная по определённому ресурсу	Группы занятий с детьми до 18 лет и времязатраты на них						
	уход за детьми — всего	воспитание детей — всего, в том числе:	чтение детям, беседы, обучение трудовым навыкам	игры с детьми в доме и вне дома	контроль и помощь в выполнении школьных домашних заданий	посещение детских зрелищных мероприятий	занятия с детьми — всего
Супружеская пара с детьми, мужчины	1,9	6,0	1,6	2,3	0,8	1,3	7,9
Супружеская пара с детьми, женщины	4,3	7,5	1,8	2,0	3,4	0,3	11,8
Матери с детьми (незамужние)	1,2	6,0	1,8	1,8	1,7	0,7	7,2
Мужчины с высшим образованием с детьми	4,0	5,4	1,6	1,8	0,6	1,4	9,4
Женщины с высшим образованием с детьми	5,0	5,7	1,8	1,0	2,4	0,5	10,7
Мужчины с образованием ниже высшего с детьми	1,1	5,7	1,5	2,2	0,9	1,1	6,8
Женщины с образованием ниже высшего с детьми	2,3	7,9	1,7	2,6	3,2	0,4	10,2
Мужчины с детьми из семей бедных людей	1,2	7,8	0,0	3,2	1,3	3,3	9,0
Женщины с детьми из семей бедных людей	1,6	6,1	1,3	1,2	3,6	0,0	7,7
Мужчины с детьми из семей среднего достатка	1,9	5,1	1,5	2,0	0,7	0,9	7,0
Женщины с детьми из семей среднего достатка	4,1	7,9	2,1	2,5	2,6	0,7	12,0

Окончание таблицы 4

Группа родителей, выделенная по определённому ресурсу	Группы занятий с детьми до 18 лет и времязатраты на них						
	уход за детьми — всего	воспитание детей — всего, в том числе:	чтение детям, беседы, обучение трудовым навыкам	игры с детьми в доме и вне дома	контроль и помощь в выполнении школьных домашних заданий	посещение детских зрелищных мероприятий	занятия с детьми — всего
Рабочие с детьми, мужчины	1,7	6,3	1,4	2,6	0,9	1,4	8,0
Рабочие с детьми, женщины	2,2	6,9	2,2	2,3	2,0	0,4	9,1
Верующие с детьми, мужчины	2,3	3,9	1,8	1,8	0,3	0,0	6,2
Верующие с детьми, женщины	4,1	4,6	0,6	1,7	1,6	0,7	8,7
Неверующие с детьми, мужчины	1,7	6,1	1,4	1,9	1,0	1,8	7,8
Неверующие с детьми, женщины	3,1	8,4	2,5	2,0	3,5	0,4	11,5
Работающие мужчины до 35 лет с детьми (младшее поколение)	1,0	6,3	1,8	3,5	0,0	1,0	7,3
Работающие женщины до 35 лет с детьми (младшее поколение)	5,4	6,6	1,8	1,9	2,3	0,6	12,0
Работающие мужчины 35 лет и старше с детьми (старшее поколение)	2,5	5,0	1,2	0,9	1,5	1,4	7,5
Работающие женщины 35 лет и старше с детьми (старшее поколение)	2,2	7,3	1,7	2,1	3,2	0,3	9,5
Все работающие мужчины с детьми	1,8	5,6	1,5	2,1	0,8	1,2	7,4
Все работающие женщины с детьми	3,3	7,1	1,8	2,0	2,9	0,4	10,4

* В таблице 4 и в остальных таблицах раздела приводятся данные о затратах времени только по тем занятиям с детьми, которые являются первичными в структуре недельного бюджета времени, т. е. без затрат времени на эти же цели, когда уход за детьми и их воспитание может осуществляться в качестве вторичных занятий, совершаемых одновременно с другими первичными видами деятельности, зафиксированными в бюджете времени.

Суммарные времязатраты на занятия с детьми в среднем на работающую мать из семей с детьми (см. табл. 4) почти в 1,5 раза превышают затраты времени на работающего отца из аналогичных семей, прежде всего, за счёт значительно больших показателей, относящихся к «уходу за детьми», по сравнению с показателями по «воспитанию детей» (их соотношение 1:2 у мужчин и 1:3 у женщин). Этот вывод относится и к замужним женщинам с детьми (разрыв с женатыми отцами в те же 1,5 раза). Кроме того, обозначенный времяресурс у незамужних матерей с детьми также в 1,6 раза превышает расход времени у замужних матерей.

Общая картина структуры видов деятельности по воспитанию детей у всех работающих горожан с детьми до 18 лет даёт представление о распределении зон ответственности между родителями. У отцов, очевидно, самой приоритетной является зона «игры с детьми в доме и вне дома» (2,1 часа в неделю, 37% от времени на воспитание). За ними следуют группы «чтение детям, беседы, обучение трудовым навыкам» (1,5 часа, 27%) и «посещение детских зрелищных мероприятий» (1,2 часа, 21%). Матери самое большое внимание уделяют «контролю и помощи в выполнении школьных домашних заданий» (2,9 часа в неделю, 41%, у отцов — всего 14%), т. е. матери воспринимают эту деятельность как зону особой ответственности и принимают её на себя, причём данная закономерность одинакова для женщин с разными ресурсными характеристиками (см. табл. 4). Наряду с этим, матери делят с отцами зоны «игры с детьми в доме и вне дома» (2,0 часа, 28%) и «чтение детям, беседы, обучение трудовым навыкам» (1,8 часа, 25%).

Результаты воспитания трудовых навыков можно проследить по данным об участии несовершеннолетних детей в домашних делах, полученных в 2003 и 2007 гг. в трёх областных центрах РФ при опросе работающих. По оценкам отцов, доля детей, участвующих в таких работах, «постоянно» уменьшилась к 2007 году с 43 до 34%, «ни часто, ни редко» — не изменилась (39%), «практически никогда» — увеличилась с 18 до 27%. По оценкам матерей, показатели изменились, соответственно, с 35 до 24%; с 46 до 51% и с 19 до 25%, т. е. тенденции, по мнению обоих родителей, выявлены весьма близкие.

Анализ времязатрат на занятия с детьми в зависимости от ресурсных характеристик родителей выявил различия в их величине и направленности использования (см. табл. 4). Суммарные затраты времени, превышающие среднюю длительность занятий с детьми у всех работающих женщин с детьми до 18 лет и составляющие 7% недельного фонда времени, выявлены в группах матерей: «из младшего поколения» (12,0 часа в неделю), «из семей среднего достатка» (12,0 часа), «замужних» (11,8 часа), «неверующих» (11,5 часа). Эта закономерность сохраняется и при пересчёте времязатрат на одного ребёнка. Среди отцов аналогичные показатели зафиксированы в группах: «с высшим образованием» (9,4 часа в неделю), «из семей бедных людей» (9,0 часа), «из семей рабочих» (8,0 часа), «женатых» (7,9 часа), «неверующих» (7,8 часа). Самыми низкими суммарными показателями (ниже 4% недельного фонда времени) отличаются верующие отцы (6,2 часа в неделю) и отцы с образованием ниже высшего (6,8 часа), а также незамужние матери с детьми (7,2 часа).

Почти во всех группах родителей с разными ресурсными характеристиками, представленными в таблице 4, прослеживается превышение

затрат времени на «уход за детьми» у матерей над времязатратами отцов (кроме родителей из старшего поколения). Самый значительный разрыв наблюдается в группах родителей (по мере его уменьшения): «из младшего поколения» (4,4 часа), «супругов с детьми» (2,4 часа), «из семей среднего достатка» (2,2 часа), «из семей верующих» (1,8 часа), «из семей неверующих» (1,4 часа), «с образованием ниже высшего» (1,2 часа).

Работающие матери, времязатраты которых на «уход за детьми» от 4 часов неделю и выше (наибольшие), относятся к семьям «из молодого поколения», «с высшим образованием», «замужние» «из семей среднего достатка». Работающие отцы с высшим образованием расходуют также 4 часа в неделю, в остальных группах отцов эти времязатраты меньше 2,5 часа (отцы из старшего поколения). Выделяются «верующие» (2,3 часа), «женатые» и «из семей среднего достатка» (по 1,9 часа). Не обнаружена связь между времязатратами и принадлежностью к младшему и старшему поколениям среди отцов, но среди матерей есть межпоколенческая связь. У молодых мам до 35 лет расход времени именно на «уход за детьми» в 2,2 раза больше, чем у матерей из старшего поколения.

Как сказано выше, «контроль и помощь в выполнении школьных домашних заданий» является приоритетной зоной ответственности именно для матерей, причём с разными ресурсными характеристиками. Особенно этот вывод относится к матерям «из семей бедных людей» (3,6 часа в неделю), «неверующим» (3,5 часа), «замужним» (3,4 часа), «с образованием ниже высшего» (3,2 часа), «из старшего поколения» (3,2 часа). Общим для матерей из разных групп семей, представленных в таблице 4, является и характер распределения затрат времени между другими занятиями по воспитанию детей. К явным отличиям следует отнести то, что у матерей с высшим образованием затраты времени на «чтение детям, беседы, обучение трудовым навыкам» почти в два раза больше, чем на «игры с детьми в доме и вне дома». А у матерей-работниц более или менее равномерно распределено время на группы занятий по воспитанию детей, за исключением «посещения детских зрелищных мероприятий». У отцов описанные выше общие закономерности распределения времяресурса на воспитание детей также типичны для семей с разными ресурсными характеристиками (см. табл. 4). Вместе с тем выделяются отцы «из семей бедных людей», которые 72% суммарного времени, расходуемого на занятия с детьми, и 83% времязатрат на собственно их воспитание, посвящают «играм с детьми в доме и вне дома», а также «посещению детских зрелищных мероприятий».

В целом у матерей в ресурсных подгруппах (см. табл. 4) статистическая связь между времязатратами на воспитание детей и средним количеством детей на одного респондента хотя и несильная, но просматривается, у отцов связь выражена сильнее. Большую роль играет возраст детей.

Материальный достаток влияет на суммарную величину времяресурса как у женщин с детьми, так и у мужчин с детьми, но разновекторно. У женщин из семей со средним достатком затраты времени значительно выше (на 4,3 часа в неделю), чем в бедных семьях (среднее число детей в первом и во втором случае — 1,59 и 1,74). У мужчин именно в бедных семьях времязатраты на 2 часа больше (среднее число детей в семьях бедных и среднего достатка — 1,94 и 1,54).

У верующих родителей при меньшем среднем числе детей, чем у неверующих отцов и матерей (1,52 против 1,57 у мужчин и 1,59 против 1,64 у женщин), их средние времязатраты на «уход за детьми» больше. И в пересчёте на одного ребёнка эти времязатраты превышают такие же у неверующих. При этом доли участвующих (имевших виды деятельности в день опроса) в «уходе за детьми» среди верующих меньше, чем среди неверующих (30 и 45% ; 32 и 51% по данным бюджета времени). Ещё больше у верующих и неверующих родителей различаются доли участвующих в воспитании детей и времязатраты на эти занятия. У верующих отцов и матерей доли участвующих составляют 60 и 56% , у неверующих — 52 и 88% . Тем не менее, у верующих матерей весь времяресурс довольно равномерно распределён между занятиями по уходу за детьми и видами деятельности по воспитанию детей. За счёт каких групп занятий, времязатраты на воспитание детей у неверующих родителей превышают аналогичный расход времени верующих? У неверующих отцов средние времязатраты на воспитание детей превосходят расход времени верующих отцов за счёт больших показателей по группам занятий «контроль и помощь в выполнении школьных домашних заданий» и «посещение детских зрелищных мероприятий». А у неверующих матерей, по сравнению с верующими, — за счёт занятий «контроль и помощь, в выполнении школьных домашних заданий» и «чтение детям, беседы обучение трудовым навыкам».

Анализ показал, что объективная картина использования работающими родителями с детьми времяресурса на занятия с детьми не согласуется с их субъективным мнением о том, что «занятия со своими детьми, их воспитание является самым главным в жизни обоих супругов» (так считают 95% родителей) ни по объёму их реальной деятельности, ни по распределению вклада между родителями. На рассогласование указывает доля времязатрат на занятия с детьми в фонде времени, во-первых, и существенно превышающие суммарные времязатраты на эти цели у матерей, прежде всего, за счёт «ухода за детьми», который, что особенно важно, включает наиболее трудоёмкие группы видов деятельности. В этой связи приведём данные о том, как менялось мнение работающих родителей о распределении между супругами обязанностей по уходу за детьми и их воспитанию опрошенных нами в трёх областных центрах РФ в 2003 и 2007 гг.

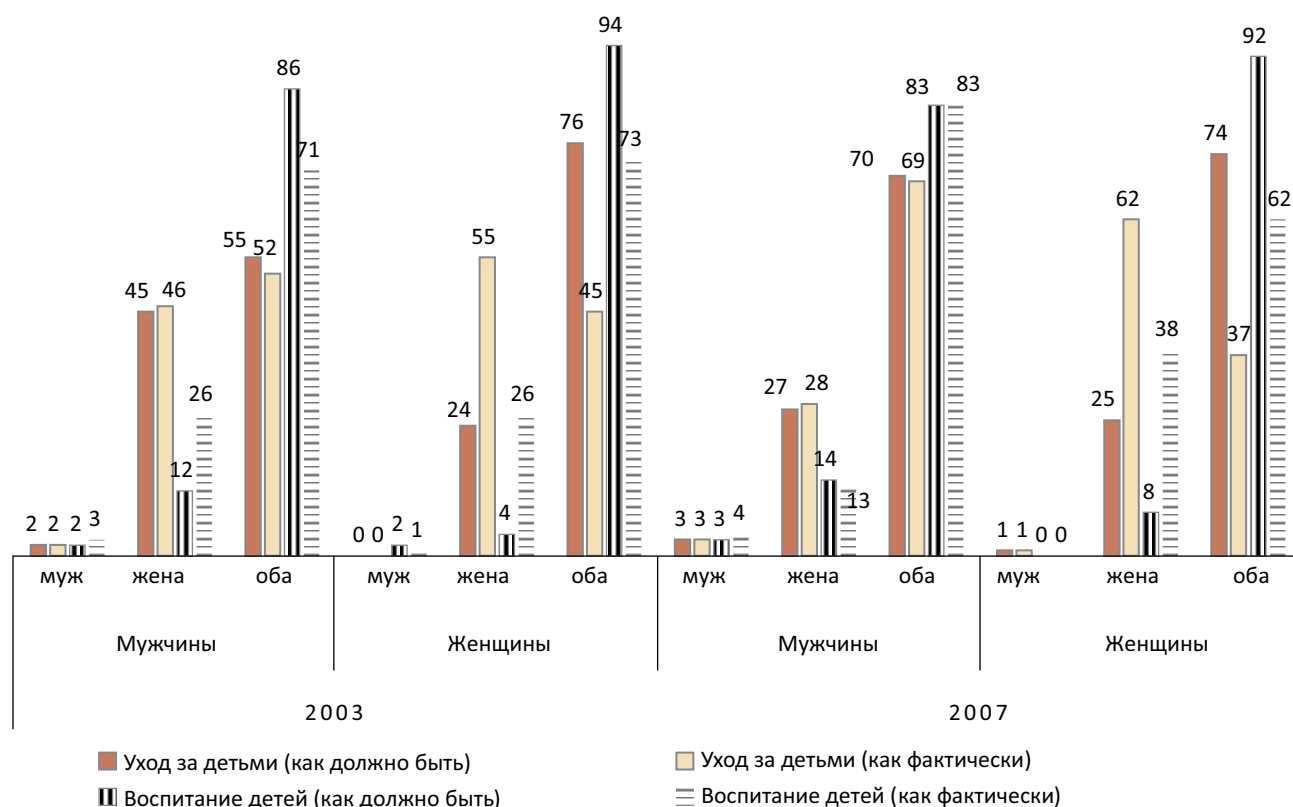

Рис. 1. Распределение обязанностей по уходу за детьми и их воспитанию между мужем и женой по оценкам жителей (мужчин и женщин раздельно) в трёх областных центрах РФ в 2003 и 2007 гг., % от числа ответивших

Как видно из рисунка 1, доля мужчин, считающих, что уход за детьми должна осуществлять жена, снизился с 45 до 27%, а доля поддерживавших мнение об участии в этом обоих супругов — повысилась в 2007 году по сравнению с 2003 годом. Что же касается воспитания детей, то подавляющая часть опрошенных мужчин и в 2003, и в 2007 гг. «возлагала» эти обязанности на обоих супругов (86 и 83%). Среди женщин число респондентов, полагающих, что выполнять уход за детьми должна жена, практически не изменилось (24 и 27%), как не изменилось и количество тех, кто склоняется к обоюдному участию супругов в этом процессе (74 и 76%). Такой же вывод можно отнести и к мнению женщин об участии супругов в воспитании детей (94 и 92% высказались за участие в нём и мужа, и жены). Важна и оценка родителями фактического положения, каким оно им видится. Фактическое положение по уходу за детьми, оцениваемое мужчинами, совпало с их вербальными предпочтениями и по 2003, и по 2007 гг., совпало распределение и по воспитанию детей, но только по 2007 году. Оценки женщин кардинально отличаются от оценок, данных мужчинами, и демонстрируют существенно худшую фактическую картину, по сравнению со своими вербальными предпочтениями.

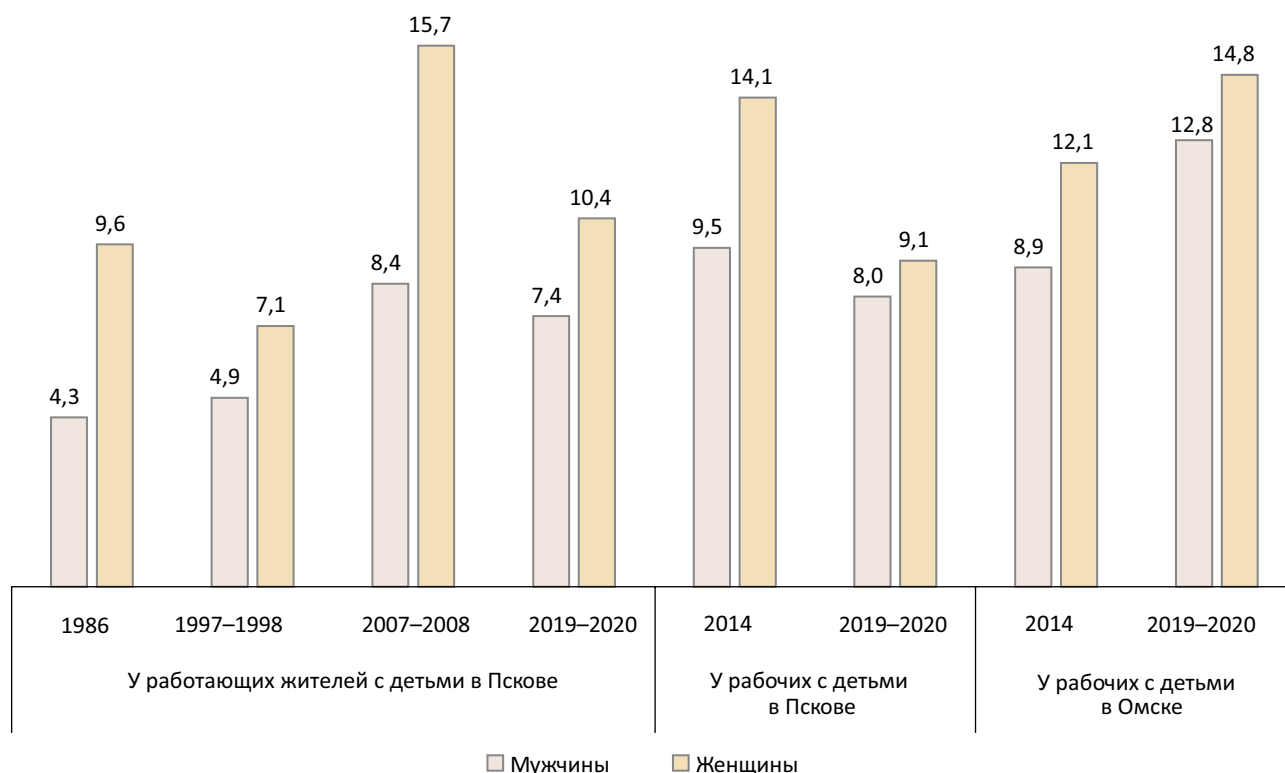

Рис. 2. Суммарные затраты времени на уход за детьми и их воспитание у работающих жителей с детьми до 18 лет в Пскове, Омске в период с 1986 по 2020 гг., часы в неделю в среднем на одного опрошенного

Необходимо отметить, что в 2007 году, по сравнению с 2003 годом, возросла доля мужчин, считавших себя главой семьи (с 85 до 95%). Среди женщин доля тех, кто считал себя главой семьи, немного сократилась (с 48 до 40%), но оставалась довольно заметной.

На рассогласование между вербальными оценками и намерениями и реальной деятельностью указывают и перемены во времяресурсных возможностях родителей, на которые, в свою очередь, влияют изменения в характеристиках других их видов ресурсов.

Данные, приведённые на рисунке 2, показывают изменение показателей времени на занятия с детьми у работающих жителей с несовершеннолетними детьми почти за 35 лет. У женщин просматривается явная «волна»: к 1997–1998 гг. наблюдается снижение суммарных затрат времени в 1,4 раза, к 2007–2008 гг. — повышение в 2,2 раза, к 2019–2020 гг. — снова снижение в 1,5 раза. При этом во всех случаях их времязатраты существенно превышают времяресурс у мужчин. Кроме того, нередко женщина выступает в роли главы семьи со всеми обязанностями, вытекающими из такого статуса. У мужчин до 2007–2008 гг. зафиксирован рост времязатрат, но в 2019–2020 гг. также выявлено их уменьшение

(в 1,1 раза). Вместе с тем наблюдается сокращение разрыва в затратах времени на занятия с детьми у отцов и матерей. В Пскове в 2007–2008 гг. матери тратили на занятия с детьми в 1,9 раза больше времени, чем отцы, а в 2019–2020 гг. — уже в 1,4 раза. Времызатраты на эти цели у работников с детьми в 2014 году превышали расход времени у рабочих с детьми в 1,5 раза, а в 2019–2020 гг. — в 1,1 раза. В Омске у рабочих, соответственно, — в 1,4 раза и в 1,2 раза.

Заслуживают внимания и изменения с 2014 по 2020 гг. в суммарных затратах времени на занятия с детьми у рабочих. В Пскове (у мужчин и женщин) зафиксированы характеристики, идентичные выявленным в среднем у всех работающих жителей. А вот у рабочих в Омске произошло увеличение времызатрат в 1,4 раза у мужчин и в 1,2 раза у женщин. Фактов, говорящих о том, что социальная ответственность родителей в Пскове отличается, безусловно, худшими характеристиками, чем в Омске, нет. Дело в другом. Среднее число детей у женщин-работниц в Пскове увеличилось с 1,48 до 1,7, а в Омске осталось почти без изменения (1,35), но возросла доля детей до 6 лет на одну опрошенную, что привело к увеличению времызатрат в пересчёте на одного ребёнка, которые оказались больше, чем в Пскове. Ещё одним объяснением характера динамики являются изменения, происшедшие в вербальных оценках значимости для родителей ценностей «дети» и «уход за детьми и их воспитание» с 2003 по 2020 гг. По данным опроса, работающих в трёх областных центрах (Пскове, Саратове, Смоленске) в 2003 и 2007 гг. обе ценности являлись «самыми важными» (по пятибалльной шкале) для большинства родителей, количественно абсолютно не изменившегося (для 72% отцов и 89% матерей). В 2014 году в Пскове обе ценности остаются самыми важными уже для 67% отцов. Ценности «дети» и «уход за детьми и их воспитание» являлись самыми важными, соответственно, для 95 и 93% матерей. В отличие от Пскова, в Омске происходило снижение этих показателей и у отцов, и (особенно) у матерей, для которых эти ценности были самыми важными: 66 и 76% — «дети»; 64 и 72% — «уход за детьми и их воспитание». В 2019–2020 гг. именно в Омске произошёл резкий подъём рассматриваемых показателей: 95 и 100% — «дети»; 94 и 97% — «уход за детьми и их воспитание». В Пскове они у рабочих также возросли, но в меньшей степени и только у отцов — 77 и 91%; 70 и 91%. Весьма похожая тенденция выявлена, прежде всего, в Омске, и при ответе родителей на вопрос (в другой редакции) о важности занятий с детьми (перечислены различные виды бытовой деятельности). Индекс важности (средний балл по 5-балльной шкале) у отцов увеличился с 4,5 до 4,9, а у матерей он сохранился на прежнем уровне (4,9). В Пскове у рабочих наблюдалось снижение важности занятий с детьми и у отцов, и у матерей: с 4,9 до 4,5 балла и с 5,0 до 4,9 балла.

О наблюдаемой зависимости между затратами времени и важностью данной группы видов деятельности мы, кроме того, писали в нашей ранее опубликованной работе [26].

Таким образом, в первой части статьи рассмотрено реальное поведение родителей в сфере занятий с несовершеннолетними детьми во взаимосвязи с ресурсным потенциалом отцов и матерей. Во второй части будут проанализированы нравственные ориентиры родителей, а также нравственные ориентиры, которые отцы и матери хотели бы привить своим несовершеннолетним детям. Затем охарактеризованы взаимосвязи ресурсного потенциала, реального и вербального поведения родителей в контексте их социальной адаптации. Заключение содержит полные выводы по обеим частям статьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Российская семья и благополучие детей : [монография] / В. П. Авдеева, О. Н. Бурмыкина [и др.] ; отв. ред. И. И. Елисеева ; ФНИСЦ РАН. М. ; СПб. : ФНИСЦ РАН, 2021. 304 с. ISBN 978-5-89697-360-7. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-360-7.2021](#). EDN [JOATPR](#).
2. Семейные домохозяйства и семейная политика в современной России : монография / Р. М. Нуреев, Е. А. Капогузов, Ю. В. Латов, Р. И. Чуприн ; под общ. ред. Р. М. Нуреева, Е. А. Капогузова. М. : КноРус, 2023. 236 с. ISBN 978-5-406-11752-1. EDN [ILQHKM](#).
3. Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская [и др.] ; отв. ред. С. В. Рязанцев ; ФНИСЦ РАН. М. : ИТД «Перспектива», 2022. 108 с. ISBN 978-5-88045-557-7. DOI [10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022](#). EDN [YHMZPP](#).
4. Синельников А. Б. Семейные ценности как цель в жизни для законных супругов и сожителей // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 2. С. 46–59. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-2-04](#). EDN [XWETKH](#).
5. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования ; Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова [и др.] ; под. ред. А. И. Антонова. М. : МАКС Пресс, 2020. 486 с. ISBN 978-5-317-06320-7. DOI [10.29003/m857.SeDOJ-2019](#). EDN [MCNHHW](#).
6. Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жён по результатам одновременного опроса супругов / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова [и др.] ; под ред. А. И. Антонова. М. : «Перо», 2021. 240 с. ISBN 978-5-00171-794-2. EDN [SYRXIS](#).
7. Ростовская Т. К., Егорычев А. М. Русская традиционная семья: социально-философский анализ и осмысление перспектив сохранения и развития // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 1. С. 97–106. DOI [10.20339/AM.01-23.097](#). EDN [FGUHJI](#).
8. Гурко Т. А. Жизненные стили российских родителей: динамика, региональные, возрастные и профессиональные особенности // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 2 (22). С. 94–109. DOI [10.19181/snsp.2018.6.2.5859](#). EDN [UTCGDE](#).

9. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Ненужные» дети? Ценности родительства, права отцов и матерей в социокультурных установках россиян // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 101–111. DOI [10.31857/S013216250027371-1](https://doi.org/10.31857/S013216250027371-1). EDN [JJWJRE](#).
10. Дорофеева З. Е., Козырева П. М. Трансформация практик вовлеченности родителей в жизнь детей // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 86–100. DOI [10.31857/S013216250027370-0](https://doi.org/10.31857/S013216250027370-0). EDN [VBDNOL](#).
11. Гурко Т. А. Развитие института родительства: анализ эмпирических показателей // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 3–14. DOI [10.21064/WinRS.2022.4.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.1). EDN [HCXBEN](#).
12. Левенских И. А. Ролевые позиции отца в современной семье // Вестник Омского университета. 2012. № 1 (16). С. 349–353. EDN [PFQYQX](#).
13. Авдеева А. В. «Вовлечённое отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11 (343). С. 95–104. EDN [PGXURD](#).
14. Яблонская Н. В. Психологический анализ инфляции «образа отца» в современном обществе // Актуальные проблемы современной науки. IV Международная научно-практическая конференция: в трёх томах. Т. 1. Сер. Вып. 4. (Алушта, 27–30 апреля 2015 г.). Алушта : Ставропольский ун-т, 2015. С. 354–357. EDN [TXYHSX](#).
15. Шереметьева Н. А. Воспитание мальчиков как будущих глав семей // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. Вып. 10. Современная семья: от теории к практике. Опыт учреждений социального обслуживания. СПб. : СПб ГБУ Городской информационно-методический центр «Семья», 2017. С. 143–152. EDN [ZWMUCX](#).
16. Чурилова Е. В. Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. 2015. № 3 (371). С. 78–81. EDN [TQASLP](#).
17. Захаров С. В., Чурилова Е. В. Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространённости и механизмов его формирования // Мир России. 2013. Т. 22, № 4. С. 86–113. EDN [RBWAPJ](#).
18. Ростовская Т. К., Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Одинокие матери в российском обществе: штрихи к социальному портрету // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 32–42. DOI [10.21064/WinRS.2023.1.3](https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.1.3). EDN [SLNCBE](#).
19. Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Социальный портрет одиноких отцов: анализ в рамках концепции ответственного родительства // Социальное пространство. 2023. Т. 9, № 1. С. 1–15. DOI [10.15838/sa.2023.1.37.2](https://doi.org/10.15838/sa.2023.1.37.2). EDN [SGUHND](#).
20. Дорофеева З. Е. Особенности жизненных практик многодетных семей // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 114–124. DOI [10.31857/S013216250005798-0](https://doi.org/10.31857/S013216250005798-0). EDN [UEDKMA](#).
21. Синельников А. Б. Семейно-демографический контекст многодетности в современной России // Материалы XIII международной социологической Грушинской конференции. «Переустройство мира: исследования (в) новой реальности» (Москва, 25–27 мая 2023 г.). М. : Изд-во ВЦИОМ, 2023. С. 77–82. ISBN 978-5-906345-46-2. EDN [OLYNHA](#).
22. Демографический ежегодник России. 2021 : Стат. сб. Росстат. М., 2021. 256 с.
23. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Агрессивное поведение детей и подростков как предиктор девиантного и криминального поведения: средовые и личностные факторы // Россия реформирующаяся. 2023. № 21. С. 407–447. DOI [10.19181/ezheg.2023.16](https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.16). EDN [IVQGZL](#).
24. Караханова Т. М. Бытовая деятельность городского населения: её динамика за период с 1986 по 1995 год // Повседневная жизнедеятельность и трудовое поведение работающего населения / Отв. ред. В. Д. Патрушев. М. : Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 77–94. EDN [UKXQXR](#).

25. Повседневная деятельность городских жителей в годы реформ: бюджет времени, ценности, тенденции (1986–2008) / Г. П. Бессокирная, О. А. Большакова, Т. М. Караханова ; под общ. ред. Т. М. Карахановой. М. : Изд-во Института социологии РАН, 2010. 344 с. ISBN 978-5-89697-185-6. EDN **QOMLAB**.
26. Караханова Т. М., Большакова О. А. Повседневная деятельность городских жителей: адаптационное структурирование времяресурса и справедливость в возможностях // Россия реформирующаяся. 2022. № 20. С. 525–550. DOI [10.19181/ezheg.2022.20](https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.20). EDN **LOJZGM**.
27. Караханова Т. М., Большакова О. А. Бытовая деятельность в домохозяйстве: необходимый и востребованный неоплачиваемый труд городских рабочих // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9, № 2. С. 100–129. DOI [10.19181/vis.2018.25.2.512](https://doi.org/10.19181/vis.2018.25.2.512). EDN **XRKWKL**.
28. Караханова Т. М. Затраты времени на занятия с детьми как показатели их социальной значимости // Образ жизни горожан в объективных и субъективных показателях / Отв. ред. Т. М. Караханова. М. : Изд-во Института социологии РАН, 2002. С. 11–19. EDN **TIDSFV**.
29. Караханова Т. М. Ценностные ориентации работающих женщин и использование времени // Социологические исследования. 2003. № 3 (227). С. 74–81. EDN **OOOSOZ**.
30. Караханова Т. М. Динамика субъективных и объективных показателей значимости занятий с детьми для городских жителей // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса (Уфа, 23–25 октября 2012 года) / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М. : РОС, 2012. С. 3380–3389. EDN **RFEMKV**.
31. Итоги ВПН-2020. Том 8. Число и состав домохозяйств. 2022 // Федеральная служба государственной статистики РФ : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (дата обращения: 25.06.2024).

Сведения об авторах

Г. П. Бессокирная

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: **1426-2373**

О. А. Большакова

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: **8415-8760**

Т. М. Караханова

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: **7189-1167**

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 07.07.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 01.08.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.8

URBAN FAMILY WITH MINOR CHILDREN: RESOURCES, MORAL GUIDELINES AND SOCIAL ADAPTATION OF WORKING PARENTS. PART ONE

Galina Petrovna Bessokirnaya¹
Olga Aleksandrovna Bolshakova²
Tatiana Murtazaevna Karakhanova³

^{1, 2, 3} Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

¹ gala@isras.ru,

ORCID 0000-0001-7099-7772

² baolga7@rambler.ru,

ORCID 0000-0003-2501-6001

³ patruhev@isras.ru,

ORCID 0000-0002-6497-9188

For citation: Bessokirnaya G. P., Bolshakova O. A., Karakhanova T. M. Urban family with minor children: resources, moral guidelines and social adaptation of working parents. Part one. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(3):173–197. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.8.

Abstract. The first part of the article presents the results of studying the daily activities of working parents in the field of caring for minor children and their upbringing. Data from monitoring studies of the daily activities and time budget of urban residents carried out during 1986–2020 were used. The composition of families with children is considered and the resource characteristics of parents are analyzed, which turned out to be very similar for fathers and mothers. The relationship of parents' time spent on caring for children and their upbringing with parents' belonging to fathers and mothers, with their age, level of education, religious identity and income level in parents' families, as well as with some value orientations of fathers and mothers, is investigated. The analysis showed that the objective picture of working parents using time resources for activities with children does not agree with their subjective opinion that "activities with their children, their upbringing is the most important thing in the life of both spouses". At the same time, most working fathers and mothers are satisfied with the time spent both on caring for children and on their upbringing as time resources. The characteristics of the provision of fathers and mothers with other resources do not affect their satisfaction with time spent. There is a direct relationship between satisfaction with the time spent on raising children and parents' satisfaction with life in general. An analysis of the moral guidelines of parents, which are the moral basis for the process of socialization of minor children in the family, has shown that more than half of the moral qualities related to virtues are the norm for the vast majority of fathers and to a somewhat lesser extent for mothers. At the same time, there is a tendency to blur parents' ideas about qualities-virtues and anti-virtues as a norm and deviation from it. In addition, a trend is emerging in which,

judging by estimates, a considerable part of parents do not see a positive life prospect for their children, in terms of their social adaptation, if children in life are guided by the same virtues as the parents themselves. The first part in the article analyzes the composition and resource potential and the use of time resources of parents for child care and upbringing. The second part will be about the moral guidelines and the results of social adaptation of working parents. The numbering of tables and figures is continuous in both parts.

Keywords: family with minor children, resource potential of fathers and mothers, moral guidelines, time spent on child care, time spent on raising children, life satisfaction in general

REFERENCES

1. Avdeeva V. P., Burmykina O. N. [et al.] The Russian family and the welfare of children. I. I. Eliseeva ed. Saint-Petersburg: FNISCZ RAN; 2021. 304 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-360-7. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-360-7.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-360-7.2021).
2. Nureyev R. M., Kapoguzov E. A., Latov Yu. V. [et al.] Family households and family policy in modern Russia: [monograph]. R. M. Nureyev, E. A. Kapoguzov ed. Moscow: KnoRus; 2023. 235 p. (In Russ.). ISBN 978-5-406-11752-1.
3. Ryazantsev S. V., Rostovskaya T. K. [et al.] Demographic well-being of Russia. National demographic report. S. V. Ryazantsev ed. FNISC RAS. Moscow: ITD «Perspektiva»; 2022. 108 p. (In Russ.). ISBN 978-5-88045-557-7. DOI [10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022).
4. Sinelnikov A. B. Family values as the goal of life for legal spouses and cohabitants. *Population=Narodonaselenie*. 2018;21(2):46–59. (In Russ.). DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-2-04](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-04).
5. Antonov A. I., Karpova V. M., Lyalikova S. V. [et al.] The family-child lifestyle values (SeDOJ–2019): an analytical report on the results of an interregional sociological and demographic study: Moscow, MSU, Faculty of Sociology. A. I. Antonov, ed. Moscow: MAKSS Press; 2020. 486 p. (In Russ.). 3,1 Mb. ISBN 978-5-317-06320-7. DOI [10.29003/m857.SeDOJ-2019](https://doi.org/10.29003/m857.SeDOJ-2019).
6. Antonov A. I. ed. Similarity and difference of value orientations of husbands and wives according to the results of a simultaneous survey of spouses. Moscow: Pero; 2021. 240 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00171-794-2.
7. Rostovskaya T. K., Egorychev A. M. The Russian traditional family: socio-philosophical analysis and comprehension prospects for preservation and development. *Alma Mater (Bulletin of the higher school)=Alma Mater (Vestnik Vysshey Shkoly)*. 2023;(1):97–106. (In Russ.). DOI [10.20339/AM.01-23.097](https://doi.org/10.20339/AM.01-23.097).
8. Gurko T. A. The Lifestyles of Russian Parents: Trends and Regional, Age, and Professional Specifics. *Sociological science and social practice=Sotsiologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2018;6(2):94–109. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2018.6.2.5859](https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.2.5859).
9. Bezrukova O. N., SamoiloVA V. A. “Unnecessary” children? The values of parenthood, the rights of fathers and mothers in the sociocultural attitudes of Russians. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2023;(8):101–111. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250027371-1](https://doi.org/10.31857/S013216250027371-1).
10. Dorofeeva Z. E., Kozyreva P. M. Transformation of practices of parental involvement in children's lives. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2023;(8):86–100. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250027370-0](https://doi.org/10.31857/S013216250027370-0).

11. Gurko T. A. Development of the parenthood institution: analysis of empirical indicators. *Woman in Russian society=Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2022;(4):3–14. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2022.4.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.1).
12. Levenskikh I. A. The role positions of the father in the modern family. *Herald of Omsk University=Vestnik. Omskogo universiteta*. 2012;(1):349–353. (In Russ.).
13. Avdeeva A. V. “Plugged fatherhood” in modern Russia: the strategies of caring for children. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2012;(11):95–104. (In Russ.).
14. Yablonskaya N. V. Psychological analysis of the inflation of the “father’s image” in modern society. In: Actual problems of modern science. IV International Scientific and Practical Conference: in three volumes. Alushta: Stavropol’skij un-t. 2015; Vol. 1 Ser. Issue 4. P. 354–357. (In Russ.).
15. Sheremetyeva N. A. Education of boys as future heads of families. In: Social services for families and children: a scientific and methodological collection. Issue 10. Modern family: from theory to practice. The experience of social service institutions. Saint-Petersburg: GBU Gorodskoj informacionno-metodicheskij centr «Sem’ya»; 2017. P. 143–152. (In Russ.).
16. Churilova E. V. Structure and wellbeing of incomplete families in Russia. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2015;(3):78–81. (In Russ.).
17. Zaharov S. V., Churilova E. V. The phenomenon of single motherhood in Russia: statistical and demographic analysis of the prevalence and mechanisms of its formation. *Universe of Russia=Mir Rossii*. 2013;22(4):86–113. (In Russ.).
18. Rostovskaya T. K., Khasbulatova O. A., Smirnova I. N. Single mothers in Russian society: strokes to a social portrait. *Woman in Russian society=Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2023;(1):32–42. (In Russ.).
19. Rostovskaya T. K., Vasilyeva E. N. Social portrait of single fathers: an analysis within the framework of the concept of responsible parenthood. *Social space=Social’noe prostranstvo*. 2023;9(1):1–15. (In Russ.). DOI [10.15838/sa.2023.1.37.2](https://doi.org/10.15838/sa.2023.1.37.2).
20. Dorofeeva Z. E. Characteristics of large families’ practices. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2019;(7):114–124. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250005798-0](https://doi.org/10.31857/S013216250005798-0).
21. Sinelnikov A. B. The family-demographic context of having many children in modern Russia. In: Proceedings of the XIII International sociological Grushin Conference. “Rebuilding the world: research (in) a new reality” (May 25–27, 2023). Moscow: VTsIOM; 2023. P. 77–82. (In Russ.). ISBN 978-5-906345-46-2.
22. Smelov P. A., Nikitina S. Yu., eds. The Demographic Yearbook of Russia. 2021: Statistical Handbook. Moscow: Stat. sb. Rosstat; 2021. 256 p. (In Russ.).
23. Pozdnyakova M. E., Bruno V. V. Aggressive behavior of children and adolescents as a predictor of deviant and criminal behavior: environmental and personal factors. *Russia reforming=Rossiia reformiruyushhayasya*. 2023;(12):407–447. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2023.16](https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.16).
24. Karakhanova T. M. Household activity of the urban population: its dynamics for the period from 1986 to 1995. In: V. D. Patrushev ed. Daily life and labor behavior of the working population. Moscow: Izd-vo Instituta sociologii RAN; 1998. P. 77–94. (In Russ.).
25. Karakhanova T. M. ed. Daily activities of urban residents during the years of reforms: time budget, values, trends (1986–2008). Moscow: Izd-vo Instituta sociologii RAN; 2010. 343 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-185-6.

26. Karakhanova T. M., Bolshakova O. A. Daily activities of urban residents: adaptive structuring of time resources and equity in opportunities. *Russia reforming=Rossiia reformiruyushhayasya*. 2022;(20):502–525. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2022.20](https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.20).
27. Karakhanova T. M., Bolshakova O. A. Household activities in the household: necessary and demanded unpaid labor of urban workers. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2018;9(2):100–129. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2018.25.2.512](https://doi.org/10.19181/vis.2018.25.2.512).
28. Karakhanova T. M. Time spent on classes with children as indicators of their social significance. In: T. M. Karakhanova ed. *Lifestyle of citizens in objective and subjective indicators*. Moscow: Izd-vo Instituta sociologii RAN; 2002. P. 11–19. (In Russ.).
29. Karakhanova T. M. Value orientations of working women and the use of time. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2003;(3):74–81. (In Russ.).
30. Karakhanova T. M. Dynamics of subjective and objective indicators of the importance of classes with children for urban residents. In: *Sociology and society: global challenges and regional development. Materials of the IV Regular All-Russian Sociological Congress*. Moscow: ROS; 2012. P. 3380–3389. ISBN 978-5-904804-06-0.
31. The results of the VPN 2020 (All-Russian Population Census 2020). Volume 8. Number and composition of households. 2022. Federal State Statistics Service of the Russian Federation: [website]. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (accessed: 25.06.2024).

Information about the Authors

G. P. Bessokirnaya

Candidate of Economics

Senior Researcher

ResearcherID: [T-9819-2018](https://orcid.org/0009-0001-9510-9510)

Scopus AuthorID: [6504478999](https://orcid.org/0009-0001-9510-9510)

O. A. Bolshakova

Candidate of Sociology

Senior Researcher

ResearcherID: [T-6194-2018](https://orcid.org/0009-0001-9510-9510)

T. M. Karakhanova

Candidate of Economics

Leading Researcher

ResearcherID: [U-1727-2018](https://orcid.org/0009-0001-9510-9510)

Scopus AuthorID: [6503934394](https://orcid.org/0009-0001-9510-9510)

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 07.07.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 01.08.2024.

УДК 303.425.2

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.9

EDN: XFHTMI

Научная статья

АНАЛИЗ ДОСТОВЕРНОСТИ ДАННЫХ МАССОВЫХ ОПРОСОВ (НА ПРИМЕРЕ ОЦЕНОК РАСПРОСТРАНЁННОСТИ КУРЕНИЯ В РОССИИ)

Николай Сергеевич Бабич¹

Алексей Александрович Михайлов²

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

¹ sociolog@mail.ru,

ORCID 0000-0001-8697-3038

² Государственный академический
университет гуманитарных наук,
Москва, Россия,

² mix-al.mix@yandex.ru,

ORCID 0000-0001-8874-0377

Для цитирования: Бабич Н. С., Михайлов А. А. Анализ достоверности данных массовых опросов (на примере оценок распространённости курения в России) // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 198–213. DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.9. EDN XFHTMI.

Аннотация. Основанные на опросных данных оценки распространённости курения в России, представляемые различными вполне респектабельными организациями на один и тот же временной период, колеблются в диапазоне от менее 20% до более 50%. Такой разброс существенным образом влияет на общую картину ситуации с курением в России и оценку успешности антитабачной политики и не может объясняться различиями в концептуализации показателя (кого считать курильщиками). Проблемная ситуация заставляет поставить вопрос о достоверности соответствующих опросных данных, который может быть решён, как минимум, двумя способами: анализом и учётом факторов расхождений или выбором одного из исследований в качестве эталонного с тщательной проверкой достоверности данных. В статье обосновывается выбор второго способа и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (далее РМЭЗ) как эталона. Для проверки достоверности его данных использованы три критерия: анализ критических публикаций о погрешностях исследования, методическая триангуляция (сравнение с данными, полученными другими методами) и анализ корреляции с последствиями курения. Все три критерия показали высокий уровень достоверности данных РМЭЗ. Выдвинутая в критических публикациях гипотеза о погрешности исследования не находит эмпирического подтверждения.

© Бабич Н. С., 2024

© Михайлов А. А., 2024

Сравнение с другими предположительно надёжными данными, как опросными, так и не опросными (официальная статистика, наблюдение) показывает расхождение ниже уровня статистической погрешности. Корреляция данных РМЭЗ о курении со смертностью от заболеваний системы кровообращения оказывается исключительно высокой. Следовательно, РМЭЗ целесообразно рассматривать как эталонный источник данных о распространённости курения в России, а существенно отличающиеся от него показатели других опросов — как потенциально сомнительные в своих методических решениях.

Ключевые слова: распространённость курения, массовые опросы, достоверность опросных данных, методическая триангуляция, РМЭЗ

Введение

Курение — один из важнейших поведенческих факторов, повышающих смертность в России и во всём мире, поэтому борьба с ним относится к приоритетам социальной политики. Важный её инструмент — измерение распространённости курения, основой которого служат массовые опросы, проводимые по репрезентативным национальным выборкам. Но разброс оценок доли курящего населения, получаемых с помощью опросов, оказывается очень велик.

По данным выборочных обследований Росстата на 2022 год среди россиян в возрасте старше 14 лет было 19,2% курильщиков¹. ВЦИОМ в июльском опросе того же 2022 года получил величину 33% курящих среди совершеннолетнего населения страны². Разница почти в 14% явно не укладывается в обычную статистическую погрешность. Но ещё более драматический отрыв наблюдается в данных международной исследовательской компании NielsenIQ. По результатам регулярного опроса «Индекс потребительского оптимизма» в первом квартале 2022 г. доля курящих на регулярной основе каждый день россиян составила 37%, а курящих время от времени — 14%, итого 51%³. Эти данные подтверждаются результатами опроса, проведённого компанией «Росгосстрах. Жизнь», согласно которому в мае 2022 г. курили 55% жителей России⁴. Показатели Росстата служат основой для осуществления государственной

¹ Выборочное наблюдение состояния здоровья населения. 2022 // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor22/PublishSite_2022/index.html (дата обращения: 22.04.2024).

² Курение в России — мониторинг // ВЦИОМ : [сайт]. 12 июля 2022 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kurenie-v-rossii-monitoring-2022> (дата обращения: 22.04.2024).

³ Тренды индустрии: рынок табачных изделий // NIQ : [сайт]. 25 июля 2022. URL: <https://nielseniq.com/global/ru/insights/analysis/2022/trendy-industrii-rynok-tabachnyh-izdeliy/> (дата обращения: 22.04.2024).

⁴ Здесь не курят: в России наметился тренд на отказ от вредной привычки // Росгосстрах Жизнь : [сайт]. 30 мая 2022. URL: <https://rgsl.ru/news/zdes-ne-kuryat-v-rossii-nametilsya-trend-na-otkaz-ot-vrednoy-privychki/> (дата обращения: 22.04.2024).

политики в России, ВЦИОМ является одним из основных поставщиков информации о массовом сознании россиян, данным NielsenIQ доверяют крупнейшие международные корпорации по всему миру, а страховые компании типа «Росгосстрах. Жизнь» вообще существуют благодаря качеству такой статистики как распространённость курения и его последствий. Тем не менее, оценки распространённости курения, представленные этими респектабельными организациями, колеблются в диапазоне от менее 20% до более 50%.

Такой разброс оценок обосновывает необходимость постановки методического вопроса о том, можно ли вообще полагаться на опросные данные для определения распространённости курения, а если да — то на какие? В статье предпринимается попытка ответить на этот вопрос посредством проведения насколько возможно полной проверки (аудита) методик сбора опросных данных о курении.

Задача проведения аудита разрешима при помощи двух подходов. С одной стороны, можно собрать максимальную по объёму совокупность оценок распространённости курения, сопроводив их различными сопутствующими данными, такими как композиция выборки, способ опроса, формулировка вопросов и т. п. Затем, детально анализируя различия между методиками, сопоставлять их различия в результатах. Таким путём (обычно называемым «метаанализом») выявить более и менее достоверные методики, отбросить недостоверные и в конце концов, через обобщения достоверных дойти до интегрированной, наиболее правдоподобной оценки. С другой стороны, можно взять одно, наиболее подходящее на роль некоего «эталона» исследование, и проверить разными способами достоверность именно его данных. Тогда при положительном исходе проверки, достоверность данных всех остальных опросов может быть легко проверена путём сопоставления с полученным «эталонным».

Первый подход к решению задачи затруднён тем, что процитированные исследования имеют разную степень открытости данных. Например, Росстат размещает на своём сайте файлы с микроданными, ВЦИОМ по вопросу курения сообщает только обобщённую для национального уровня статистику, а для данных NielsenIQ и Росгосстраха неизвестны даже точные параметры выборки. Второй подход может столкнуться с ещё большими препятствиями так как положительный исход проверки не гарантирован и потребует наличия ярко выделяющегося «эталонного» опроса — такого, который выполнен на очень высоком методическом уровне, желательно имеет характер многолетнего мониторинга и широко используется в исследованиях на соответствующую тему. Анализ позволил авторам выявить в российской социологической опросной практике такой опрос, что обусловило выбор в пользу второго пути проведения аудита.

РМЭЗ как «эталонный» опрос о курении

«РМЭЗ» или «RLMS» — «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ», проводимый НИУ «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН. Подробное описание исследования и детальные открытые данные за период 1994–2022 гг. представлены на сайтах ВШЭ¹ и Университета Северной Каролины². Объём репрезентативной для населения России выборки исследования с учётом взвешивания колеблется от около 8 (2005 год) до около 17 тыс. человек (2012 год). Исчерпывающие данные о выборке по каждому году доступны на сайте исследования.

Основной представляющий для авторов интерес вопрос «Вы курите в настоящее время?» с вариантами ответа «да» и «нет» задавался в индивидуальном вопроснике, как и другой показательный вопрос «Сколько примерно штук сигарет или папирос Вы обычно выкуриваете за день?». В вопроснике для домохозяйств задавался вопрос о приобретении сигарет за последнюю неделю.

Исследование РМЭЗ было спроектировано с учётом высоких методических требований и международного опыта [1; 2] и в настоящее время является одним из основных источников информации о распространённости курения, его факторах и последствиях в России [3; 4; 5; 6].

Однако до сих пор данные РМЭЗ по доле курильщиков не подвергались подробной и многосторонней проверке. Чтобы восполнить этот пробел и в случае успеха получить возможность опираться на «эталонную» долю курильщиков при сравнении неоднородных опросных данных, потребуется предпринять четыре шага. Во-первых, необходимо представить значения искомой доли в анализируемом исследовании для того, чтобы можно было оценивать их качество. Во-вторых, следует рассмотреть имеющуюся критику этих показателей. Каким бы совершенным ни было исследование, полностью нивелировать все его недостатки невозможно, поэтому необходимо проанализировать те из них, которые уже были обнаружены ранее. В-третьих, может быть применена одна из наиболее убедительных стратегий контроля достоверности результатов исследования — методическая триангуляция. Сравним распространённость курения по РМЭЗ с аналогичными показателями, получаемыми иными методами в других исследованиях. Но данные, прошедшие два

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ // НИУ ВШЭ: [сайт]. 20 мая 2022. URL: <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 22.04.2024).

² Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE // University of North Carolina at Chapel Hill : [сайт]. 20 мая 2022. URL: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> (дата обращения: 22.04.2024).

испытания — анализ существующей критики и триангуляцию — ещё не могут быть признаны «эталонными» так как распространённость курения, конечно, интересует всех не сама по себе, а в качестве переменной, тесно связанной с общественным здоровьем. Поэтому последним испытанием для данных РМЭЗ должно быть установление их корреляционной связи с показателем, характеризующим объективные последствия курения.

В авторском исследовании использованы данные РМЭЗ с 1994 по 2022 гг. Основной вопрос о курении задавался в рамках мониторинга в так называемом «взрослом» опроснике, который использовался только для респондентов, начиная с неполных 14 лет. Отметим, что темп падения доли курящих с сокращением возраста (см. рис. 1) показывает, что для групп младше 13 лет эта доля может быть принята близкой к нулю. Таким образом, доля курящих во всей выборке индивидов может вполне обоснованно рассматриваться как показатель распространённости курения среди всего населения. Пропущенные значения переменной «Вы курите в настоящее время?», соответствующие детскому опроснику, будут соотноситься со значением «не курю».

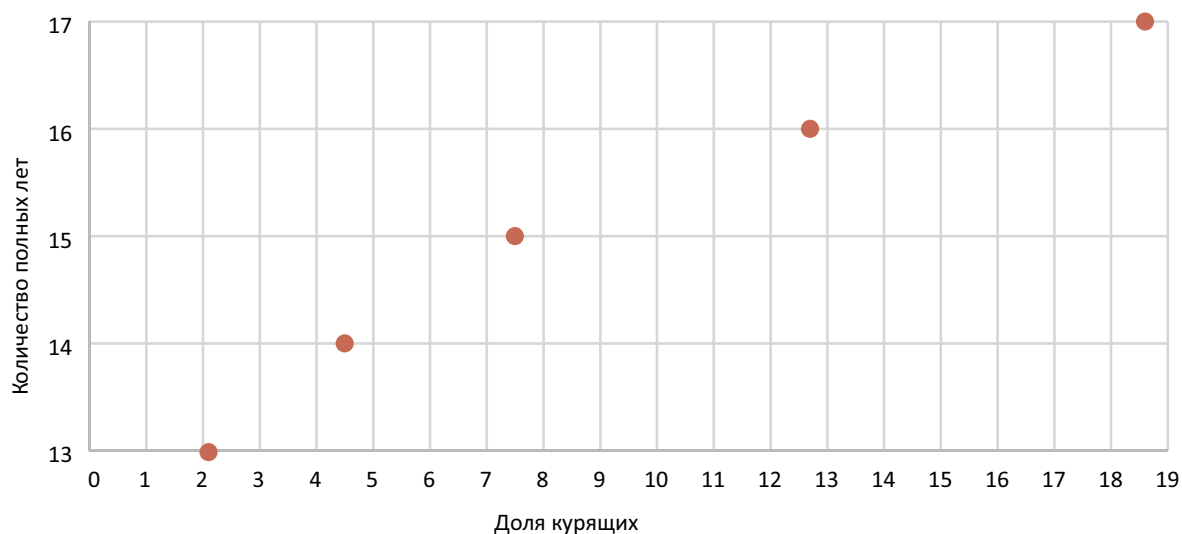

Рис. 1. Распределение доли курильщиков по возрастам 13–17 лет в выборке РМЭЗ (взвешенные данные по репрезентативной выборке индивидов 1994–2022, N=313996), % от давших ответ в возрастной группе

Для сопоставления с данными других организаций приведём данные о распространённости курения для населения в возрасте от 18 лет (см. табл. 1).

Итак, данные, представленные в таблице 1 — это и есть основные показатели курения по РМЭЗ, которые подлежат проверке в качестве потенциального «эталона» достоверных оценок.

Таблица 1

*Распределение доли курильщиков по годам в выборке РМЭЗ
(взвешенные данные по репрезентативной выборке индивидов 1994–2022),
доля опрошенных в соответствующей группе, %*

Годы	Распространённость курения	
	Доля в совокупности всех опрошенных	Доля в совокупности опрошенных, достигших 18 лет
1994	23,9	32,3
1995	24,6	33,3
1996	25,0	34,0
1998	25,4	34,0
2000	26,2	35,0
2001	27,3	36,3
2002	27,7	37,0
2003	27,3	36,2
2004	29,2	35,9
2005	28,8	35,5
2006	29,6	36,4
2007	29,5	36,3
2008	28,7	35,4
2009	27,9	34,7
2010	26,6	33,6
2011	26,8	32,4
2012	27,0	32,7
2013	26,2	31,9
2014	25,5	31,2
2015	24,2	29,7
2016	23,7	29,1
2017	23,2	28,5
2018	22,9	28,0
2019	21,9	27,0
2020	21,1	26,1
2021	21,1	26,0
2022	21,1	26,1

Анализ критики РМЭЗ

Открытость данных РМЭЗ и их частое использование сторонними исследователями служат гарантией постоянной перепроверки всех основных показателей со стороны независимых профессиональных наблюдателей. Поэтому имеет смысл прежде всего обратить внимание на усилия других

исследователей, которые уже осуществили критический анализ данных в ходе своей работы.

Для обнаружения критических замечаний к методике РМЭЗ в области измерения доли курильщиков авторы провели обзорный поиск публикаций на русском и английском языках в базах данных Google Академия, РИНЦ, Web of science и Scopus по полному тексту статей и ключевым словам «курение» и «smoking» в сочетании с «РМЭЗ» и «RLMS». Дополнительный поиск был осуществлён по ключевым словам «курение» и «smoking» в базе данных публикаций РМЭЗ¹. Из более чем тысячи публикаций обнаружены две, содержащие серьёзные критические замечания.

В одной из них В. Школьников с соавторами обнаружили, что из-за изменения выборки между волнами исследования в возрастной группе 25–55 лет наблюдались сильные флуктуации доли курильщиков в 2011–2012 гг. [7, с. 1–11]. Это замечание, хотя и важное для использования данных РМЭЗ применительно к конкретным проблемным годам, носит сугубо локальный характер и не ставит под сомнение общую достоверность временного ряда измерений.

Во второй обнаруженной публикации критика имеет больший размах. Специалисты ЦНИИ организации и информатизации здравоохранения Минздрава России пришли к выводу, что «в опросах домохозяйств, таких как исследования Росстата и РМЭЗ, как правило, систематически занижается распространённость социально нежелательных явлений, поскольку в таких исследованиях опрос членов семьи проводится в присутствии друг друга, в результате чего показатели табакокурения значительно ниже, чем при индивидуальных опросах» [8, с. 58]. К сожалению, в указанной статье нет подробной аргументации этого важного методического вывода. Однако высказанная её авторами гипотеза о влиянии присутствия родственников может быть легко проверена при помощи параданных, доступных в файле микроданных РМЭЗ. Как показано в таблице 2, в подвыборке индивидов, опрошенных в присутствии других членов домохозяйства, доля утвердительных ответов о курении оказывается даже выше, чем при интервью, проведённых тет-а-тет.

Аналогичная картина наблюдается с количеством выкуриваемых сигарет: респонденты, дававшие ответы в присутствии родственников, указывали в среднем 15,76 сигарет в день, а без присутствия родственников — только 15,22 сигареты.

Таким образом, доступные параданные прямо опровергают гипотезу влияния присутствия других членов домохозяйства, якобы существующего в РМЭЗ. Против неё свидетельствуют и данные некоторых других опросов.

¹ Публикации РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) // НИУ ВШЭ : [сайт]. 20 мая 2022. URL: <https://www.hse.ru/rlms/bdp> (дата обращения: 22.04.2024).

Таблица 2

Сопряжённость курения и присутствия других членов домохозяйства во время интервью РМЭЗ (взвешенные данные по репрезентативной выборке индивидов 1994–2022, N=313996), в % от типа ситуации

Факт курения *	Присутствие других членов домохозяйства в момент опроса **	
	Присутствовали	Не присутствовали
Да	25,2	23,7
Нет	74,8	76,3

* Формулировка вопроса: Вы курите в настоящее время?

** Формулировка вопроса: «Присутствовал ли при проведении интервью, хотя бы некоторое время, кто-либо ещё из членов домохозяйства?»

В частности, в 2012–2013 гг. проходило исследование ЭССЕ-РФ, в рамках которого было опрошено более 18 тыс. человек в возрасте 25–64 лет в 12 регионах России. Формулировка вопроса о курении совпадала с РМЭЗ, однако к курящим относили также тех, кто бросил менее 1 года назад (то есть, способ подсчёта давал завышенные относительно РМЭЗ величины). При этом сам опрос проходил в рамках посещения лечебно-профилактических учреждений, так как сопровождался инструментальным обследованием показателей здоровья. Хотя ЭССЕ-РФ не вполне сопоставимо с РМЭЗ по способу концептуализации измеряемой величины, эта погрешность сопоставимости завышает, а не занижает долю курильщиков. Однако в ЭССЕ-РФ на 2012 год доля курильщиков среди населения 25–64 лет составила всего 23,5% [9], что существенно ниже показателей РМЭЗ для всего совершеннолетнего населения (32,7%). А ведь опрос в рамках ЭССЕ-РФ проходил не просто тет-а-тет, но в поликлинических условиях, то есть строго конфиденциально и даже в такой обстановке, которая скорее располагает к описанию вредных привычек — врачу рассказать о них гораздо проще и логичнее, чем случайному постороннему человеку.

Против гипотезы социального давления свидетельствуют и данные индивидуальных опросов ВЦИОМ. Дело в том, что мониторинг общественного мнения, проводимый ВЦИОМ на еженедельной основе, менял формат интервью. До 2017 года это исследование проходило в режиме поквартирного опроса, при котором в значительном количестве случаев могли присутствовать другие члены семьи. По крайней мере, любой член семьи, находившийся дома, мог услышать вопросы и ответы интервью. А начиная с 2017 года ВЦИОМ перешёл на телефонные интервью, в силу очевидных технических особенностей гораздо более конфиденциальные. Если бы присутствие других членов семьи при опросе оказывало существенное влияние на определение доли курильщиков, то в данных ВЦИОМ между 2016 и 2017 гг. должен был бы наблюдаться какой-то ощутимый рост

Таблица 3

*Распространённость курения среди совершеннолетнего населения
по данным ВЦИОМ¹*

Дата	Ответы респондентов на вопрос о курении *, % от общего числа опрошенных					
	Одну пачку сигарет в день или больше	Несколько сигарет почти каждый день	Иногда несколько сигарет в неделю или в месяц	Бросили курить и не курят уже некоторое время	Никогда не курили	Затруднились ответить
01.05.2011	22	10	2	12	53	1
07.04.2013	22	11	2	11	53	0
06.07.2014	20	12	3	13	52	0
24.05.2015	22	9	3	11	55	0
22.05.2016	17	12	2	12	58	0
22.01.2017	18	11	3	19	48	0
04.03.2018	15	9	3	20	54	0
31.05.2020	17	9	2	19	52	0
29.05.2022	13	10	4	23	49	0

* Формулировка вопроса: «Вы курите или нет? Если да, то как часто?» (в данных может присутствовать погрешность до 1% в результате округления).

этой доли. Однако, как мы видим из таблицы 3, колебания доли курящих между 2016 и 2017 гг. не превышают одного процента. Существенные колебания наблюдаются в пропорции никогда не куривших с бросившими, но эти категории в сумме между годами различаются всего на 3%.

Таким образом, гипотеза давления членов семьи при опросе в домохозяйствах не согласуется с имеющимися данными, и соответствующую критику РМЭЗ следует счесть необоснованной.

Методическая триангуляция

Близость данных, полученных разными способами, может свидетельствовать о незначительном влиянии характерных для каждого из способов погрешностей, а значит — об общей относительно высокой достоверности данных. Начать сравнение целесообразно с наиболее полной альтернативы имеющимся данным РМЭЗ — тоже опросной оценки распространённости курения, но осуществляемой на основе иной методики опроса. Такую альтернативу предоставляет ВЦИОМ. Предельная ошибка выборки регулярных телефонных опросов ВЦИОМ составляет от 2,5% до 3,1%, а поквартирных опросов — 3,5%. Ошибка выборки РМЭЗ может быть оценена как заведомо

¹ ВЦИОМ-Навигатор : официальный сайт. Москва, 2024. URL: <https://bd.wciom.ru> (дата обращения: 22.04.2024).

Таблица 4
Сравнение распространённости курения в исследованиях РМЭЗ и ВЦИОМ,
доля от общего числа совершеннолетних респондентов, %

Годы	РМЭЗ	ВЦИОМ	Модуль разности
2011	32,4	34	1,6
2013	31,9	35	3,1
2014	31,2	35	3,8
2015	29,7	34	4,3
2016	29,1	31	1,9
2017	28,5	32	3,5
2018	28,1	27	1,1
2020	26,1	28	1,9
2022	26,1	27	0,9

не превышающая те же величины (в силу большего объёма выборки). Следовательно, консервативная оценка значимых различий между двумя исследованиями может быть определена на уровне 7%. Меньшие по масштабу различия могут рассматриваться как случайные статистические флуктуации.

Как видим, во всех девяти взятых точках наблюдения расхождения между данными РМЭЗ и ВЦИОМ значительно меньше статистической погрешности, причём это относится как к технологии поквартирных опросов, так и к телефонным опросам.

Помимо массовых опросов, распространённость курения может измеряться другими методами, сравнение с которыми представляет особую ценность в триангуляции. Один из них — прямое наблюдение за покупками в магазинах. Хотя частота покупки сигарет необязательно прямо соотносится с распространённостью курения (покупки могут совершать некурящие члены семьи для своих близких, курильщики могут покупать сигареты не в каждый визит в магазин, и т. д.), эти два показателя могут совпадать при соблюдении достаточно простых условий равенства частот покупок для разных категорий товаров и визитов в магазин для различных категорий покупателей. Поэтому близость наблюдаемой частоты покупок с опросными данными служит хотя и косвенным, но подтверждением достоверности последних. Наблюдение за посетителями супермаркетов, проведённое специалистами Nielsen с 10-го по 20-ое июня 2018 года показало, что сигареты в прикассовой зоне покупает каждый третий¹, что не только приблизительно соответствует величине в 28,0%, полученной в тот год для совершеннолетних участников РМЭЗ, но и косвенно

¹ 4 способа повысить продажи в прикассовой зоне // Retail.ru: [сайт]. 1 августа 2018. URL: <https://www.retail.ru/articles/4-sposoba-povysit-prodazhi-v-prikassovoy-zone/> (дата обращения: 22.04.2024).

свидетельствует против более поздних данных той же компании Nielsen (см. Введение к статье), согласно которым курит более половины населения России. Соответствие между наблюдением и показателями РМЭЗ можно ещё усилить, если взять долю домохозяйств, в которых сигареты покупались за неделю: по данным РМЭЗ на 2018 год эта доля составляла 34,5%, то есть, практически ровно треть.

Имеется и возможность сопоставить показатели РМЭЗ с достаточно строго собираемой официальной статистикой. Данные волны 2021 года собирались в четвёртом квартале, по которому доклад Минпромторга России о состоянии рынка табака в 1 квартале 2022 года сообщает, что в государственной информационной системе маркировки товаров была зафиксирована продажа 1,7 млрд пачек сигарет¹. Доля нелегальных сигарет при этом составляла порядка 12%². Таким образом, общий объём продаж в четвёртом квартале 2021 года можно оценить в величину $1,7/0,88=1,93$ млрд пачек. Это точный показатель, с которым можно сопоставить оценки РМЭЗ. По данным анкеты домохозяйств, в четвёртом квартале 2021 года среднее количество купленных пачек составляло 2,5 штуки в неделю. Исходя из того, что в России на 2021 год насчитывалось около 66 млн домохозяйств³, имеем: $2,5*66*12=1980$ млн пачек. Разница с итогами государственного учёта составляет всего 50 млн или 2,6% от действительного количества проданных пачек.

Итак, методическая триангуляция показывает весьма высокую достоверность показателей распространённости курения, измеряемых в рамках РМЭЗ.

Корреляционный анализ

Если в некотором исследовании достаточно хорошо измеряется самооценка курения респондентов, то его результаты должны демонстрировать тесную статистическую связь с объективными проявлениями или последствиями курения — заболеваемостью и смертностью. При этом смертность представляет собой более надёжный показатель, так как гораздо меньше зависит, во-первых, от интенсивности обращения к врачам, во-вторых, от вероятности обнаружения заболевания. Иными словами, смертность — это отражение максимально объективных последствий курения, так как измерению подвергается не просто самочувствие или образ жизни человека, но само его физическое существование.

¹ Обзор состояния розничных рынков продаж табачной продукции в субъектах Российской Федерации за I квартал 2022 года : URL: https://dpt.admin-smolensk.ru/files/491/obzor_tabak-1kv_2022.pdf (дата обращения: 22.04.2024).

² Там же. С. 24.

³ Частные домохозяйства по размеру домохозяйства // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom8_tab2_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 22.04.2024).

Также очевидно, что необходимо использовать данные о смертности от заболеваний, тесно связанных с курением. В России по некоторым оценкам более 60% смертности от курения приходится на болезни системы кровообращения [10]. Следовательно, именно эта причина может использоваться для верификации данных о распространённости курения.

Для такого сопоставления был использован корреляционный анализ распространённости курения по РМЭЗ с данными Росстата¹. Хотя число умерших в ней берётся от всего населения в целом, смертность от курения явно должна приходиться на возрастные группы с определённым стажем этой вредной привычки, поэтому в качестве оценки РМЭЗ целесообразнее всего взять долю курящих от совершеннолетнего населения из таблицы 1. Коэффициент Пирсона показывает весьма тесную, более того, близкую к единице корреляцию между смертностью от болезней системы кровообращения и долей курильщиков (см. табл. 5).

Но для наблюдаемой корреляции можно выдвинуть и очевидное возражение. Выявленная взаимосвязь двух временных рядов легко может возникать потому, что оба они связаны не между собой, а, скажем, с течением времени. Альтернативное объяснение может состоять в том, что, благодаря профилактике курения постепенно снижается его распространённость, и, одновременно, благодаря развитию медицины, независимо от показателей курения по РМЭЗ, постепенно снижается смертность. И действительно, как видно из матрицы корреляций, и смертность и доля курящих значимо и достаточно тесно коррелируют с годами, в которые производилось измерение.

Таблица 5
Корреляция доли курильщиков, смертности и переменной времени
(коэффициент r Пирсона)

Показатели		Годы	Доля курящих	Смертность
Годы	Корреляция Пирсона	1	-0,781	-0,777
	Значимость (2-сторонняя)		0,000	0,000
	N	27	27	27
Доля курящих	Корреляция Пирсона	-0,781	1	0,926
	Значимость (2-сторонняя)	0,000		0,000
	N	27	27	27
Смертность	Корреляция Пирсона	-0,777	0,926	1
	Значимость (2-сторонняя)	0,000	0,000	
	N	27	27	27

¹ Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти в расчёте на 100000 населения за год // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31270> (дата обращения: 22.04.2024).

Для проверки этого контраргумента рассчитаем частную корреляцию между долей курильщиков по РМЭЗ и смертностью, исключив влияние года наблюдения. Как видно из таблицы 6, корреляция смертности и доли курящих сохранилась на статистически значимом уровне, теснота связи при этом снизилась незначительно.

Таблица 6

*Частная корреляция доли курильщиков по РМЭЗ и смертности
с исключением переменной года наблюдения*

Показатели		Смертность	Доля курящих
Смертность	Корреляция	1,000	0,813
	Значимость (2-сторонняя)	–	0,000
	Число степеней свободы	0	24
Доля курящих	Корреляция	0,813	1,000
	Значимость (2-сторонняя)	0,000	–
	Число степеней свободы	24	0

Если же рассчитать частную корреляцию смертности и даты измерения, исключив влияние доли курящего населения, то теснота связи падает весьма существенно, и корреляция оказывается статистически незначимой (см. табл. 7). Таким образом, вывод о тесной связи данных РМЭЗ и объективной контрольной переменной смертности может быть признан достаточно достоверным.

Таблица 7

*Частная корреляция переменных года наблюдения и смертности
с исключением доли курильщиков по РМЭЗ*

Показатели		Годы	Смертность
Годы	Корреляция	1,000	-0,228
	Значимость (2-сторонняя)	–	0,263
	Число степеней свободы	0	24
Смертность	Корреляция	-0,228	1,000
	Значимость (2-сторонняя)	0,263	–
	Число степеней свободы	24	0

Этот корреляционный анализ имеет свои ограничения. Во-первых, при установлении зависимости по принципу «год к году» получается всего 27 наблюдений, что, хотя и является формально достаточным для получения статистически значимого результата, всё же представляет собой относительно небольшую выборку. Во-вторых, любой корреляционный анализ несёт в себе риск существования «третьей переменной», зависимость от которой объясняет наблюдаемую взаимосвязь, в таком случае, оказывающуюся ложной. Хотя исключено в качестве такой «третьей переменной»

само время, это не единственный из мыслимых вариантов, а перебрать все их не представляется возможным. В-третьих, влияние курения на смертность, конечно, не ограничивается годом измерения, но распространяется на все последующие периоды, постепенно угасая до исчезающе малых величин. Поэтому полученный результат, по мнению авторов, не следует рассматривать с содержательной точки зрения как свидетельствующий о конкретном уровне корреляционной связи между курением и смертностью от определённой причины. В этом смысле величина коэффициента представляется достаточно условной. Однако исследовательским интересом является не столько содержательная интерпретация показателя, сколько именно формальное отражение им отношений между сравниваемыми рядами данных. Для этой цели предпринятый анализ вполне подходит, и он показывает, что оценки распространённости курения по РМЭЗ тесно связаны с распространённостью объективных последствий курения. А это означает, что данные РМЭЗ успешно проходят и третью проверку достоверности.

Заключение

Проведённый анализ показал, что среди всех опросных измерений распространённости курения может быть выделен один «эталонный», который целесообразно рассматривать как наиболее достоверный. Это РМЭЗ (RLMS). Его данные успешно проходят проверку критическими публикациями, сопоставлением с другими методами измерения распространённости курения, в том числе с расчётами через статистику потребления и с непосредственным наблюдением за покупкой сигарет. Кроме того, данные РМЭЗ демонстрируют весьма высокую корреляцию с объективными последствиями курения, такими как смертность от заболеваний системы кровообращения. Всё это означает, что данные РМЭЗ можно рассматривать как в высокой степени достоверные, и, если данные других опросов от него отличаются, это следует расценивать как повод для сомнений в принятых в этих других опросах методических решениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сваффорд М. С., Косолапов М. С., Козырева П. М. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 90-е годы // Мир России. Социология. Этнология. 1999. Т. 8, № 3. С. 153–172. EDN [KJRTZB](#).
2. Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B. Data Resource Profile: The Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE). Phase II: Monitoring the Economic and Health Situation in Russia, 1994–2013 // International Journal of Epidemiology. 2016. Vol. 45, № 2. P. 395–401. DOI [10.1093/ije/dyv357](#).

3. Русинова Н. Л., Озерова О. В., Сафронов В. В. Курение в России: социальные различия и тенденции в 1990-е и 2000-е гг. // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 104–113. EDN **QASAYB**.
4. Кузнецова П. О. Курение как фактор сокращения ожидаемой продолжительности жизни в России // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 3. С. 31–57. DOI **10.17323/demreview.v6i3.9854**. EDN **BQHGSX**.
5. Назарова И. Б. Мониторинг состояния здоровья населения и факторов риска (к методологии изучения здоровья) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22, № 3. С. 616–629. DOI **10.22363/2313-2272-2022-22-3-616-629**. EDN **KDWVEN**.
6. Tobacco, Alcohol and Diet as Mortality Risk Factors: the secondary analysis of the 25-year Cohort Study / A. Egorova, B. Idrisov, R. Redman [et al.] // Journal of Health Research. 2023. Vol. 38, № 1. DOI **10.56808/2586-940X.1062**.
7. Time trends in smoking in Russia in the light of recent tobacco control measures: synthesis of evidence from multiple sources / V. M. Shkolnikov, E. Churilova, D. A. Jdanov [et al.] // BMC Public Health. 2020. Vol. 20, № 1. DOI **10.1186/s12889-020-08464-4**. EDN **KTPZMM**.
8. Зубкова Т. С., Замятина Е. С., Халтурина Д. А. Система индикаторов поведенческих факторов риска России на национальном и региональном уровнях // Общественное здоровье. 2021. Т. 1, № 4. С. 56–67. DOI **10.21045/2782-1676-2021-1-4-56-67**. EDN **JCXXTR**.
9. Распространённость поведенческих факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний в российской популяции по результатам исследования ЭССЕ-РФ / Ю. А. Баланова, А. В. Концевая, С. А. Шальнова [и др.] // Профилактическая медицина. 2014. Т. 17, № 5. С. 42–52. EDN **TQOSLL**.
10. Масленникова Г. Я., Оганов Р. Г. Медицинский и социально-экономический ущерб, обусловленный курением табака в Российской Федерации: болезни системы кровообращения // Профилактическая медицина. 2011. Т. 14, № 3. С. 19–27. EDN **PUGUZD**.

Сведения об авторах

Н. С. Бабич

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: **8164-5646**

А. А. Михайлов

аспирант
SPIN-код: **9137-2318**

Авторы внесли одинаковый вклад в данную статью.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 13.08.2024; принята к публикации 27.08.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.9

ANALYSIS OF THE MASS SURVEY DATA RELIABILITY (USING THE EXAMPLE OF SMOKING PREVALENCE IN RUSSIA ESTIMATES)

Nikolay Sergeevich Babich¹
Alexey Aleksandrovich Mikhailov²

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

¹sociolog@mail.ru,

ORCID 0000-0001-8697-3038

²State Academic University of Humanities,
Moscow, Russia,

²mix-al.mix@yandex.ru,

ORCID 0000-0001-8874-0377

For citation: Babich N. S., Mikhailov A. A. Analysis of the mass survey data reliability (using the example of smoking prevalence in Russia estimates). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(3):198–213. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.9.

Abstract. Survey-based estimates of smoking prevalence in Russia, given by various quite respectable organizations for the same period, range from less than 20% to more than 50%. This scatter cannot be explained by differences in the conceptualization of the indicator (who is considered a smoker) and significantly affects the overall picture of smoking in Russia and the assessment of the success of anti-tobacco policy. This raises questions about the reliability of the relevant survey data. It can be solved in at least two ways: by analyzing and eliminating discrepancy factors or by choosing one of the studies as a reference with a thorough check of the reliability of its data. The article substantiates the choice of the second path and the Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS) as a reference. To check its reliability, three criteria were used: analysis of critical publications about research errors, methodological triangulation (comparison with data from other methods) and analysis of correlation with the consequences of smoking. All three criteria showed a high level of reliability of the RLMS data. The hypothesis about the research error put forward in critical publications does not find empirical confirmation. Comparison with other supposedly reliable data (both survey and non-survey) shows discrepancies below the margin of statistical error. The correlation of RLMS data on smoking with mortality from diseases of the circulatory system turns out to be extremely high. Therefore, it is advisable to consider the RLMS as a reference source of data on the prevalence of smoking in Russia, and indicators from other surveys that differ significantly from it as potentially questionable in their methodological decisions.

Keywords: smoking prevalence, social surveys, reliability of survey data, methodological triangulation, RLMS

REFERENCES

1. Swafford M. S., Kosolapov M. S., Kozyreva P. M. Russian longitudinal monitoring survey (RLMS): measuring the well-being of Russians in the 90s. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology=Mir Rossii. Sociologiya. E`tnologiya*. 1999;8(3):53–172. (In Russ.).

2. Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B. Data resource profile: The Russia longitudinal monitoring survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE) Phase II: Monitoring the economic and health situation in Russia, 1994–2013. *International Journal of Epidemiology*. 2016;45(2):395–401. DOI [10.1093/ije/dyv357](https://doi.org/10.1093/ije/dyv357).
3. Rusinova N. L., Ozerova O. V., Safronov V. V. Smoking in Russia. Social differences and trends in 1990-th to 2000-th. *Sotsiologicheskie Issledovaniia=Sociological Studies*. 2013;(3):104–113. (In Russ.).
4. Kuznetsova P. O. Smoking as a factor of reduced life expectancy in Russia. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*. 2019;6(3):31–57. (In Russ.). DOI [10.17323/demreview.v6i3.9854](https://doi.org/10.17323/demreview.v6i3.9854).
5. Nazarova I. B. Monitoring of the population health and health risk factors (research methodology). *RUDN Journal of Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Sociologiya*. 2022;22(3):616–629. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2022-22-3-616-629](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-3-616-629).
6. Egorova A., Idrisov B., Redman R. [et al.]. Tobacco, Alcohol and Diet as Mortality Risk Factors: the secondary analysis of the 25-year Cohort Study. *Journal of Health Research*. 2023;38(1). DOI [10.56808/2586-940X.1062](https://doi.org/10.56808/2586-940X.1062).
7. Shkolnikov V. M., Churilova E., Jdanov D. A. [et al.]. Time trends in smoking in Russia in the light of recent tobacco control measures: synthesis of evidence from multiple sources. *BMC Public Health*. 2020;20(1). DOI [10.1186/s12889-020-08464-4](https://doi.org/10.1186/s12889-020-08464-4).
8. Zubkova T. S., Zamiatnina E. S., Khalturina D. A. The system of indicators of behavioral risk factors in Russia at the national and regional levels. *Public health=Obshchestvennoe zdorov'e*. 2021;1(4):56–67. (In Russ.). DOI [10.21045/2782-1676-2021-1-4-56-67](https://doi.org/10.21045/2782-1676-2021-1-4-56-67).
9. Balanova Iu. A., Kontsevaia A. V., Shal'nova S. A. [et al.]. Prevalence of behavioral risk factors for cardiovascular disease in the Russian population: results of the ESSE-RF epidemiological study. *Profilakticheskaya Meditsina=The Russian Journal of Preventive Medicine*. 2014;17(5):42–52. (In Russ.).
10. Maslennikova G. Ia., Oganov R. G. Medical and socioeconomic damage caused by smoking in the Russian Federation: diseases of circulatory system. *Profilakticheskaya Meditsina=The Russian Journal of Preventive Medicine*. 2011;14(3):19–27. (In Russ.).

Information about the Authors

N. S. Babich

Candidate of Sociology,
Senior Researcher
ResearcherID: [I-5630-2016](https://orcid.org/0009-0001-5630-2016)
Scopus AuthorID: [57201994829](https://orcid.org/0009-0001-5630-2016)

A. A. Mikhailov

Postgraduate student

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 13.08.2024; accepted for publication 27.08.2024.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сетевой научный журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-85089 от 31 марта 2023 года
ISSN 2413-6891

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор – *Горшков М. К.*

Заместитель главного редактора-ответственный секретарь – *Мозговая А. В.*

Заместитель главного редактора – *Кравченко С. А.*

Заведующая редакцией – *Зорина А. Е.*

Научные редакторы:

Зеленская О. Ю., Камышан В. В., Савоськина А. П.

Технический редактор: *Ломантёрова С. И.*

Оригинал-макет; вёрстка: *Чичилов Е. В.*

Журнал «Социологическая наука и социальная практика» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Электронная почта редакции: mozgovai@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57. Факс редакции: 8 495 719-07-40

Официальный сайт журнала: <https://www.socnp.ru>

2024. Том 12, № 3. Дата выхода в свет 30.09.2024.